

ГРАНИ

GRANI

158

1990

Verlagsort: Frankfurt/M., Oktober-Dezember

"ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в "Граних" были опубликованы произведения:

А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова,
И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича,
З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского,
Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина,
Н. Коржавина, В. Корнилова, А. Куприна,
С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова,
О. Мандельштама, В. Набокова, В. Некрасова,
Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского,
А. Платонова, Г. Подъяпольского,
Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова,
А. Солженицына, В. Солоухина, М. Цветаевой,
И. Шмелева, В. Шульгина...

Журнал основан в 1946 году
Основатель журнала Е. Р. Романов

Редактировали:

1946 Е. Р. Романов, С. С. Максимов, Б. В. Серафимов

1947 – 1952 Е. Р. Романов

1952 – 1955 Л. Д. Ржевский

1955 – 1961 Е. Р. Романов

1962 – 1982 Н. Б. Тарасова

1982 – 1983 Р. Н. Редлих, Н. Рутыч

1984 – 1986 Г. Н. Владимов

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XLIV

№ 158

1990

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Ирина и Виталий БЕЛОБРОВЦЕВЫ

"А правда так пленительна..."

Беседа с писателем Борисом КРЯЧКО

5

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Михаил КАРЛИН. Смерть либерала

26

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ. Путешествие. *Стихи*

51

Александр МАЛЮГИН. Порода. *Рассказ*

59

Ольга БЕШЕНКОВСКАЯ. *Стихи*

66

Яков ХРОМЧЕНКО. Дождь. *Рассказ*

72

Григорий МАРК. Подпись в углу акварели. *Стихи*

86

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Юлия ЛАТЫНИНА. Два авангарда

91

Роман РЕДЛИХ. Воскрешение языка

108

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

А. Е. ЧЕМЕСОВА - О. А. ЦАДКИН

"Мы - птицы разного полета..."

123

Ольга КЛИМЕНКО. Десять лет (*продолжение*)

163

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Павел В. ФЛОРЕНСКИЙ. Против кого мы водимся? 200

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор БЕСКРОВНЫХ. Экологический кризис
в СССР 242

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Константин Боголюбский. "Память общей беды..."
(О поэзии Лии Владимировой) 280

Евгений Крохмаль. Черная кошка в "темной комнате"
(Людмила Петрушевская. "Песни XX века") 288

Валентина Синкевич. Воспоминания о сталинской
России и Второй мировой войне
(Nina Markovna. "Nina's Journey") 292

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ 298

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ 305

СОДЕРЖАНИЕ с № 155 по № 158 307

Обложка работы художника Н. Мишаткина

Ирина и Виталий БЕЛОБРОВЦЕВЫ

"А правда так пленительна..."

Беседа с писателем Борисом КРЯЧКО

В журнале "Грани", который наша пресса еще совсем недавно именовала не иначе, как белогвардейским и о котором писала, только захлебываясь от возмущения, в № 149 была напечатана повесть Андреса Койта "Битые собаки". Имя автора ничего не говорило знающему читателю, скорее удивляло: повесть была написана в самой что ни на есть русской литературной традиции, и "Андрес Койт" выглядело маской, тем более что в конце, где обычно журнал приводит данные об авторах, редакция просила отозваться всех, кто хоть что-нибудь знает об этом загадочном прозаике. Мы знали. Но, как оказалось, в наше время, когда сообщение подобных данных, по счастью, уже не опасно ни для сообщающего, ни для того, о ком сообщается, информация дошла до "Граней" достаточно оперативно, и в ответ на наш вопрос - знают ли? - московский представитель журнала Владимир Батшев ответил утвердительно: теперь знаем. Тем лучше. Значит, наша беседа с "Андресом Койтом" не нуждается в особо длинном предисловии. Итак,

- "Грани" напечатали Вашу повесть и несколько рассказов - Вы знали об этом?

- Знать не знал, но догадывался, что такое вполне возможно. Я имею обыкновение, прежде чем решить, что вещь закончена, проверять ее, читая в кругу близко знакомых. Тут я ориентируюсь и на собственный голос, и на восприятие слушателей. Если вещь проходила - значит, закончена, и существенных правок я в нее больше не вносил. Хотя это тоже условно, и в любой из вещей нашлись бы понятия, которые можно обозначить точнее.

Люди были разные, в том числе и посидевшие. Один, к примеру, оценивал вещь именно с этой стороны: "Слабовато, - говорил, - слабовато, всего года на три, четыре общего режима тянет". Или наоборот: "Это история хороша, лет семь строгого определено дадут".

Там-то, в этом кругу, мне и сказали, чтобы я взял псевдоним. Ты, сказали, должен понять, что если твоя вещь полноценна, и ты ее написал и отдал знакомым, то она от тебя больше не зависит и может оказаться где угодно, даже в ЦК. И не только в ЦК, но и за бугром. Люди уезжают, твои пять копий могут превратиться в 25, а под ксероксом и того больше, твои знакомые из лучших побуждений раздадут их своим знакомым. Процесс Даниэля и Синявского, сказали, должен быть у тебя перед глазами, и, если хочешь знать, писали бы они под собственными фамилиями - их осудили бы лет на 5-7 раньше. Псевдонимы помогли, задержали.

Потом стал слышать от знакомых, что мои вещи читали в Полтаве, в Харькове. Взял псевдоним Андрес - по роману эстонского классика Таммсааре "Варгамаэ", а фамилию выбрал на слух из нескольких вариантов. Койт. Первая весть о псевдониме пришла из Ленинграда: кто такой этот Койт, не знаем, но уверены, что не эстонец. Лично я никому не давал повесть с тем, чтобы ее отвезли на Запад. Полагаю, что попала она в "Гра-

ни" сама по себе. И фактически они напечатали "Собачек" раньше всех.

Доходило до меня и другое. В гостиничном номере, который, как мы подозревали, прослушивался, знакомый написал: «"Собаки" твои т а м, Владимов их читал, отозвался хорошо». Потом мы вышли на бульвар, но и там не было сказано больше. До сих пор не знаю, действительно ли он больше не знал или это была разумная страховка. Владимова я читал, и "Руслана" тоже, еще тогда. Полагаю, этот человек хорошо разбирается не только в собаках, но к этим животным он тяготеет, может быть, поэтому ему понравились сюжет и описание ездовых собак.

- А рассказы?

- Мне передавали, что в Москве любители собрали мою книгу. То есть я так понял, что собрали рукописи - рассказов 5-6, страниц сто на машинке. Также уже под псевдонимом. В их числе и "Родные и близкие". Может быть, книжка эта и попала в "Грани", не знаю.

- Как Вы вообще относитесь к псевдонимам? Похоже, что сама идея Вам не очень-то была по душе.

- Я не хотел пользоваться псевдонимом, долго отказывался. Псевдоним берут либо когда фамилия неблагозвучна - Суходрищев там (русских фамилий неприличных довольно много), либо такая фамилия, как Мартынов. Мне рассказывал покойный сын Маршака, Иммануэль Самойлович, как его отец долго уговаривал Леонида Мартынова: "Голубчик, в русскую литературу с такой фамилией входить нельзя, да еще в поэзию". А Мартынов все

отмахивался – да ладно. И тогда Маршак написал стихотворение:

Идет за веком керосиновым
Век электрических чудес.
И я уверен, за Мартыновым
У нас появится Дантес.

И вдруг неведомо откедова
Ворвутся в стихотворный стан
Толпой убийцы Грибоедова,
Вздымая саблю и Коран.

Наш стих не будет без хозяина,
Он снова наберется сил,
Когда в "Союз" мы примем Каина,
Который Авеля убил.

Вот почему берут псевдонимы, ну, и еще одна причина – политические мотивы. Середина 70-х: "Нужда песенки поет", статьи о клевете на советскую действительность "работают" вовсю. В тюрьму никому идти не хочется, оставить хорошую работу анонимной – это просто неуважение к себе, а поставить свою фамилию – жди последствий. Между Сциллой и Харибдой проходит человек и берет псевдоним.

Итак, Андрес Койт, сиречь Борис Крячко. 10 сентября 1990 года ему исполнилось 60 лет. Небольшой сборник "Битые собаки", выпущенный в 1989 году эстонским издательством "Ээсти раамат", куда вошли, кроме заглавной повести, рассказы, – его единственная на сегодняшний день книга. Несмотря на провинциальное издательство, на почти не известное в Союзе имя писателя, книга не канула бесследно, была замечена критикой и в республике, и в обеих столицах. Случай

для русского прозаика редкостный – рецензии в "Огоньке", "Неве", "Юности"...

Говорят, одну книгу в жизни может написать каждый. Борис Крячко продолжает писать, а это уже значит, что в первом сборнике "дышат почва и судьба", а раз судьба сложилась, значит, она интересна и читателям. Опыт общения с Крячко позволяет говорить о человеке основательном, лишенном суесловия. Каждое его слово выверено, каждое мнение взвешено. Называя себя пасынком своего времени, он говорит осторожно, нащупывая фразы, и, похоже, попутно по привычке проверяет – не причинит ли кому ненароком вреда. О себе рассказывает спокойно, не преувеличивая, не приукрашая. Для него нет неожиданных вопросов: он не то предугадал их, не то по своей основательности сам себе их уже задал и ни один не оставил без ответа. Он говорит как будто всё, и, однако же, остается какая-то недоговоренность, фигура умолчания. Хитрость? Осторожность? Бог весть, но возникает ощущение глубины. Думается, читателям "Граней" будет интересно взглянуть в этого человека, которого глаз сразу выхватит из любой толпы.

- Когда Вы решали, что бросите всё и станете писателем, Вы, видимо, отвечали себе на вопрос – для чего? или, иначе говоря, на вопрос о возможностях и границах возможностей литературы?

- Литература – нормальное, полезное дело, и она может всё то, что вообще может человек. Самую высокую, на мой взгляд, оценку дал ей президент США Линкольн, когда объяснил: меня обвиняют в том, что я затеял войну между Севером и Югом. Но моя роль куда скромнее. Всю эту кашу, сказал он, заварил одна старушенция, которую звали Гарриэт Бичер-Стоу. Мне же

осталась самая малость - составить план, как расхлебать эту кашу.

Я стал писателем, потому что у меня была потребность писать. И очень скоро обнаружил, что это та сфера, в которой мне естественно живется, то есть я пишу правду, а правда так пленительна, что вполне компенсирует гонорар, который я не получаю и наверняка не смогу получить в будущем. Я ведь не знал, когда хоть какой-нибудь из моих рассказов будет напечатан.

Еще совсем недавно основным его жанром был рассказ ("Битые собаки" первая повесть писателя). Дебютанты обычно начинают с рассказов, но у Крячко и тут другое объяснение своих пристрастий:

- Жанр у меня сложился по работе, я очень уставал и не мог планировать свое писание, как Хемингуэй: во столько-то я сажусь за стол и начинаю. Художественное творчество - это пик наивысшего напряжения, физического и духовного. Это Джозеф Конрад сказал. Ему хорошо было рассуждать, он был адмирал. Я на пике физического напряжения ничем не мог уже заниматься, никаким творчеством. Например, после 12 часов работы в котельной, в особенности после ночной смены. Я должен был после этого сутки отсыпаться. А дальше оставалось несколько дней. В них-то и строилась вещь. И мне приятно было додумывать ее до конца.

- До следующей смены?

- Да, как раз успевал. А в следующий выходной уже делал. Ну, у Чехова есть и меньше по объему, у Достоевского очень большие, все зависит... А если без шуток, то жанр мы выбираем

так же, как жанр выбирает нас. Если взять Эзопа и Гомера, то это два человека одного порядка, оба определяются понятием гениальность. Но один был рабом на соляных копях и на медных рудниках, а другой – свободным, обеспеченным гражданином молодого греческого государства. У одного из них времени оставалось чуть – от работы до работы, а другой своим временем повелевал. У одного ничего не было под рукой, кроме, может быть, каких-то случайных заметок, а другой имел возможность диктовать (из-за своей слепоты) нескольким писцам. У одного получились короткие притчи и басни, а у другого – "Илиада" и "Одиссея".

- Ваши рассказы особенно хороши на слух: слова играют, оживают, многоголосие расцветает. Каждый герой говорит так, как может говорить только он. Понятно, что Вы их видите и слышите в момент писания. Но понятно и то, что произведения эти рассчитаны на читателя, на диалог с ним, на его удивление, может быть. Вы, как и каждый писатель, хотели видеть свои вещи опубликованными, а значит, должны были предлагать их в журналы, в издательства, так?

- Я предлагал, но их все вернули по причинам каким-то одинаково неискренним, недобросовестным, механическим. И поскольку я посылал их в несколько периодических изданий, то очень быстро понял, что делать это не стоит. Мне что говорили: послушайте, вы же совершенно без внутреннего редактора пишете, поэтому ваши вещи и не проходят, а вы посадите этого внутреннего редактора в себя, он будет действовать, как стоп-сигнал. Подумает за вас – вот это вполне годится, а это – нет, не пройдет. Если б я так не

писал! Дело в том, что я пробовал так писать, но у меня ничего не вышло. Ничего.

Это понятно: середина семидесятых и последующие десять лет не располагали редакторов к человеку, который как ни в чем не бывало пишет о судьбе несчастных, высланных с родных мест опальных корейцев, не желает соблюдать правила играть "все уладится, образуется" и "лепит чернуху" о наших нравах. Вокруг "все всё понимают", а он прет на рожон. Но в том-то и дело, что у нас в литературе ли, в искусстве ли, но сделать что-то стоящее могут только люди, которые на доверительное "вы же сами понимаете..." очередного чиновника наивно и убежденно отвечают: "Нет, не понимаю, а что?". Упорство Бориса Крячко имело две стороны: его не печатали, и он к тому привык, это во-первых, и, во-вторых, не воспринимая вынужденное молчание, как крушение мира, наслаждался самим процессом создания из слов осязаемой, кажется, реальности. Каждая выписанная им фигура на фоне нашей сегодняшней бедной словесной литературы – это россыпь слов и словечек, выражений, жизненных философий, интонаций.

Вот и сейчас на подходе следующая повесть, о середине тех самых 70-х, ёрническая, смешная, гротескная, с попыткой разобраться – как ломались люди и как делались железобетонные карьеры. У повести пока нет названия, и Борис Крячко по-прежнему своему методу оттачивает главы на читателях. Нам понравилось.

- Что для Вас главное в Вашем ремесле?

- Я люблю людей непохожих, отличающихся, и чем больше отличается человек, тем он мне интереснее. Для писателя непорядочный человек порой интереснее, чем абсолютно порядочный... что взять

с честного, хорошего человека, отличного семьянина? А вот если он негодяй, то он привлекает внимание, ставит перед тобой какие-то вопросы - в силу чего, с какой стати?.. Я очень рано стал смотреть на человека, как на отдельный сюжет. Говорят ведь, что каждый мог бы написать книгу, и вот если человек интересный, то и книга должна быть интересной, если скучный, то не стоит ему писать. Но по одной книге у каждого в записке есть. Человек неисчерпаем, а я принимаю близко к сердцу все, что происходит вокруг. Конечно, если б я жил сугубо личной жизнью, то, наверное, писал бы о себе, но у меня это плохо получается. Заботы другого человека занимают меня больше.

Я до определенного времени думал, что шахматисты, гроссы, запоминают все ходы. Ничего подобного, они запоминают шахматный образ, ситуацию на доске и подходят к ней с абсолютной точностью и уверенностью в последующих и предыдущих ходах. Образ снимает автоматическую последовательность, придает человеку смысл художника. Мне от образа очень легко бывает двигаться.

- Раз уж вспомнились шахматы, то позвольте спросить, почему у Вас на столе их так много, несколько досок, с несколькими комбинациями?

- Я читаю шахматные партии, я люблю их очень. Я по партиям могу даже характер человека, ведущего партию, угадать. Но практически я игрок не выше 1-го разряда, характер у меня неспортивный и беру я в шахматах исключительно художественную сторону.

- Давайте попробуем увидеть игроков Вашими глазами. Итак, Карпов... хороший человек?

- Как сказать. Он, знаете ли, скопидом. Курочка по зернышку - это не всем нравится. А N.N. - тот просто негодяй.

- Пауль Керес, говорят, рассказывал, как N.N. во время матча пинал его под столом ногами.

- Да просто сукин сын. Каспаров - импульсивный, хулиганистый даже. Но симпатичный.

- Фишер...?

- Фишер хороший, хороший. Только напускной он. Хвастун.

- Это Вы из характера игры выводите?

- Да-да, за шахматами это может быть совершенно другой человек, чем вне шахмат, это я давно знаю.

- Ваши выкладки смахивают на мистику или фантастику.

- Нет, я не фантаст. Вот и написать мне важно то, что я видел, и то, что я знаю. Точно знаю.

- Вы хотите сказать, что Ваши герои - люди реальные? Что Вы просто "подслушали" их разговоры? И существовали дядья из рассказа "Родные и близкие"? И был точно такой Никифóр Беспалов из "Битых собак"?

- Да конечно же. И из других рассказов герои тоже были. "Собаки", конечно, не полностью "подслушаны". Там и от меня много. Я с тех пор, как помню себя, любил лошадей и собак. Мне всегда интересно водить с собаками знакомство. У

меня и на этой вот улице (кивок за окно в сторону тихой пярнусской улицы, на которой живет писатель) все собаки знакомые, я с ними здороваюсь. Собака – это огромный мир, который нам неизвестен. Мы, люди, стараемся поднять ее до нашего уровня. Но еще Джек Лондон заметил, что мало кто из людей пытается вникнуть в ее мир. А ведь если органы чувств у них лучше наших в 50 или 100 раз, то значит, собака существует, получает информацию, понимает звук в совершенно ином мире. И понятия у нее совершенно другие: она должна объяснить себе каждый звук, неясный вызывает у нее тревогу. Со своей сложной системой инстинктов она делает выводы в жизни так же просто, как человек по здравом размышлении. И есть участок жизни, где человек и животное сходятся и могут понять друг друга, и у них обнаруживаются общие законы: закон правды, закон крови, закон справедливости – по добру добром, закон взаимности...

- Но своего Никифора Вы, пожалуй, сделали подуховнее, чем он есть, не мог же реальный Никифор придумать финальную молитву?!

- Это опять, как шахматный образ для гроссмейстеров. Я, во-первых, знал, что он человек верующий, а во-вторых, знал, что он молится о собаке, знал его обстоятельства. Он сказал – я Бога прошу. Так что молитву перед травлей и молитву по Асаче было очень несложно изложить, они сами получились.

(“Господи правильный, Иисус Христос, прими мою собачку, пригодится, хорошая, четыре года, звать Асача. У тебя тамotka места всем хватит, да ты ее близко престола держи, мало ли, неровен час, а в небе, поди, как на земле, – чего не бывает. Ты особо с нее, Господи, не взыщи, потому

- моя вина, я ее загубил по окаянству своему, с меня и спрос, как призовешь, а ее не трогай, бо чистая душа, как есть новоявленная. Кабы ж я-от знал, что Христофор песьеголовый, а то думал, - собака, как все, да теперь-от мучаюсь, сам видишь, ночью не сплю".)

- *А у Вас, простите за нескромный, может быть, вопрос, есть своя молитва?*

- Да, я ведь человек верующий, неосознанно - с очень давних времен. Еще ребенком. Крестился я поздно. Уже мне было - сколько? около сорока, если не сорок. Родители этого сделать не могли, потому что за такое просто стреляли, и мы оба, я и брат мой, приняли православие, будучи уже взрослыми. Это придало мне уверенности. И потом, я очень глубоко воспринял слова, сказанные Спасителем для апостолов, а через них и для всех людей при прощании - что он уйдет и не останется с ними, но пусть они не шибко об этом крушатся, потому что по нем все-таки остается большая радость - это вера. И в самом деле я это чувствую и понимаю. Это очень надежное подспорье. И она, действительно, нужна мне не по ту сторону нашей жизни, а непременно по эту. Я где-то слышал очень краткую молитву, и так она мне понравилась, что я просто взял ее себе: "Господи, научи меня добру, удержи меня от зла и дай мне благо-разумие отличать одно от другого".

- *Это, кажется, было у Курта Воннегута? (Так нам показалось, наверное, потому, что наш собеседник по образованию английский филолог. Потом проверили - и так, и не так.)*

- По-моему, у него более сложно. (Верно, в "Бойне номер пять" иначе: "Господи, дай мне ду-

шевный покой, чтобы принимать то, чего я не могу изменить, мужество – изменять то, что могу, и мудрость – всегда отличать одно от другого”.)

– Вы сказали, что писать начали лет двадцать пять тому назад. Отчего так поздно?

– Я думал об этом. Наше поколение очень сильно подзадержалось в развитии из-за победы социализма в СССР. Из-за него с детства и дальше, уже выросши, уже будучи самостоятельными, семейными, мы еще продолжали походить не на мыслящих людей, а на псов, готовых сорваться с цепи и по первой указке сверху делать всё, что угодно. Под танк – так под танк, на врага – так на врага, охаять – так охаять. Наше дело было не рассуждать. У нас было много всяких заготовленных ответов, которыми нас набили по школьной программе, а дальше по институтской, а дальше по рабочей, так что мы знали – когда, что и как отвечать. Это освобождало от процесса размышления, поэтому мы развились позже, зато развитие пошло быстро. Очень быстро. Когда мы уже отряхнули весь этот прах с наших ног, когда линзы нашего зрения поправились, мы стали увязывать одно явление с другим, разбираться в системе и в подлинном значении слов и, конечно, пришло негативное отношение, причем в самой резкой форме. Одно из первых ходячих возражений моего поколения было: мы не из тех, кто бросался под танки. Довольно употребительное, оно появилось в противовес сталинским патриотам, которые оставались и настаивали на бездумном следовании любимым догмам.

– Но если процесс развития пошел у Вас быстрее естественного, быстрее, чем должен был бы идти, то легко, видимо, было переступить гра-

ницу и впасть в негативизм, даже в цинизм. Судя по Вашей книге, этого не произошло. Что поддержало Вас "на плаву"?

- Мне очень много дало домашнее воспитание, а дома никогда не говорили: ой-ой-ой, что бы мы делали, если б не было Октябрьской революции! Возможно, это была своего рода осторожность, но прививки этого квасного патриотизма я избежал. А кроме родительской семьи, довольно нравственности добавила обыкновенная сельская улица. (В селе Красная Яруга Курской области. - И. и В. Б.) Я был мальчишкой уличным, окружение - из таких же погодков, и мы развивались, как бы вам сказать... Хотя с религией было круто покончено, но сельские предрассудки еще оставались, и они тоже были нравственного порядка. Они ничего не объясняли, то есть объяснялись какой-нибудь выдумкой, но направлены были, как я теперь понимаю, именно на воспитание. Ну, например, я с пяти-шести лет знал, что девчонку ударить - рука отсохнет, в колодец написать-мать умрет, перешагнешь через лежащего - горбатым будешь... Разумеется, никому не хотелось быть горбатым, не хотелось, чтобы мать умирала, поэтому делать всякие такие пакости мы воздерживались сызмальства. Хотя потом оказалось, что в обществе, наоборот, даже надо переступить через человека, двигаясь, к примеру, по служебной лестнице. То есть в нас уже была заложена нравственность, поэтому всё, чторосло в школе и так далее, отшелушилось, я быстро созрел, переменил свои взгляды на то, что внушалось нам официально.

- Сейчас много говорят о специфическом характере русского народа - дескать, ему надо во что-то верить, сначала верили в Бога, потом в

коммунизм и коммунистическую партию, теперь вроде как последнее отбирают. Что же останется?

- Знаете, и мои друзья, и близкие, мы не верили в коммунизм, не верили в такое построение, что по потребностям будут обеспечены все люди: и тот, кто хочет учиться, и тот, кто учиться не хочет, и тот, кто работает, и тот, кто не хочет работать. И умный, и глупый человек (а потребностей у глупого даже больше, чем у умного). И работать обществом на дурака - это как-то... получалось, что да, общество работало на очень недалеких людей, корыстных, впервые в истории человечества составивших заговор против собственного народа. Он и работал на этих людей, а они эксплуатировали свой народ жесточе феодалов, может, даже хуже, чем рабовладельцы своих рабов, которых называли "инструмент вокалис" - вокальный инструмент, орудие труда. И мы спрашивали друг друга: слушай, ты веришь? - Нет. - И я тоже нет. Я думаю, мы не были одиноки, в эту доктрину можно было поверить где-то в отдалении. Здоровое основание как будто есть: люди от поколения к поколению накапливают, аккумулируют лучшие качества, сын должен быть выше отца, умнее, добрее, мудрее, и где-то уже в конце концов и выйдет по-есенински: "когда-нибудь придем к божественным пределам". Хорошо было так мыслить Фурье, Сен-Симону, Томасу Морю. Может быть, простительно было ошибаться, впадать в добросовестные заблуждения Фейербаху, Марксу и Энгельсу, но я думаю, что Владимир Ильич уже не заблуждался, а знал точно, что партия, не имеющая против себя никакой равновеликой ей силы, будет способна только разлагаться и что ее задача - удержать власть как можно дольше. Что когда-нибудь она, конечно, сойдет на нет. Этот обман откроется, и всё. Но все-таки -

власть. Я никогда не верил в коммунизм. Никогда на него не работали моя мысль, догадки или предположения. Нет. Я не мог представить, например, уборную из плохо окисляющегося металла с золотыми там сидениями, хотя нам обещали, что золото пойдет именно туда, не мог представить себе, что пойду в магазин, старое там оставлю, в новое переоденусь и не заплачу при этом ни копейки. Да ну. И жизнь, сама жизнь не способствовала таким размышлениям, совсем нет.

- Видимо, теперь, когда самые что ни на есть положительные рецензии появились в центральной прессе рядом с упреками, что Вас проглядели, случится редкое для нашего времени: писатель из провинции, Вы станете популярны по стране. Пойдут предложения печататься, постоянные упоминания в обоях, статьях. Как это отразится на Вас?

- Мне шестьдесят. Было б меньше, может быть, это меня бы испортило. Я думаю, писателем, всяким писателем, движут вполне определенные мотивы - слава, заработок, желание высказаться и очень большая надежда повлиять на действительность. С возрастом у меня первые два поменялись местами. С первого места я славу убрал, а деньги поставил вперед по той причине, что они все-таки дали бы мне возможность регламентировать свой уклад и больше заниматься тем, чем хочу, но не могу заниматься, потому что зарабатываю на жизнь другим путем... Ну, а к шестидесяти два последних заняли два первые места. Уже сложились такие привычки, от которых отрешиться очень сложно.

- Судя опять-таки по книге, у Вас не только богатая биография, но и богатая география.

- Да, пока я был еще молод, я очень любил путешествовать и любил останавливаться и жить в понравившихся местах. И, естественно, менять профессии. Их у меня много. Пожалуй, только в Эстонии осел.

История о том, как 20 лет назад Борис Крячко, работая в Хиве экскурсоводом, познакомился со своей нынешней женой, эстонкой, и после двухлетней переписки решил приехать в Эстонию, звучит очень романтично и тянет на сюжет для повести. Но смена Средней Азии на Прибалтику – это романтика только на бумаге, на деле это опять-таки напряженный труд по адаптации, пониманию здешних людей с их непривычными характерами, обособленностью, воздвиганием барьера между собой и окружающим. Этот труд Борис Крячко явно проделал так же вдумчиво и основательно, как всё, что он делает. Во всяком случае на вопрос о сегодняшних проблемах Эстонии с его точки зрения отвечает незамедлительно:

- Наверное, русскому человеку, не столь обремененному этническими проблемами, биофактором, так же сложно понять эстонца, как сытому – голодного. Будучи народностью небольшой, поставленной на грань поглощения чужеродным элементом, эстонцы очень хорошо понимают, в чем их последний шанс на выживание и, конечно, упустить этот шанс не могут. Этнос не может рисковать собой. Этнос – это интеграл, это совершенно определенная биологическая целостность. Как всё в природе.

Конечно, народы появляются, растут, стареют и умирают, но я не встречал народа в истории, который по доброй воле стремился бы к своему концу. И эстонцы не представляют исключения. Они не

упускают всего, что способствует этническому укреплению, всего, что идет этому во благо. Это шанс. И русским, в частности Интердвижению, понять это довольно трудно, потому что их русский элемент, природный, настолько велик, что может позволить себе такую роскошь – не заботиться так уж сильно о воспроизводстве, пропустить одно поколение, и следующее, и еще одно... Эстонцы себе этого позволить не могут. Их очень мало. Разумеется, как народ немногочисленный, они болезненно воспринимают все, что кажется им подозрительным. Мой личный опыт может это только подтвердить: столько преткновений на национальной почве я не испытывал в других местах. Но я в достаточной мере понимаю причины этого, что позволяет мне быть благоразумным. Все нововведения, связанные с государственным языком, с государственностью, хозяйственными всякими заботами, они уже именно на такой основе строятся – чтобы не пропасть. Не кому-то чего-там не дать, не позволить, а просто прежде всего, чтобы не пропасть самим.

Для примера можно взять Казахстан, где живет 2 миллиона казахов и 17 миллионов инородцев. Там положение уже настолько отчаянное, что даже принятые законы о государственном языке могут быть только условными, формальными, его практически почти нет. Один американский ученый лет 20 тому назад сказал, что Казахстан обречен на постепенное усвоение коренного населения переселенцами и что казахи – уже теперь народ, переживший себя. Ассимиляция – единственный путь дальнейшего развития Казахстана, который приведет к исчезновению этноса. Его тогда у нас ругали, ругали, а теперь видим, что он был прав. В Прибалтике дошли до своего предела, то есть где-то еще лет 10 – и уже будет превалировать иноязычное большинство, инородное, тогда будет

очень сложно ставить вопросы в парламенте, дискутировать их и вести референдумы. Так что у Литвы, у Латвии и у Эстонии – это единственный выход из создавшегося трудного положения. Люди сообща думают о себе. Сообща. Я бы назвал это не национализмом, а патриотизмом, потому что патриотизм бывает как повседневного свойства – что называется квасной или густопсовый, так и естественный, который встречается очень редко и проявляется в самые трудные минуты, когда, по речению Петра Великого, народу надлежит “либо пропасть весьма, либо в лучший вид отродиться”.

Я на стороне Народного фронта, хотя по характеру своему никогда не буду принадлежать ни к какой партии, не войду ни в какое общество. Они меня стесняли бы. Но я с очень большим пониманием отношусь к поставленным эстонцами целям, к их конкретной программе и всецело на их стороне.

На тихой улочке небольшого эстонского города Пярну живет русский писатель Борис Крячко. Живет и пишет, существуя именно в русской культуре и сам делая ее.

– Провинциальная жизнь обычно побуждает искать собеседников в книгах. Кто из современных русских писателей важен для Вас?

– Очень сложно говорить об этом. Те, кого я почитал за знаменосцев русской литературы и словесности нашего времени, так называемые почвенники, с течением времени оказались людьми чуждыми мне по воззрениям. Ну, да им виднее.

– Это Вы о Белове, о Распутине. А Астафьев тоже входит сюда?

– Тоже. Его спор с Эйдельманом произвел на

меня самое нехорошее впечатление. Он выглядел на порядок ниже своего оппонента. Мне многие поначалу нравились, когда входили в литературу, потом, с течением времени, разонравились, оказались людьми другого склада. Вот в Юрия Казакова я был влюблен до конца. Его загубила наша "проза", наша действительность, серая, скучная, задавившая его, заставившая заниматься переводами, когда ему самому было что сказать. Юлиан Семенов мне вначале нравился, был у него рассказ, который мне приглянулся и запомнился (судя по сюжету – речь идет о рассказе "Дунечка и Никита", 1966), а потом пошли у него Дзержинский и Штирлиц. Сейчас мне нравятся люди, изгнанные из Союза и пишущие т а м. Они совершенно свободны, неподвластны конъюнктуре, а она ведь остается. Мне нравятся Войнович, Владимов, Аксенов, Максимов, ну, я уж не говорю о Солженицыне, это наш писатель и с самого начала. Из оставшихся мне многие совсем не нравятся. Сейчас Гладков, Сейфуллина, Полевой, Марков – уходят, уходят в небытие – иногда автор переживает книгу. Вот я посмотрел – стоит Бабаевский, никому не нужен и недорого стоит. А ведь был и Орест Мальцев, написавший "Югославскую трагедию", да и после – открыли БАМ, литература сразу мародерствовать стала на поле битвы, причем никто не написал, что по бокам-то все косточки русские, как у Некрасова.

Мы смотрим за окно – тихая пярнусская улица... Когда-то в этом городе жил и строил Ганнибал, арап Петра Великого. Здесь любят бывать столичные писатели, ученые, художники. На одном доме висит доска в память о Давиде Ойстрахе. И едва ли не напротив – доска на доме-музее Давида Самойлова, прожившего в этом городе 16 лет и умершего в 1990 году.

- Вам хорошо работается в Пярну?

- Да, конечно. Я чувствую здесь, прямо как у Толстого сказано, - не свободу, а волю. Делаю, что хочу. И знаете, мне сейчас так хорошо, что я не хотел бы никаких перемен в моей жизни.

Таллинн, 1990

Михаил КАРЛИН

Смерть либерала

В 1849 году, когда был разгромлен кружок Буташевича-Петрашевского, когда вновь в центре внимания столицы стала Петропавловская крепость, а полиция, по указанию самого государя, доискивалась не только до корней движения, но и стремилась отыскать самые мелкие его стебельки, в числе арестованных оказался чиновник Министерства иностранных дел Евгений Яковлевич Протасов. В крепость он заключен не был, однако в полицейской карете между двумя конвойными по направлению к ней проследовал. Конвойные ни с ним, ни между собой не говорили, на его тревожные вопросы даже головы не поворачивали, а несколько раз то один, то другой окидывали его тяжелым взглядом, ничего определенно не выразившим, но тяжелым. В такие минуты Евгения Яковлевича охватывал спирающий дыхание страх, вплоть до того, что он отчетливо, до физической боли, представлял, как эти двое или такие же, как эти двое, — широкоспинные, толстомясые с мощными кулаками и здоровыми сапожищами будут бить его, уже лишенного дворянского достоинства.

Конвойные довели его до Оберкомендантского дома и резко протолкнули в двери. Было долгое ожидание коменданта, дотошное оформление бумаг, а потом безразличное распоряжение поместить Евгения Яковлевича в Никольскую куртину. Он и

шел туда между теми же конвойными, а над ними одиноко били куранты на Петропавловском соборе.

Евгений Яковлевич гадал с ужасом, сколько раз придется ему эти звуки слышать в холодной, отрешенной от жизни камере, однако у самой Никольской куртины их догнал тюремный офицер и объявил, что Евгению Яковлевичу надлежит отправиться под домашний арест. Его довели до Петропавловских ворот и разомкнули кандалы. Когда Евгений Яковлевич, выйдя из крепости, оглянулся, то увидел, что офицер уже исчез, а конвойные всё стоят и также тяжело смотрят на него. По мосту через Кронверкский он помчался бегом.

Оказалось, что только услышав об аресте и не дожидаясь, пока Евгения Яковлевича увезут, мать и жена его сели в коляску и отправились к министру Карлу Карловичу Нессельроде. Написали о безупречной пятнадцатилетней службе Евгения Яковлевича, об его умении блестящим языком сочинять доклады и особо о том, что только-только он представлен к Станиславу. Потом стали министра в два голоса уверять, что Евгений Яковлевич или невиновен совершенно, или впутался в какую-то историю абсолютно непреднамеренно. Карл Карлович написал осторожную, но нужную записку, и всё завертелось обратно.

Тяжелым было возвращение Евгения Яковлевича домой. Плакали все, особенно мать. Жена выкрикивала сквозь слезы, что в полную невиновность Евгения Яковлевича вовсе и не верила, упрекала его за дурацкие либеральные взгляды и за то, что он с ней не счел нужным посоветоваться. Его пятнадцатилетний сын плакал потому, что плакали все, и в его благополучную жизнь вторглось что-то тяжелое и, главное, совершенно непонятное.

Несколько дней Евгений Яковлевич томился под

домашним арестом в неопределенности, а потом его пригласили в известное всему Петербургу учреждение у Цепного моста.

Допрашивал его жандармский подполковник в голубом мундире с цепкими светлыми глазами. От подполковника густо пахло одеколоном, пуговицы его мундира были надраены и сапоги вычищены до зеркального блеска. Он витиевато острил, каждые четверть часа предлагал Евгению Яковлевичу длинные папиросы, приговаривал к каждой почти фразе "Тэк-с!" и, несмотря на всю любезность, смотрел подозрительно.

- Тэк-с! - говорил он. - Значит с господином Буташевичем-Петрашевским в одном ведомстве мы служили? Ну это же совершенно невозможно нам отрицать!

- В одном министерстве мы служили, - уточнял Евгений Яковлевич.

- В одном министерстве! Тэк-с! И приватнейшим образом были знакомы?

- Шапочно мы с ним были знакомы. Приходили на службу в одно время и постепенно стали раскланиваться и обмениваться несколькими любезными фразами. Самого общего характера фразами.

- Изумительно! - восклицал подполковник. - Вот и нам говорили, что вы обменивались фразами. И вы это признаёте. Мы будем с вами двигаться вперед семимильными шагами, как говорят англичане. И еще папиросочку пожалуйста? Вы ведь хорошо английский знаете?

- Знаю и не только английский.

- И какие же, позволю спросить, еще знаете?

- Французский, арабский и турецкий. Ну и по-гречески и латыни, конечно, читаю.

- Что ж у меня за человек такой сидит! - изумлялся подполковник. - Так ведь и господин Буташевич-Петрашевский семь языков знает. Слышали, наверное, любезный господин Протасов?

- Это мне случайно стало известно. И мы здороваться стали на разных языках.

- Тэк-с! Это вы просто-таки изумительную вещь сказали! И вот ведь что у нас получается: служили в одном ведомстве, разговаривали, языки оба изучали... зачем-то! - расхохотался подполковник. - А оказывается почти незнакомы? Шапочно!

- Да, большей частью раскланивались только.

- Так ведь это просто анекдот получается, - веселился подполковник. - Я опять-таки вам всё представляю логически: служили в одном ведомстве, разговаривали на разных языках для непонятия других. Привлекаетесь по одному делу, а оказывается, почти незнакомы! И "Карманный словарь" господина Буташевича-Петрашевского вы, значит, совсем от других лиц получили? Не странно ли всё это, господин Протасов? Да вы курите, курите, наслаждайтесь.

- Я повторяю, - говорил с мукой Евгений Яковлевич, - что "Словарь" куплен был моим двоюродным братом у совершенно неизвестного ему человека. На один день я у него этот словарь взял и отдал обратно. И читать больше никому не давал.

- А я повторяю, что вам ни секундошки не верю! - весело отвечал подполковник. - Да неужто ни разу господин Буташевич-Петрашевский к себе вас не приглашал? И вы у него ни разу не были?

- Мы же только чуть знакомы были. Я же десять раз говорил...

- Значит, что у него ни разу не были, запечатлеваю на бумаге. Тэк-с! Ну, а ежели насчет вас мы еще раз перерасспросим? Перешерстим-с?

- Ну, пожалуйста, - говорил со всей возможной твердостью Евгений Яковлевич. - Это ваше дело.

- Тэк-с! Да вы, я смотрю, сердитесь. Не стоит, право. Еще папиросочку? А вот очень мне еще кажется, что господин Антонелли* ваше имячко и звание упомянул?

- Быть такого не может, - отвечал Евгений Яковлевич и опять мучился.

- Ну точно же упоминал, - наклонялся к нему подполковник, обдавая одеколоном. - Вроде бы месяц назад у господина Спешнева на Кирочной вы были. Совсем рядом с домом вашим, между прочим. Там "Солдатскую беседу" в тот вечер зачитывали. Так - как? Вспомнили, любезный господин Протасов?

- Не был я там и господина Спешнева не знаю, и вообще... о, Господи!

- А вот докажите нам, что вы там не были. Ровно месяц назад, день в день это происходило, а что вы тогда делали? И ведь у господина Антонелли я дополнительно спрошу. Так-таки докажете?

- Я попробую вспомнить. До завтра вспомню. Я обязательно должен вспомнить.

- А, может быть, сегодня признаемся? - опять нагибался к нему подполковник, выставляя вперед коробку с папиросами. - И легче станет. И грех с души долой.

- Да не в чем мне признаваться, не в чем, - уже стонал Евгений Яковлевич.

- Тэк-с! - заканчивал подполковник. - Значит, война, так война, как говорят французы. До следующего свидания, господин Протасов.

Было четыре таких же мучительных допроса и долгие периоды ожидания между ними. Потом, вплоть до приговора петрашевцам, его оставили в покое. А после незавершившейся казни на Семёнов-

* Провокатор, подсланный к петрашевцам.

ском плацу снова вызвали в третье отделение и объявили, что он высылается из Петербурга в свое имение в Тверскую губернию, и оставили без ответа его робкое: "все-таки, за что...". И он было уже навсегда попрощался со столицей.

Но прошло всего 7 лет. Император Николай I умер при загадочных обстоятельствах, и вскоре просьбу Евгения Яковлевича вернуться в Петербург удовлетворили. Мать его к тому времени умерла. Жена, ни разу к нему в деревню не приезжавшая, занимала с сыном все эти годы его квартиру на Сергиевской, а при известии о возвращении Евгения Яковлевича оба они уехали в Москву. Сын - теперь драгунский корнет и верноподданный - желания общаться с отцом не обнаруживал.

Евгению Яковлевичу исполнилось сорок шесть. Воспоминания о двух конвойных и голубом подполковнике довольно часто преследовали его в деревне, а в последний месяц перед возвращением в Петербург стали всплывать и во сне - с возрастом тревожности всё прибавлялось.

Но в Петербурге его встретила ранняя бурная весна и оживление, и радость от первых перемен. Много и шумно говорили, как замечательно всё меняется: вот и стариков-декабристов вернули, и снова стали студентов во множестве набирать в университеты. Жарко спорили, когда грянет наконец крестьянская реформа. И освобожденный от видений конвойных и жандарма, Евгений Яковлевич без памяти влюбился в нового царя, в новые времена и горячо спорил, что реформы грянут вот-вот. В министерстве иностранных дел места, однако, для него не оказалось, и он поступил на службу в торговую палату, где пригодилось его знание восточных языков.

И пошла постепенно складываться его новая жизнь. Сначала появились у него новые гости - привычные собеседники из особой, правда, раз-

новидности знакомств: когда люди встречаются и спорят, раздражают друг друга, не могут доспорить до конца, проговаривают эти концы разговора у себя дома в одиночестве (и, конечно, при этом побеждают своих оппонентов), в скором времени снова прибегают друг к другу додраться и в результате взаимно притягиваются. Такими были у Евгения Яковлевича отставной капитан Российского флота Николай Евсеевич Жук, с которым они теперь вместе служили и который знал много занимательных и замечательных морских историй, и доктор Владимир Эрнестович Корольков, живший с ним в одном доме, как и он много читавший, а в особенности газеты. Друзей новых он не завел, что после сорока естественно. Старые приятельские связи прервались, некоторые после ссылки от него подчеркнута отвернулись. Двое его теперешних привычных собеседников появлялись у него порознь. Однажды было собрались втроем, но разговор кончился громким скандалом между отставным капитаном и доктором и второй раз собрать их вместе Евгений Яковлевич не рискнул.

Потом появилась у него Оля – высокая светловолосая девушка, приехавшая в Петербург из ближней деревни. Ей было двадцать лет, она продавала чай и табак в лавке на Кирочной, где тут же и курили, много разговаривали, много спорили о старых и новых временах и где Евгений Яковлевич бывал довольно часто. С простыми людьми он был всегда подчеркнута вежлив, и этот полуседой человек с широким бледным лбом и грустными карими глазами очень понравился ей с первого появления. Завязать разговор они долго не могли, пока случайно у Евгения Яковлевича не оказалась в руках хорошо изданная книга графа Соллогуба. Оля вздохнула: "Красивая у вас книжка!" Евгений Яковлевич спросил: "А вы читать любите?" и после того, как Оля смущенно прогово-

рила: "Люблю очень", дал ей свой адрес и просил заходить пользоваться его библиотекой.

Неожиданно для себя он сблизился с нею. Оля стала жить у него и вести хозяйство. Даже в постели она называла Евгения Яковлевича на "вы", а когда кто-нибудь ожидался в гости, стесняясь уходила в соседнюю с гостиной комнату. Так вот более-менее и устроил Евгений Яковлевич свою новую жизнь.

Ах, какие были тогда времена! Прошла первая после освобождения Евгения Яковлевича из ссылки весна, прошло сырое лето, серую петербургскую осень сменила стылая большая петербургская зима, а настроение в городе было всё весеннее. Люди часто собирались вместе, особенно на Невском и на набережных. Образовывались кучки спорящих и оживленно жестикулирующих. Казалось, что и лица людей больше румянились, чем обычно зимой, что меньше стало типично петербургских землистых лиц и глаза людей будто бы светились ярче. В самом деле - цензуру с печати сняли! Первый шаг уже сделали в преодолении постыдного крепостничества: освободили в начале пятьдесят восьмого казенных крестьян. И самые ранние решения нового царя получали развитие - возвращались декабристы и петрашевцы, всё больше заполнялись университеты. Чуть не каждый день приносил вести, безусловно свидетельствующие о демократизации страны: земельные отношения помещиков и крестьян, старые "Инвентари" стали пересматривать; создали специальную комиссию Ростовцева-Милютина для проведения земельной, судебной и административной реформ. Казалось всё - нет возврата к старому, впереди только свобода, просвещение и рассвет над огромной, дремучей, окостенелой Россией. Ах, какие времена! Вот и Безобразова-ретрограда, который против комиссий, пересмотра "Инвентарей" и прочего выступал,

царь в один момент выкинул из Петербурга. Боже, Боже мой! Неужели? Как хочется! Вот только душа – измученная, уязвимая, всё ноет, тревожится, до конца не верит, с самим собой сражаться приходится. Она, душа эта, и никак до конца в новое не поверит, а с другой стороны, и противоположный исход времени – возвращение к старому, для нее непереносим, ну просто невозможно.

И в это время тихо приходил к Евгению Яковлевицу доктор Корольков, располагался в кресле и начинал, вечно брюзгливый и недовольный.

– Слыхали? В Вологодской губернии наши пейзажи землю себе уже захватили, а барину только домик его и пруд оставили, да и то из милости?

– Не слыхал, – отвечал уже готовый к спору Евгений Яковлевич. – И откуда вы только новостей набираетесь? И новости все ваши почему-то дурные.

– Естественно, – говорил, уверенно растягивая слова, доктор Корольков. – Я ведь все наши газеты от корки до корки прочитываю. Неукоснительно! Только так и можно представить в точности, что сейчас в нашей прекраснейшей России творится. И не поддаваться прекраснотворению, драгоценнейший Евгений Яковлевич... А чаёк-то некто хорошо вам заваривает... В отношении же вологодских дел вот что последовало: землепашцев наших, конечно, обратно с барских владений вывернули и отменнейшим образом выпороли. Дикость, конечно, но показали кой-кому в Петербурге, насколько крепки наши азиатские основы. А вот кто виноват в том, что на Вологодчине произошло, вы как думаете?

– Ну и кто ж? – говорил, сжав зубы, Евгений Яковлевич.

– Вот такие же, как вы, и виноваты, – со сма-

ком выговаривал доктор Корольков. - Откуда-то до них, мужичков этих, донеслось - проездом кто-то вроде вас вещал, а, может быть, и из студентов - что пришла она уже, воля. Уже звезда свободы воссияла. А на деле получается - вот вам воля!

И он показывал кукиш. Доктора Королькова два раза не взяли на службу в медико-хирургическую академию, и он пользовал среднего класса чиновников.

- А вдруг да и воссияет, - старался говорить спокойнее Евгений Яковлевич. Злился, но старался не оскорбить Королькова, не так уж много людей к нему ходило. - А что, если получится? Ну, откуда у вас самоуверенности столько? Почему вы всё беретесь предсказывать? Я уж плохое про вас начинаю думать.

- Азия! - тяжело говорил Корольков, не слушая Евгения Яковлевича. - Просто случайно рядом с Европой поместилась. Что мы видим с самого зарождения этой державы? Громадная территория, которую с самого начала князья вынуждены были держать в крепком кулаке. Абсолютизм с самого начала и никогда, и никакой ему настоящей оппозиции. Не Британия. Когда парламентаризм вами в России замечался? Здесь что, на этой земле - менее просвещенного правителя сменяли более просвещенные? Да никогда! Дрались как волки, вцеплялись друг другу в глотки всякие Годуновы и Шуйские. А царь Петр-благодетель просвещение чем в России утверждал? Насильем, дорогой Евгений Яковлевич! А если мужик шел на Москву, он что - за парламентские права свои боролся? Отнюдь! Дикая разбойная стихия и только. Насилье со всех сторон - вот суть русской истории и этих так называемых народных движений. Так что, с исторической точки зрения все наши сегодняшние послабления случайны и эфемерны. Не говоря уже о

том, что теперешние реформы – чистойшей воды лицемерие, желание покрасоваться у абсолюта.

– А вот это уж вы бросьте, – говорил Евгений Яковлевич и руки у него начинали трястись, потому что после экскурсов Королькова в историю опять возникало видение конвойных.

– А чего ж тут бросать, – усмехался Корольков.

– Отрицатель в споре всегда находится в более выгодном положении, умнее кажется, – пробовал усмехнуться и Евгений Яковлевич. – Вот вы и давите.

– Да не давлю я, не давлю. Вы возражайте, Евгений Яковлевич, возражайте. Только вот что я вам скажу: надо вам с силами собраться и правде в глаза иметь смелость посмотреть. Тут вы со мной во всём и согласитесь. Полностью согласитесь!

– Нет, вы не правы, я совершенно не боюсь, – уже кричал Евгений Яковлевич, – не прячу я, как страус, голову в песок, я верю! Слышите – верю! Ну почему же по-вашему мы только рядом с Европой помещаемся? Живем рядом, и все их мечтания и свершения до нас доносятся. И фаланстьеры, и коммуны мы делали. Да разве, Владимир Эрнестович, дело в одном лишь ветре с Запада? Что – не было у нас своего свободомыслия? Или у нас Радищев не жил? Или Пушкин юный крепостничество не обличал? А несчастный кружок, к которому меня причислили? Не хотите вы как следует вдаваться в историю, вот что! Произвольно из нее выдергиваете. Ведь после диких времен рабовладения вся история человечества к свободолобию, к гуманизму постепенно устремляется, и люди гуманнее становятся. Наконец и у нас до прогресса дело дошло. Устремления человечества и образ мыслей сегодняшнего государя наконец-то во времени вместе сошлись...

- Что за чепуха! - уверенно прерывал его доктор Корольков.

- Ах так! Чепуха! - задыхался Евгений Яковлевич. - Тогда вот что я вам скажу - не хотите вы перемен! Если они настанут, вам просто жить нечем будет. Живете вы злопыхательством. Свобода для вас - одна свобода ругани. Яд разбрызгиваете... яд!

- Да тут покой нужен больному, покой, - вставал с места доктор Корольков, - пойду, пожалуй, а то уж до оскорблений мы стали договариваться... А чаёк-то очень уж хороший вам заваривают...

И они расходились, чтобы блеснуть находчивостью и логикой в одиночестве и приготовиться к следующей встрече.

Евгений Яковлевич после ухода Королькова долго вышагивал по комнате, затем проходил в соседнюю и заставал Олю, как правило, за чтением.

- Всё читаешь, Оля, - вздыхал Евгений Яковлевич.

- Да, Евгений Яковлевич. Очень интересное сочинение (она называла книгу). Как много их у вас, кажется, на весь век мой хватит... А господин Корольков ушел уже?

- Ушел! - вздыхал Евгений Яковлевич.

- Вальяжный господин, а глаза у него недобрые... Давайте я вам еще чаю заварю? С вареньем?

- Ах, и ты заметила, что недобрые... Ну, читай, читай. Чай я попозже выпью.

И он уходил. А Оля стеснялась говорить ему, что их выкрики слышала. Как-то вечером, когда они были одни, Евгений Яковлевич рассказал ей историю своего ареста и допросов. Оля опять не нашлась, как продолжить разговор. Только чай его стал еще вкуснее и сласти разнообразней, чего он, впрочем, и не заметил.

В другие дни, как правило неожиданно, появлялся отставной капитан Жук, и Оля едва успевала скрыться в соседнюю комнату. Капитан хромал, и его негнушащаяся нога с силой ударяла в пол. Пятнадцать лет назад он покалечил ногу во время шторма. Капитан Жук принимался иначе, чем доктор Корольков. Обязательно появлялась водка, а чай заменялся крепким кофе, который капитан любил на Востоке. Сначала он неторопливо выпивал, потом следовал обязательный ритуал – вопросы о здоровье Евгения Яковлевича и об имеющихся известиях от его родных. Выпив, капитан расслаблялся и рассказывал какую-нибудь историю из своих многочисленных путешествий. Затем расслабленность проходила, он становился суровым и начинал рассуждать о нынешних и прошлых временах. Он был вначале военным офицером, а после происшествия с ногой ушел в торговый флот.

– Вчера разрешил себе послабление в пище. Побывал в дамском заведении – новой кондитерской на Караванной. В витрине там среди булочек – портрет нового императора. Проходят несколько студюзов с дамами. Реплика: "Симпатичный господин!" – это одной из дам. Ответная реплика студента, насмешливая заметьте: "Ну, просто очарование". Что на это скажете?

– Но у него действительно приветливое симпатичное лицо, – осторожно говорил Евгений Яковлевич.

Корольков был его ровесником, а капитан Жук на десять лет старше, и Евгений Яковлевич избегал спора и, не дай Бог, скандала.

– Звезда на Российском горизонте весьма малая, – наставительно говорил капитан Жук. – До кончины императора Николая был совершенно ни в каких кругах неизвестен. Опыта в государственных делах никакого, а отсюда шатания и подвер-

женность любим влияниям. Отсюда – опасность ниспровержения всего прошлого опыта Российской истории. А не надо бы этого. Совсем не надо!

– Помилуйте, Николай Евсеевич, – говорил спокойно Евгений Яковлевич, а сердце начинало стучать. – Да неужели ж вы хотите, чтобы всё по-старому оставалось? И это со мной вы говорите?

– Оставьте, – отвечал капитан Жук. – Крайности прошлого правления отрицаю. Как в вашем случае. Однако основы государственности в прошлое царствование были тверды. Нынче подрываются. Российские традиции в прошлом царствовании продолжались. Нынче утрачиваются.

– Да что это за особые традиции такие и что же вам так не нравится? По-моему, всё прекрасно идет...

– Нет-с! – прерывал его Жук. – Никак не всё. Вовсе нет. Что император Александр даровал многим молодым людям обучение в университетах, – одобряю. А вот возвращение возмутителей из Сибири – никак не одобряю. Не должно было ни в коем случае делать послабление врагам самодержавия. До самого их естественного конца. И даже тем, кои стояли лишь за ограничение власти государя императора. Освобождение казённых крестьян – мера весьма сомнительная. Следовало даровать облегчение жизни крестьянам или же освободить лишь некую часть. Казённые крестьяне есть непрменный атрибут самодержавия. – Капитан начинал раздражаться. – И вообще, все эти освободительные тенденции приведут к смуте, путанице, сумятице. И в конце концов к ослаблению государственности.

– Атрибуты самодержавия вы упомянули, – грустно улыбался Евгений Яковлевич. – Имел я удовольствие соприкоснуться с этими атрибутами.

– А я уже излагал свое отрицательное отно-

шение к тому, как с вами поступили, — ронял капитан. — Но продолжаю. Главное, что меня из себя выводит, — обилие ненужных разговоров. О конституции, во-первых. И особенно: освободят ли крестьян по образцу прусскому, французскому, американскому или польскому. Польскому! Знаю я этих полячишек! У меня именнице небольшое под Витебском сохраняется пока. Вечные они враги России и убежден, поверьте, что всё зло оттуда и идет. Ненавидят они нас и задавят, если мы не задавим их. На немцев, на поляков кивают! Позор! У нас свои мерилы, у России своя внутренняя сущность...

Он густо багровел и повторял туманные, витающие в воздухе и заученные им рассуждения: русская религиозность, русская душа — задумчивая, мятежная, то впадающая в оцепенение, то взрывающаяся могучим движением; непредсказуемая, особенная, способная весь мир спасти добром и легко поддающаяся чуждым влияниям. И нуждающаяся лишь в управлении милостивым самодержцем и священным Синодом и ни в каком народовластии и в демократии вовсе не нуждающаяся. Аккуратно произносил заученные слова капитан Жук и заканчивал торжественно: "не должно быть правление подобием мягкотелости медузы, коих я встречал во множестве в чужеземных морях!"

— Но жестокости предыдущего царствования... — начинал с тоской Евгений Яковлевич.

— Мы говорили об идеале милостивого самодержца, — подняв палец, вещал капитан Жук. — Да и согласитесь, насколько же самодержавный образ правления проще и легче. Просто ведь он технически легче. Всеобщее повиновение. Благодеяния государя легко спускаются сверху донизу. Через министров и губернаторов до землевладельцев и простого народа...

- Дайте ж и мне сказать, - с тоской прерывал его Евгений Яковлевич. - Я не говорю уже о том, что возможность милостивых и немилостивых распоряжений приобретает у вас, в вашей схеме, характер случайности... Да что уж там - трудно, больно мне все мои злоключения и все российские несчастья прошлого снова перебирать. О повторении этого и думать страшно!. Меня сама ваша схематичность ужасает, косность это - вы уж простите. Неужели люди вообще не поддаются доказательствам? И ни за что на свете не признают, что жили и думали они неправильно? И незлые, и порядочные люди, как вы, Николай Евсеевич! Боятся люди самих себя опровергнуть. Слабы, что ли? И чтоб себя в собственной правоте убедить, бросаются они в совершенно безрассудные рассуждения. И еще: ведь психология толпы это, Николай Евсеевич! Ведь наверняка раньше вы не доходили до такого неистовства, до такого негодования, как в наше, гораздо более просвещенное время... О, как страшна эта психология толпы, она приемлет любые насилия, нуждаясь в самых корнях своего естества в повелевающей ею "твердой руке". И когда исчезает эта рука, люди теряются, а потом становятся способными на любые дерзости и злобствования... Неужели это так безнадежно, Боже мой, на все времена!

- Не совсем понятно, но обидно, - говорил капитан. - Должен оставить вас, ибо вы в раздраженном состоянии.

На самом пороге квартиры он оборачивался и следовали ритуальные прощальные слова.

- Желаю вам всяческих благ. Здоровья в нашем нездоровом климате. Мои наилучшие пожелания неизвестной, но заочно симпатичной мне хозяйке этого дома.

Когда он уходил, Евгений Яковлевич тоже по долгу расхаживал по комнате и тоже потом обя-

зательно приходил к своей Оле. И снова был похожий разговор.

- Ты скоро всё прочитаешь, Оля, что написано. Что же теперь читаешь?

Оля называла.

- Ну, теперь мне, наверное, тебя французскому или английскому надо учить. Вроде все русские книги ты у меня прочитала.

- Я, Евгений Яковлевич, с удовольствием... А лицо у вас опять измученное. Опять вы после разговоров устаёте. И морщины опять собираются. Чувствуете себя хорошо ли?

- В груди немного щемит, но это ерунда, ты не беспокойся.

- Очень уж вы плохо сегодня выглядите! Вот капитан Жук ведь старше вас, а смотрится моложе. Уверенный он, ни по чему не волнуется, разве позлится только. А, может, в уме дело...

- Старею вот, - вздыхал Евгений Яковлевич.

- Я вам сейчас же чай с малиной заварю. А не лучше ли от груди натирания?

Годы шли. По-прежнему волнующие годы. Да разве годы - волнующие месяцы, недели, дни. Наступил достославный 1861-й, и Евгению Яковлевичу исполнилось пятьдесят. Он не то чтобы раньше времени постарел, просто некоторые признаки увядания: неуверенность, мнительность появились у него раньше, чем положено. Врачи, его смотревшие (к доктору Королькову он не обращался), находили, что и сердечко у него рановато поизносилось, и чувствительность сосудов у него повышенная. Прописывали успокаивающие капли, пилюли для сна, но в общем здоровье Евгения Яковлевича больших опасений у них не вызывало. Действовала очень на него больная петербургская погода. Когда налетали западные ветры и на улице было неизвестно что: то ли снег, то ли дождь, и прохожие ходили согнувшись, и стекла в

квартире от ветра дрожали, Евгений Яковлевич очень плохо спал. Налезали на него тогда яркие тревожные сны и просыпался он разбитым. В снах опять появлялись мрачная Никольская куртина и лёд на Кронверкском, и смеющийся жандармский подполковник, а рядом с ним мрачно-язвительный доктор Корольков. По пробуждении он долго находился между сном и явью, долго не мог заставить себя встать и приходил в себя только после крепкого Олиного чая. Жить бы ему попроще, да и сам он сознавал, что надо попроще, и приятелей бы завести других — для карт, скажем, и вообще для веселья, но иначе жить не мог. С самого утра тревожно заглядывал в газеты, на службе вмешивался в споры, волновался от самых разных мнений, встречался с доктором Корольковым, с капитаном Жуком и не мог найти себе покоя.

Только с Олей было ему спокойно. Он действительно стал учить ее языкам. Способностей особых она не обнаруживала, но очень старалась и на языки уходило много времени. Спокойного времени. Оля много рассказывала ему о своем деревенском детстве, господском доме, где она научилась грамоте, о переезде в город, когда ее родители, теперь уже покойные, получили вольную. Рассказывала о товарках в магазине, соседях по старой квартире в огромном доходном доме на Лиговке. Ее рассказы всегда были спокойно-уверенными, часто веселыми, хотя жизнь ее складывалась совсем нелегко. Ни один из ее рассказов не доставил Евгению Яковлевичу тревожного беспокойства, но и этого он тоже не заметил.

А после крестьянской реформы Евгению Яковлевичу стало совсем спокойно и даже бессонные ночи прекратились. И с теми, кто считал реформу недостаточной, и с теми, кто считал ее избыточной, он спорил без пыла и жара. Колоссаль-

ный шаг вперед уже сделан, а всего сразу, в один момент не переделаешь. Вот и всё. Спокойно!

В начале марта того года Оле захотелось съездить к себе в деревню, шестьдесят верст от столицы. Евгению Яковлевичу она обещала вернуться самое большее через неделю – приедет, всех родственников обойдет и назад. С ее отъезда прошло четыре дня. Стояла редкая для зимнего Петербурга ясная морозная погода, только где-то за Васильевским виднелись серые тучки. Евгений Яковлевич дошел со службы к себе домой пешком, а вечером засел за мудрёный пасьянс. Резко забренчал два раза с перерывом колокольчик в прихожей, и с таинственным видом появился доктор Корольков. Поговорили сначала о пустяках. Доктор посетовал, что не такой сегодня у Евгения Яковлевича вкусный чай и полюбопытствовал, не случилось ли в его жизни перемен. Евгений Яковлевич перевел разговор на хорошую погоду, на что доктор возразил, что она вот-вот изменится к худшему. Они помолчали немного, а потом Корольков заговорил торопливо и напряженно, и чувствовалось, что все предыдущие разговоры он вел только, чтобы с духом собраться.

– Встретил только что на Литейном знакомого чиновника из департамента внутренних дел. Оказывается т а к о е в России творится, а вы и не знаете. Даже и я не знал.

– А я всё жду и жду, когда вы наконец свои новости обычные начнете рассказывать, – беззаботно ответил Евгений Яковлевич.

– Пейзане-то наши освобожденные бунтуют всю, недовольны пейзажем, – начал доктор. В Казанской, Пензенской, Тамбовской губерниях пожары страшнейшие. Жгут наши поселения господские усадьбы и жгут заодно вокруг них леса. Войска вызваны, порядок наводят. Кровь льется с обеих сторон.

- Но не всё же должно проходить гладко... Новое все-таки... Принципиально... Ведь и еще реформы готовятся... Да и явления-то местные... Ну, в трех губерниях, - Евгений Яковлевич теперь говорил совершенно неуверенно.

- Ну, полноте, какое в трех, в этих трех особенно. - И доктор выпалил быстро то, что до прихода к Евгению Яковлевичу приготовил. - Ну, а чего вы, собственно, ждали, дорогой мой? Получилась типичная азиатская штука. Не подумали, не посчитали, ничего и никому не объяснили. И комиссию создали смехотворную, деревню не знающую. Мужик есте-е-ственно недоволен. Своей земли у него теперь совсем нет, а общественное: то, что "мир" теперь называется, для него - пшик! Он-то, наш дурной темный российский мужик, думал, что ему всю-всю землю отдадут, что барину ни чуточки не будет. Ох, наш мужик! И сразу он в колья, дреколья, топоры. Пустил огонь наш пейзаин. Гуляй душа!

Доктор Корольков вошел в раж.

- Всё к старому вернется! Всё! Всё только по кругу в этой стране движется. Снова задавят мужиков, а в городах начнут следить вовсю за теми, кто реформой недоволен. Снова цензуру введут, снова пойдут аресты, снова примутся студентов исключать. Всё повторится! Всё!.. А вы-то, уважаемый Евгений Яковлевич, наш давний спор вы проиграли! Ну что ж, надо уметь и проигрывать.

Уже в дверях он обернулся.

- Да, еще одну новостешку вам рассказать забыл. Упомянул о студентах, а конкретная весточка из этой сферы выскочила из ума. Нового министра просвещения только что назначили - адмирала Путятина. Военного, заметьте! И первые исключения из университета сей адмирал уже сделал. Есте-е-ственно, согласно донесеньям поли-

ции. Вот вам и еще одно доказательство, мой дорогой.

После ухода доктора Королькова Евгений Яковлевич пошел плохо гнушимися ногами в комнату и налил себе водки. Порылся в буфете в поисках еды, ничего, кроме печений, не нашел, а дойти до кухни не было сил: чувствовал, что по дороге закричит или что еще похуже с ним сделается. От водки с печеньем образовался отвратительный вкус, но, выпив одну большую граненую стопку, он сразу же налил еще, и водка наконец совершила свое оупляющее и одурманивающее дело. В это же время за окном стало темно и задрожали стекла, объявляя о начале резкого и мокрого западного ветра. Сквозь свист ветра и дрожанье стекол Евгений Яковлевич расслышал одиночное, но сильное бряканье колокольчика в прихожей. Так звонил обычно капитан Жук.

- Был в ваших краях. Прошлый день сильно укорял себя: не отдал вам по прочтении книжку господина Кукольника. Весьма виноват. Вот отдаю... Э, да вы тут веселитесь в одиночестве. Вкушаете!

Капитан, не спрашиваясь, прошел через прихожую, тоже налил себе стопку и выпил, громко после этого крякнув. Лицо его мгновенно запылало, и он весело обратился к Евгению Яковлевичу.

- Последние новости из наших польских владений - наипрекраснейшие! Одно только это хочу вам рассказать и уйду, поскольку сейчас заметил - вид у вас нездоровый. Февраля двадцать пятого вздорные наши полячишки устроили в своих костелах поминание единоплеменников, уничтоженных в беспорядках тридцатого года, при покойном императоре Николае происшедших. Наши в ответ тут же устроили им такое, как и при покойном императоре - кавалерией их задавили. Еще

через день полячишки снова было собралось и снова их порубили и постреляли наши молодцы. В Петербурге относительно полячишек – полное единодушие и восхищение наместником Горчаковым. Нельзя-нельзя послабления делать, а полячишкам в особенности! Будьте здоровы, желаю вам всяческих благ, мой привет неизвестной, но заочно симпатичной мне хозяйке этого дома.

После ухода капитана Евгений Яковлевич ничего, кроме тупости и душевной пустоты, не почувствовал. Он лег и сразу же провалился в глубокий сон. Но в середине ночи пьяный дурман стал слабеть, впечатления прошедшего вечера стали в сознании прорисовываться, а ветер на улице еще усилился. И в результате, когда установилось некое равновесие этих сил, пошли на Евгения Яковлевича кошмарные сновидения.

Громко хохотал, ржал у самого его лица жандармский подполковник: "Ну, вот мы и снова встретились с вами! Думали, я не служу уже? Нет, я служу и всё время вас, Евгений Яковлевич, господин Протасов, вспоминаю. Ну, а как вы жили? Э, да разве так живут! Играли бы себе спокойно в польский банчок". Возникла скривившаяся от отвращения брюзгливая физиономия доктора Королькова: "И в самом деле, Евгений Яковлевич, играли бы себе в польский банчок, и поселяне наши тогда б не бунтовали". "В самом деле, Евгений! – вдруг просунулось откуда-то лицо жены. – А теперь ведь совершенно неизвестно, что с тобой будет". В комнате неожиданно оказалось много народу – его сослуживцы по старой и теперешней службе, его соседи, люди, спорившие с ним в табачной лавке. Он мучительно искал среди них Олю, но ее всё не было и не было. Страх уже давно охватил его и вдруг резко усилился, потому что в дверь неслышно вошли двое его конвойных. Один остался у дверей и пристально смотрел

на него, а другой подошел к нему и сильно, с огромной силою сдвинул его грудь.

Оля приехала тем же утром и, когда увидела его мертвого, в голос закричала и, пока бежала вниз по лестнице до квартиры доктора Королькова, стонала, еле сдерживая крик. "Что? Умер?" — спросил испуганно доктор, потом оглядел ее и спросил с любопытством: "А кто ж, собственно, вы ему будете?" Тогда проснулась в ней застарелая неприязнь к доктору, возникли в памяти его густой брюзгливый голос и тихий при этом колеблющийся голос её Евгения Яковлевича. И она ответила отчетливо: "Мы четыре года жили, как муж и жена. И я одна его жалела и любила". Уверенный доктор Корольков стушевался и сказал: "Да-да, конечно, пойдете же скорее", и, пока они поднимались по лестнице, уверял, что и он очень любил Евгения Яковлевича, потому что тот был прекраснейшим человеком, только вот слабым, чувствительным и совершеннейшим идеалистом. Осмотрев тело, доктор сразу же написал бумагу-свидетельство, что Протасов Евгений Яковлевич умер естественной смертью, и сам пошел с Олей в полицию.

Хоронили Евгения Яковлевича на третий день на Волковом кладбище. Снова пришел солнечный день, но на Волковом оглушительно каркали воробьи, как будто предвещающая что-то бедственное или предупреждая. Хоронить Евгения Яковлевича собралось немного народу. Приехали жена и сын, вызванные из Москвы по телеграфу. Во время отпевания они стояли ближе всех к изголовью, но когда гроб понесли, Оля обогнала их и пошла первая вслед за могильщиками. "Э, молодец, русская душа!" — сказал неожиданно и громко капитан Жук, заковылял вторым за Олей, а у могилы стал рядом с нею и даже руку в утешенье взял. Жена и сын Евгения Яковлевича и во время отпевания, и

после неприязненно шурились на Олю, но сказать ей что-нибудь обидное не решились, да и вид у той был уверенный и при взгляде на них вызывающий. Доктор Корольков как раз чувствовал себя очень неуверенно, обращался то к одному, то к другому сослуживцу Евгения Яковлевича, бросался суетливо утешать жену его и сына, гудел непрерывно сзади, вспоминая, какие они с Евгением Яковлевичем прекрасные проводили вечера.

Отслужил священник у могилы, были сказаны последние теплые слова о душе Евгения Яковлевича и Оля первая бросила в могилу горсть земли. Потом низко наклонила голову и побежала прочь.

Несколько лет она часто приходила к нему одна. Каждый раз вспоминала, что хотелось ей выкрикнуть на похоронах и что она среди "образованных" постеснялась сказать. Она не знала, конечно, отчего вдруг умер ее Евгений Яковлевич, но была уверена, что задело что-нибудь его неизлечимую память, от которой он всю жизнь мучился. Жилось ей нелегко, еле сводила концы с концами, но все равно, продираясь сквозь повседневность, Оля много думала о странном и трудном нынешнем времени. Как будто все хотят хорошего, но чего-то всё не получается, ходят по городу самые разные слухи и сменяют друг друга самые разноречивые толки. "Но должен же кто-то, - так ей хотелось выкрикнуть на похоронах, - должен же кто-то, господа, думать о таких, как мой Евгений Яковлевич!"... "Ну, а кто? А как?" - тут же она сомневается... "Ну, может, хоть кто-нибудь!" - умоляет она, а кого неизвестно. "У таких ведь, как он, - душа раненая. Того, что над ними сделали, боятся они, как привидений. Беззащитные они, уязвить их легко, с ума свести их легко, убить их легко. И сколько же их еще в России ходит!"

*

Время текло, закружили дела и она перестала приходить. Над Волковым кладбищем поднимаются новые молодые деревья. Гнутся они весной от разного направления ветров. Дрожат на них от ветров осенью листья, осыпаются на могилы и, лёжа на земле, также жалко дрожат. Потом они чернеют и пропадают и новые проходят тот же путь.

Путешествие

* * *

Свет течёт из зимнего окна
прямиком под веки.
Это ты так сказочно бледна
от его опеки.
Первый ранний беженский мороз,
словно сопку,
прихватил копну твоих волос,
столь щемяще стриженную в скобку.

Обернись: мерцает за плечом
вновь звезды серебряная клемма,
той, перебирающей лучом
крыш коньки и люльки Вифлеема.
И за горным ельником в зубцах
с валунами вместо изголовий
на лотках в рождественских ларцах
тлеют угли мюнхенских зимовий.

Над свечами тусклыми уже
в необъятной кирхе пропылённой
Дух Святой завис на вираже
- отзвуком осанны похоронной.

Наши души в плотских коробах
тоже, статья, станут голубиной,
сквозь махровый сблизившись впотьмах
и фосфоресцирующий иней.

Декабрь 1989

* * *

В рассеянных поисках рая
мы вышли с чужого следа
– к таинственной церкви, не зная,
что там отпевали тогда.

Свеченье

вместительных тёмных лампад
сродни огонькам, по теченью
сносимы в соседний посад,
по тяблам алтарным кочуя,
тускнело вдали,
как будто мы в реку ночную
по самое горло вошли.

Сородичи в горе покорном
теснились неплотным кольцом
над новопреставленным в чёрном
с покорным бесполом лицом.
Катилась капель восковая
с копеечных свеч
на пальцы в горсти, обжигая.
А память сумела сберечь,
как мы по кладбищенской тропке
гуськом миновали кресты,
имен не читая, и знобко
невольню поёжилась ты.

Март 1990

ПОД СНЕГОМ ТУСКЛЫМ, СКУДНЫМ...

Под снегом тусклым, скудным
первопрестольный град.
Днём подступившим, судным
чреват его распад.
На тёмной, отсыревшей
толпе, с рабочих мест
вдруг снявшейся, нездешний
уже заметен крест.

Но в переулках узких
доныне не погас
тот серый свет из русских
чуть воспаленных глаз.
И у щербатой кладки
запомнил навсегда
я маленькой перчатки
пожатье в холода.

Москва, ты привечала
среди своих калек
меня, когда серчала.
Почто твой гнев поблек?
Кто дворницкой лопатой
неведомо кому
расчистил путь покатый
к престолу твоему?

...Напротив бакалеи
еще бедней, чем встарь,
и вырытой траншеи
Нахохленный сизарь
о падаль клювик точит,
как бы в воинственной

любви признаться хочет
к тебе, единственной.

Январь 1990

ДОЖДЬ В КАСТИЛИИ

*Шелковые петли
К окошку привесь...
Пушкин*

Луна за тучами эльгрековскими брезжит
едва вдали
теперь всё реже.
Ты слышишь ли:
в Мадриде в брачном
почти чаду
кончающийся дождь еще стучит по мрачным
кумирам мраморным в ночном саду.

Крутые бобрики идальго длиннолицых
примяты влагой. И
к нехитрым радостям великих инквизиций
прибавь свои.
Подводным алтари подобны гротам,
– туда
нас Приснодевы и Сыны их с крестным потом
зовут всегда.

Рассталась бы душа с роскошной, грешной,
тошной,
чужой землёй,
но беспокойная всё медлит под окошком
с шелковою петлёй...
Летучей мыши
в достигшем крыш

серчающем гитар рыдании расслышать
удастся лишь

последнее прости неуловимой массе
воды в горсти,
айве с оскоминой на скомканном атласе
последнее прости.

Дождь – кровь священная, вдруг пролитая
в схватке

пространства невпрогляд
с прозрачным временем... И приторны посадки
левкоев у оград.

Август 1989

ЛЕТО

Г. О.

Помнишь, как оглушал
в те кочевые дни
лета
нас птичий гвалт
лермонтовской Чечни?

И посейчас со мной
ветка склонённая,
алою алычой
обременённая.

Вишня с черешней тож
тусклой, янтарною
радовали за грош
плоть нашу тварную.

В знойной спектральной мгле
света взыскующий
там Михаил
в седле
бледен гарцующий

ниже плеча с пятном
бурым на кителе.
В хаты, заслыша гром,
заперлись жители.

Сумрак сносило с гор
в дол
всё готовнее.
Стали и мы с тех пор
суше, бескровнее,

порознь с тобой дивясь,
что, не теряя жар,
в полый зенит,
клубясь,
катится тот же шар.

1989

* * *

Где чайки, идя с виража
в пике, прожорливы,
за радужной плёнкой лежат –
мечта государей – проливы.

Но возле полуденных стран
нас, словно куницу в капкане,
с опорой на флот англикан
смогли запереть басурмане.

Эгейская пресная соль
под небом закатным.
Ещё, дорогая, дозвожь
побаловать небо мускатным.

На линии береговой
напротив владений султана,
быть может, мы тоже с тобой
частицы имперского плана.

Но, Господи, где тот генштаб,
его не свернувший донине,
чтоб мысленно мог я хотя б
прижаться губами к святыне!

Дай жаждущей рыбиной быть,
чьё брюхо жемчужине радо,
и тысячелетие плыть
и плыть до ворот Цареграда.

1 мая 1989

ПРОЩАНИЕ

Кайзер на лошади,
не потучневший от тряски,
скачет на площади
с птичьим помётом на каске.
В ближнем валежнике
разгоряченной чащобы
тают подснежники,
поголубев от хворобы.
Мы поднимаемся
в гору, покатую в целом,
и повстречаемся
с кедром и яблоней в белом,

стало быть, суженой.
То-то же звон-лютеранин,
словно разбуженный,
движется дальше окраин.

Около облака
не позабыть болевое
в крепости Кобурга
наше прощанье немое.

Сколь центробежная
центростремительна сила
каждого здешнего
над головою стропила.
Спросим у особи
старого ястреба: тем ли
гребнем расчёсаны
эти холёные земли.

Что за зазывная
не отпускает дорога,
тянет – обрывная
у земляного порога,
то бишь болотины
кладбища средь мелколесья

где-то на родине
– с выносом из поднебесья...

Апрель 1990

Порода

Рассказ

На Валюхе чёрная ситцевая рубаша, подаренная тещей в пору ситцевой свадьбы, после года его супружества с глухонемой Галкой. Сдается, в этой рубаше он и жену хоронил.

Хорошо, тёмный ситец и на солнце не просвечивает, а то Валюха стыдится неприличных татуировок на своем щупленьком курёночком тельце. Спокойнее, когда ничего не видно.

Чертыхаясь, он пропускает вперед на выходе из трамвая беременную женщину и бежит к вокзалу. Вроде, как опаздывает, хоть сам еще толком не знает, когда отправляется ближайший на Москву поезд. Спешит Валюха просто так, нравится роль опаздывающего – расталкиваешь себе людей, небрежно кхекаешь в сторону.

– На Москву есть билеты? Кто крайний? – с хрипом спрашивает у очереди.

– Все на Москву. Ни бельмеса нет, – бурчит кто-то, и Валюха, зевнув, отходит в сторону.

Прислонившись к исцарапанному подоконнику, глядит на потолок, на исторические картины. Сдается, Илья Муромец справа ("В Третьяковской галерее среди трех богатырей..."). А, может, тот, кто выиграл битву на Чудском озере, как его?.. Ничего не вспомнить – ни отца, ни матери, ни русского князя. Да и неохота.

Вся эта чепуха только вот что - хоромы профессора одного напоминает. У того на потолке тоже картина: голая баба с розой во рту. Забрёл Валюха к профессору случайно. По "шишкам" не ходил, всё равно ни рубля не выпросишь, хоть на коленях жалоби: погорелец, мол, из Чернобыля, "эвакуёванный". "Шишки" от слова - "шиш", Валюха это давно понял, еще до колонии. А на бабу смотрел до тех пор, пока профессор не заорал визгливо: "Милицию позову!" Поклянчил - раз зашел, да толку. Жлоб, у самого, должно быть, тысячи в кубышке.

"Вон их, шишек, сколько сейчас пересадили, - удивляется Валюха, - так чем я хуже их?"

Щедрые - старушки-пенсионерки, дай Бой им здоровья и легкой смерти. Мамаши с грудными детьми... Валюха отвел взгляд от картин и вздрогнул. Показалось, что проходивший мимо "мент" больно пристально вглядывается в его лицо. Отвернулся к стенду "Их разыскивает милиция", стал изучать рожи рецидивистов.

- У, бандюги! - выдохнул дурашливо, но с затаенной злобой.

Возле кассы возврата, где пахло кирзовыми сапогами и клубникой, бросил так просто, как шелуху от семечек:

- На Москву никто не сдает?

И развернулся уже было к выходу, как услышал:

- До Сургута есть, но через Москву, устроит?

- В смысле? - переспросил Валюха, скосясь на рослого, крепкого паренька.

- У меня два билета до Сургута, - стал пояснять парень, блестя давно не мытым лицом. - В Москве надо закомпостировать. Один мне, я до Сургута, другой - твой, доедешь до столицы - и

прощай. Зато уж до Москвы вместе поедем, я себе попутчика веселого ищу.

- А я - веселый? - усмехнулся Валюха и добавил подозрительно: - Чего же напарник-то не поехал?

- Долгая история, в поезде расскажу. Едем, у меня купе.

"Черт с ним, если что - отобьюсь", - подумал парень, осторожно щупая в кармане простеньких брюк туго набитый кошелек. Кровью, унижением заработанные рубли, которые вез в столицу, к родному брату-инженеру, чтобы отметить освоение.

- Давай, что ли. Но плачу только до Москвы, - произнес.

- Само собой, - усмехнулся парень.

Поначалу Валюха уж и пожалел, что связался с этим шабашником. Тот стал держаться так, словно не одну бутылку вместе распили. Что ни слово, - то пальцем в живот.

Валюха в душе никогда не мирился со скотским обращением. Обидчикам ему всегда хотелось в морду дать: и я, мол, человек, и ко мне подход нужен. Но не всем же дашь. Валюха от этого натерпелся. И хватит с него.

- Ты чего такой? - набрался храбрости и зло бросил парню.

- Какой? - переспросил тот.

- Сдается, блевать сейчас начнешь.

Парень обиделся, налившись забытой силой. Но через минуту оттаял, придвинулся на скамейке, почти зашептал на ухо.

- От меня, ёлки, жена сбежала. Я шоферил в Чернобыле... Да ты не отодвигайся, это не передается, не...

- Без тебя знаю! - отрубил Валюха, достал "Приму", протянул пачку парню. - Тебя как звать?

- Лёха... Не курю я.

- А меня Валентин. Пойдем, хоть постоишь рядом.

Зашли в вокзальный туалет. Прижались к холодному кафелю. В зеркале напротив отразилось помятое Валюхино лицо, синева под глазами. "Старый пенё", - пробормотал Валюха, давно не видевший себя так близко и отчетливо.

Курил и с некоторым недоверием слушал рассказ Лёхи, нервного, как замполит колонии, где Валюха отбывал свой первый и пока последний срок, капитан Моисеев, от которого всё время несло валерьянкой.

- Приехал, ёлки, домой, а её нет, - засучил губами Лёха, сплевывая аккуратно, прямо между ботинок Валюхи. - Мать спрашиваю - уехала, говорит, с фраером сибирским. Поманил толстым кошельком - и сбежала. А ведь девочкой взял! Предупреждал друган один: бери ту, которая по рукам уже ходила - верной будет, как пёс. А я, вроде, правильный самый: нет и нет, говорю. Только первым хочу быть. Потому и бросил одну, как узнал, что был у нее уже кто-то. Ну, и женился на Ленке. И вот, ёлки: любила же. Может, врала, а? - вдруг с надеждой глянул он в глаза Валюхе.

- Ясно, врала, - кивнул Валюха, ни при жизни, ни после смерти жены так и не разобравшийся в чувствах своей глухонемой Галки.

- Мне эта стерва не нужна, - парень разволновался и своим трубным старшинским голосом стал привлекать внимание, - мне дочка нужна! Я не хочу, чтобы она чужими людьми воспитывалась!

Валюха потянул парня за рукав: пошли, мол, уже состав подали. И оглянулся с подозрением на одуревших от табачного смрада мужиков.

Уже в поезде доспросил Лёху:

- Как же ты адрес фраера узнал?

- А... Отчим Ленкин сказал. Он ее, стерву, не любит, вот и выдал всё. Приехал фраер в командировку. Ну, ёлки...

"Сдается, не врет", - решил Валюха.

В купе зашел высокий полковник, со взглядом, заставившим Валюху суетливо поправить сбитую ненароком на столе скатёрку. Сухо полковник поздоровался и, бережно опустив на койку фуражку, предупредил: после операции, моя полка нижняя, придется с кем-то поменяться.

Валюха согласно кивнул, посмотрел вверх.

- На чем операцию делали, начальник? - поинтересовался.

- Почки, - неохотно ответил полковник.

- Ага, - довольно протянул Валюха.

Затем пацан прибежал, за пять минут до отхода. Кинул шмотки на верхнюю полку и зайцем выскочил на перрон. Валюха с усмешкой наблюдал в окно за тем, как пацан долго, слёзно прощался со своей девкой.

- Во, Лёха, во она любовь, - хмыкнул.

- К чертовой матери! - глухо отозвался Лёха.

Поезд тронулся, и Валюха обрадовался, заулыбался. Улыбаясь, он глядел, как плачет одноногая бабка-инвалид, прислонившись к свежеразкрашенной ограде и помахивая вслед уходящему поезду маленькой ладошкой. С улыбкой смотрел он на исчезающие за оконным стеклом и хоть на какое-то время - из его тягостной, почти без праздников жизни - мосты, улицы, многоэтажки опостылевшего города. Где вот уже сорок лет такой жизни вынес. А, может, и больше, не помнит.

- Не горюй, Лёха, - бодро выдохнул и замолчал, потому что слов в утешение совсем скисшему в углу парню больше не знал.

Проводница разложила билеты в карманчики, принесла чай. Валюха заказал себе двойную пай-

ку, придвинул весь сахар Лёхе и с наслаждением, фыркнув, хлебнул из стакана.

- Ты чего мне сахар отдал? Я ребенок, что ли? - нахмурился Лёха.

- Дурень, - ласково улыбнулся Валюха. - Я не жалостливый, ей-Богу. Я с детства так привык пить. У нас в войну сахару не было. И не чай мы пили, а кипяток. Так что глотай и ни о чем не думай.

- А привычкам ты своим не изменяешь? - так злобно вдруг рявкнул парень, что Валюха решил про себя: пора спать, а то и морду набьет.

- Нет, не изменяю, - всё же пояснил осторожно. - Да и не привычка это вовсе. А - порода. Кто же породе изменить способен? Что Бог дал, куда ноженьки направил - по тому пути и идти, не свернешь до встречи с праотцами.

Лёха недоверчиво хмыкнул, отвернулся к окну, которое из-за яркого света в купе стало вторым зеркалом.

Полковник уже давно спал. Спал и пацан, согнув длинные ноги. И Валюха полез на верхнюю полку, над Лёхой. Снял ситцевую рубаху, простенькие брючки, залез под чистую хрустящую простыню, зацокал от удовольствия.

- Убью, - сказал внизу Лёха.

Валюха смолчал, хотя мог бы рассказать ему, мокроносому, как несладко в колонии и какая там тоска берет по ночам.

- Нечего мстить Ленке, недостойна она тебя, - только и польстил. - Дочку забери - и домой. Стырь, точнее, потому что по закону тебе ее не отдадут.

Оборвал себя, с советами, и уж точно постановил: спать. Опустил серую штору на окно, чтоб не дуло, отвернулся к стенке. Но вдруг решил спросить.

- Да, с кем ты ехал-то? - свесил он голову вниз.

- Куда? В Сургут, что ли? - неохотно переспросил Лёха. - С жуликом одним. В буфете вокзальном познакомились. Увязался со мной, на заработки, мол. Обещал и дочку помочь забрать. Только денег, говорит, на билет нет. Одолжи, говорит, приедем, заработаю и сразу отдам. Ну, я тогда в таком состоянии был, что поверил. Пошел в кассу, блат у меня в одной, вещи на него оставил, купил билет. Вернулся, а его, ёлки, и след простыл. Хорошо, документы и деньги всегда с собой ношу - армейская привычка. Погрелся, паразит!..

- Денег-то тебе хватит на обратную дорогу? - поинтересовался Валюха. - Кусаются в Сибирь билеты.

- Хватит. Полтысячи с собой. Заработал.

Что ж, Валюха немного поворочался и уснул.

Утром, часа за три до Москвы, он поднялся, надел ситцевую рубашу, простенькие брюки, вынул из кармана Лёхи пятьсот с копейками рублей и вышел на первой станции.

Москва, 1990

* * *

С. Северскому

Симпатия надежней, чем любовь:
Она не отпылает с быстрым треском...
А та – бросок огня по занавескам
И горсть ворон на лежбище гробов...
Мне далеко не каждый кустик мил
(Их под окошком – целая орава)
И я надменно презираю мир –
Этаж последний дал на это право.
Что ни пруток – то деревом норовит
Казаться, слыть... (А сам не в силах – древком...)
Что ни поэт – заупокойный вид, –
Послать к чертям, лечиться или к девкам...
Тому, кто умирал, смешнее нет
Смотреть, как саван к бедрам примеряют...
Мне все смешно: и зависть, и миряне,
Тот, ботанический, лелеющие свет...
Сознание – сад и Суд. И не любой
Мне просто друг, – в нем связь времен былая
С грядущей. – Не сожжет, не отпылает
Ее пунктир в пустыне голубой.

* * *

Каменночешуйчатый дракон
С грохотом схватился за балкон

* * *

Ну что, народники, жалевшие народ
На посмеяние народу...
Смотрите, как улучшил их породу
Руля истории скрипучий поворот...
Откормлены. Обучены зевать
Прикрывши рот. Не плюхаться в кровать
Не ублажив себя шампунями до пяток...
Не губернатор: целишься в живот,
А он прости...

Взроптавшего народ -
В Сибирь с женой и выводком ребяток...
Не террорист (какой там террорист...) -
Перевелись, а, может, подлечились...
Читал не то. Глаза не тем лучились.
С заглавной Бога

выводил на лист...

Ну что, народники, листовками соря,
Не знали вы, куда ведет крамола, -
Что правде лучше уж наложницей царя,
Чем проституткой комсомола...
Мужик хитер: в телегу под хмельком,
Интеллигент - по пояс в бездорожье...
... Они ошибки ваши подытожат,
Как вдруг, разжалобясь, поили молоком...
Ну что, народники, все квиты и равны,
Вы защищали их, их дети - рефераты
О том, как были вы смешны и виноваты,
И кровью кашляли, и смысла лишены...

* * *

Пора простить себе потерянный покой,
А значит, и другим спокойствие и сухость.
Вздохнуть до позвонков.

И на исходе суток

Махнуть на все рукой,
А не крылом. И лечь.
Нахлынет потолок.
Подкожная тоска, – и давняя, и эта...
Как, вспыхнув, медальон защелкивал глоток,
Вобрать глазами прядь слабеющего света...
Прощание с числом. Черемуховый шок.
На взлетной жести крыш – подрагиванье
капель.
И душит воротник. И вглубь забитый кашель.
И режет русла вен потертый ремешок...

ПЛЯЖНЫЕ СТИХИ О ПЕРЕСТРОЙКЕ И УСКОРЕНИИ

Мы уже в том возрасте, когда не бросаются
в эпилептическую врану
Для восторженных зрителей,
Когда не просят на войну
И все чаще вспоминают родителей...
Когда южные пляжные топчаны
Напоминают нары –
книги сделались нами...
И хочется тишины...
И не хочется перемен
(ни к чему, даже к лучшему...)
Когда сам себя не раз перепел
И в любви, и в стихах...
Наскучило.
Будь что будет с этой страной, и даже
с тобой,
Разрази тебя молния миокарда –
Пусть белые шапочки соберутся цветком
(дай Бог им выдержать бой)...
У меня отпускная – чтоб нос не сгорел –
кокарда...

Мы уже не в том возрасте, когда сердце печет
от взгляда,
Когда круто меняют курс навстречу волне...
Подталкивает в плечо, – большего и не надо...
Скушно на одеяле. Страшно на глубине.
Но мы еще в том возрасте, когда красиво
и долго
Плавают вдоль берега, отойдя от кромки
на рост,
И емкое чувство юмора (то есть, и дна,
и долга)
Надежней, чем теплоходы или трескучий мост.
Дети взбивают пену. У ног бурлит
перестройка.
(Лишь бы не перестроили Растрелли или
Трезини...)
Мы уже в том возрасте, когда раздражает
бойкий,
Настойчивый собеседник, а камушки блещут
в тине...
Когда уже не завидуют юным и бесшабашным,
Чьи ангелы цвета какао – где чайки и облака...
Нам – к делам рукотворным. Им – к боям
рукопашным.
Сойдемся на "до свидания" между "прощай" –
"пока" ...
Мы уже в том возрасте, когда возвращаются
(Только бы не ускорили встречные поезда
Там, где однопутейка...)
и от волн очищаются
В тихой как совесть ванной...
Мыльница.
Жизнь.
Вода.

* * *

Не хватает нам крови в свекольнике скушной
диеты? –

Если даже поэты,
Глядя в ящик вечерних убийств,
Обжигаются кофе и ждут Сименона...
Нетерпенье двухсотмиллионно.
Преступление – на "бис"...
Это мы-то, хлебнувшие так, что казалось
навек, под завязку:

Что ни холм – то погост, что ни дом –
в окантовке портреты...

За Россию боюсь, если даже поэты
Пожирают глазами скорострельную сказку...
За Россию боюсь, – не слышать колокольного
звона:

Телевизоры хором транслируют хрипы из
шкафа...

Задыхается злостный любовник...
(нетерпенье двухсомиллионно)

Или грянула третья?..
Или время Господнева штрафа?

Москва

Дождь

Эта лирическая история началась в беспогодное осеннее утро, когда ветер хлестал дождем по стеклам, смывая с них тусклый свет зонных фонарей. В нашем дортуаре, как называли мы жилое и спальное помещение конструкторской шарашки, было еще совсем темно. Все блаженно спали, а техник Костя Лялюшкин еще и храпел по обыкновению – с присвистом в одну сторону, с прихрипом в обратную, когда Лёшка Графов, механик из ЦРМ, растолкал меня и шепотом сообщил, что Старик разбудил его ночью и чуть ли не слезно уговорил добраться со сменным четырехчасовым конвоем до нашей зоны и узнать у меня, успел ли я передать начальнику шарашки, бывшему ээку, а нынче вольнонаемному, его, Старика, письмо. Ну, тут я, конечно, от злости вскинулся: письмо было передано еще вчера, и не такой это случай, чтобы забыть, начальство не каждый день в командировку ездит и "левые" письма берет. Так что нечего тут выяснять, дайте человеку ночевать спокойно.

– Отночуйешься, – придержал Лёшка одеяло, которое я уже натягивал на голову. – Сначала письмо вернуть надо.

– То есть как вернуть? Зачем?

– Зачем – это ты у Старика спросишь. Только сдается мне, если я с обратным конвоем не вернусь

и ксиву эту ему не принесу, Старика твоего в санчасти от кондрашки отхаживать будут. Так что, буди кого из бесконвойных, чтобы от греха подальше.

Бесконвойных в бюро было трое, а разбудил я Костю Лялюшкина, оборвав для всеобщей пользы двойной храп. Сначала Костя выдал мне всё положенное полным текстом, а потом, когда мы с Лёшкой в два шепота растолковали ему, в чем суть да дело, сунул ноги в брюки и сапоги, натянул поверх куртки брезентовую робу и шагнул в дверь, в непогоду, догонять письмо. Словом, в восемь Лёшка возвращался с конвертом, к одиннадцати дождь прекратился, а в двенадцать, с очередной сменой конвоя, я шел к Старику в Центральные Ремонтные Мастерские – ЦРМ.

Познакомился я со Стариком несколько лет назад, в самые первые свои лагерные дни. А потом вроде и сдружились, хотя был он лет на сорок старше меня. Да и судьба у него была другая, и лагерный стаж, и срок. Когда-то на воле он был профессором финансов и очень большим начальником. А в лагерь загребел по тем временам поздно – в конце 1938 года. На свои 15 лет срока отхватил он себе почти все пункты 58 статьи: с таким букетом я еще никого не встречал. И рассказывал он об этом с тихой стариковской усмешкой, будто забавным случаем из собственной жизни делился.

– Я, мой милый, не герой, и они отлично знали, что я не герой. Уж в чем-чем, а в физических, да и в психологических возможностях своих жертв они отлично разбирались. Меня, например, даже пальцем не тронули. Всё было, мой милый, гораздо проще: после ареста меня сунули в одиночный бокс – без окон, с узкой скамьей и ярчайшей лампочкой под высоким белым потолком. Пробыл я там, наверно, 24 часа, и всё это время

(а спать мне не давали) слышал через какую-то отдушину или другое какое-то устройство удары и крики. Удары и крики. Я и не предполагал, что люди могут так кричать... А затем меня перевели в камеру, где лежали три человека. Три человека, избитые в усмерть. То есть живого места на них не было. В усмерть. И с ними я пробыл еще 24 часа. Потом в камеру кинули еще одного избитого, а меня взяли на допрос. Повторять намек не пришлось: я понял, что геройство - не для меня. И хлопот у следователя со мной не было ни малейших. Он только намечал канву, а я уж сам расширял по ней такие узоры, что у него очки поблескивали от удовольствия, когда он читал мои собственноручные показания: самому ему такое было ни придумать, ни написать... Он иногда даже умерял, так сказать, мой пыл, мою фантазию, чтобы из пределов правдоподобности не выходить. И всё жалел, что я не курю, что не может он папироской одарить меня за столь активную самодеятельность. С тех пор я и удивляю начальство на пересылках и в лагерях своим формуляром: вредительство, шпионаж, связь с международной буржуазией, экономконтрреволюцию, не считая таких мелочей, как у вас, милый, - антисоветской агитации и организации. Да, они очень хорошо знали, что я не герой...

На 13 ОЛП, где мы познакомились, Старик работал старшим преподавателем на Центральной курсовой базе УНЖЛАГа. Было такое заведение - так сказать, лагерный университет с отрывом от производства. Готовили там для внутренних надобностей мастеров леса, бригадиров дорожных бригад, заведующих лесобиржами, тачковщиков, нормировщиков. Специальности были лесные, мужские, и присылали на курсы мужиков, уже хвативших лесоповала, умеющих пропускать сквозь дерево сталь лучковой пилы и слегка забывших,

что такое сантимент в отношениях к ближним. И так уж получилось, что когда в 1947 году пришел приказ разогнать мужиков и баб по разным зонам, на женских лесоповальных лагпунктах не оказалось ни мастеров леса, ни, скажем, дорожных бригадиров: одни только вальщицы, раскряжевщицы, сукорубши и сучкожѣгши – хоть плачь!

Поначалу пришлось оставить на женских лагпунктах по десятку производственных придурков – над бабами в лесу командовать, а потом пришел строгий приказ срочно подготовить соответствующих специалистов из баб, дабы в дальнейшем никакого контакта между противоположными полами не происходило. Курсбаза после разделения угнездилась в ЦРМ, и вот три преподавателя, в том числе Старик, были на три месяца откомандированы на 13-й ОЛП, ставший сугубо женским, на старую курсбазу, – натаскивать слабый пол на лесокমানдные должности. Месяца полтора назад Старик вернулся.

Охранял ЦРМ и наш 24-й ОЛП один и тот же взвод ВОХР, и можно было, когда от нас к ним шла смена караула, пройти с этим конвоем в ЦРМ – будто бы по делам шарашки, а с обратным следующим, через 4 часа, вернуться. Вот с такой сменой я и отправился к Старику – выяснять, что же такое стряслось, что он счастливо ушедшее за зону письмо ночью вернул обратно.

– Сейчас я вам всё объясню, милый!

Старик сидит на своем узком и укороченном по росту топчане. Обычный топчан не влез бы между окном и дверью в маленькой комнатке-кабинетике. Мы пьем ароматный черный кофе – настоящий кофе: Старик получил от жены посылку.

– Сейчас я вам всё объясню. Если я не поседел этой ночью, то потому только, что догадался сделать это тридцатью годами раньше.

Он с сожалением смотрит на пустую кружку,

выгребают ложечкой со дна осадок и с наслаждением, прикрыв глаза, перетирает его почти беззубыми дёснами.

- Так вот, милый, всё началось с того, что я поехал на 13-ый организовывать женские курсы. Вам, наверно, будет смешно, если я начну говорить о каких-то там сантиментах к лагерному дому. Слова "лагерь" и "дом", вообще-то говоря, не слишком совместимы. Вам будет смешно, и вы будете правы, но только потому, что вы молоды, что восемь лет вашего срока - всего лишь срок в вашей жизни, срок, за которым её основная и, надеюсь, лучшая часть. А для меня это последняя остановка, всё лучшее - позади и далеко, комнатка в бараке - последнее пристанище. Не возражайте, не нужно. Я говорю: последнее. Другого не будет, я просто не надеюсь отсюда выйти. Потому и цепляюсь за свою работу, которая дает мне эту комнатку, а не нары в инвалидном бараке. Здесь, в ЦРМ, для меня всё еще чужое, необжитое, а в комнатке на 13-ом я как-никак прожил около четырех лет. Там был мой дом, там были люди, к которым я успел привязаться. Я мог пойти (чуть не сказал - поехать!) к ним в гости, мог пригласить к себе - вот так, на чашку кофе, единственного разрешенного удовольствия, оставшегося от той, прошлой, жизни. Там мне и думалось лучше, а это не так уж мало. К известному определению "Я мыслю, следовательно существую", я для себя мог бы прибавить два производных: "Пока я мыслю, я существую" и, что еще важней, - "Пока я существую, я мыслю". Но я отвлекся.

Так вот, когда нас выгрузили на Поржне из конвойной теплушки, когда мы пошли по знакомой лежнёвке к вахте 13-го, у меня вдруг сжалось сердце, будто из эмиграции домой вернулся. Да только дом оказался не тем...

Я знал, что разделение лагпунктов куда

сильнее ударило по женщинам, но одно дело — знать, а другое... Нет, я не о тех, что расхаживали по зоне в мужской одежде, лихо крутили самокрутки, закатывали сцены ревности своим, так сказать, любовницам и до беспамятства дрались с "соперниками". Я говорю — как бы это? — об общем тоне лагпункта. Помните — когда бригады приходили с повала, трудно было в нескольких шагах отличить женщин от мужчин: одинаковые мокрые ватные брюки и бушлаты, одинаковые валенки или бахилы с лаптями, одинаковые ушанки зимой. И одинаково понурая походка предельно уставших людей. Но вечером, после ужина, они выходили из женбарака отмытые, чуть отдохнувшие, скидывали в столовой телогрейку и на час-другой становились женщинами — в сохранившихся "вольных" платицах, порой даже в стареньких "лодочках" на каблуках, с наскоро сооруженными прическами. Столы раздвигались, баянист (помните?) растягивал меха, парни, тоже наведшие на себя вечерний марафет, выходили на круг, и почти до отбоя продолжался этот нехитрый рай, призрак оставленной жизни. И пусть завтра лучек, повал, снег по колени: сегодня — горе по колени, час — да наш...

Так вот, всё это как под комель лучком срезало. Опустилось как-то всё. В чем на работу, в том и вечером, если сушить не надо. Никаких там танцев под баян, и только "парочки" пытались держать фасон: баба-мужик старалась, как и положено лагерному мужу, содержать в аккуратности свою ночную подружку. Умиравшим казался этот лагпункт. Теперь, говорят, обвыкается, чуть лучше становится, а тогда я больше у себя на курсбазе отсиживался или шел в санчасть, на кухню стационара, поболтать с поварихой Нюрой (помните её?) — прежние времена вспомнить.

Вот и в тот день мы сидели вдвоем на кухне.

Дверь на задний двор была открыта: весь день парило, раза два собиралась гроза, да всё проходила мимо, к Белому Лугу. Я угощал Нюру посылочным чаем — кофе она не понимала, а она меня — картофельными оладьями. Да еще бесконвойные банку лесной малины принесли, так что пир был царский. За разговорами не заметили, как вдруг разом стемнело. Порыв ветра хлопнул створкой окна, где-то рядом сверкнуло и тут же ударило. И редкие тяжелые капли застучали по крыльцу. Я подошел к двери, и в тот же момент откуда-то из-за угла на пыль двора, под капли, выскочила девчонка. Была она босиком, порывы ветра вздымали выше колен подол ее красного платица. Как слепая к солнцу, подняла она к небу лицо и, запрокинув голову, с закрытыми глазами, ловила губами, языком редкие капли. Опять сверкнуло и тут же треснуло где-то совсем рядом, за зоной, за ближайшими осинами леса. Девчонка вздрогнула, но тут же упрямым грациозным движением вскинула лицо. Снова сверкнуло, порыв ветра вздул платье. Девчонка тронула босой ногой чуть прибитую пыль, повернулась, тронула вытянутыми пальцами другой ноги. И в это время припустил дождь. Девчонка зябко повела плечами, и я с внезапным, неожиданным для себя замиранием сердца подумал, что вот сейчас дождь спугнет ее, загонит под навес, под крышу.

Я видел красивых женщин — в ложах театров, на приемах, на вечерних парижских улицах. Но в этой девчонке в стареньком красном платье, стоящей под дождем в зоне лесоповального лагерного пункта, было столько изящества, гибкой кошачьей какой-то грации, что я вдруг понял, что вижу неподдельное, подлинное чудо природы, что одень ее, перенеси, как в сказке, в тридевятое царство, тридесятое государство, и завтра вечером у ее ног будет весь Париж. Дождь облепил ее

платьем, вся фигура обозначилась полностью, и в это время из-за края тучи брызнуло солнце. Дождь еще лил вовсю, капли плясали вокруг девчонки, и она вдруг тоже, сам не знаю по какому внутреннему порыву, начала плясать. Это был какой-то дикий, стремительный, языческий какой-то танец, пляс для себя одной, потому что меня, единственного зрителя, она не видела, а о попке, стрелке на вышке, и думать не думала. Она просто плясала вместе с молодым дождем, с пляской и кипением капель под ногами, среди потоков, заливших маленький дворик санчасти. Ничего подобного я не видел раньше, ничего подобного уже не увижу.

Погодите, я хочу, чтобы вы поняли. Я старый больной человек. Я устал и почти отвык радоваться. И началось это не сейчас, не в зоне. До ареста желчная раздражительность, пугавшая мою жену, охватывала меня куда чаще. Арест разорвал тот порочный круг, с которого я не мог сойти, уже всё или почти всё поняв, круг, на который ступил в дни моей, так сказать, революционной молодости. Впрочем, оставим это. Как говорится, по делам и расплата. И вот однажды, в тот день с внезапной грозой, о котором я рассказал вам, меня, говоря штилем высоким, коснулось нечто. Я сидел в санчасти, а там, во дворе, под дождем, плясала босая девчонка в красном платье. С чего бы, скажите, вздумалось ей в лагере, в зоне — плясать? А я глядел на нее, и вдруг мне показалось, что я, как это ни странно, еще молод... Погодите, не улыбайтесь. Я просто рассказываю, как было тогда. Мне показалось, что я молод, и потом, когда дождь перестал, когда девчонка скрылась куда-то, мне захотелось, как Фаусту, задержать, остановить мгновение.

Я сугубо трезвый человек, я никогда не грешил стихами. С одним, помнится, исключением, да и то

из практических побуждений: я накропал стишок с целью покорения некой юной девицы, ставшей впоследствии моей женой. Тогда она отнеслась к моей попытке скептически, хотя до сих пор это мое рифмованное послание хранит. Говорят, человек два раза глуп живет: стар и мал. В тот вечер, вернувшись в свою комнатку на курсбазе, я поймал себя на том, что подбираю в уме слова к какой-то странной и неотвязной мелодии или, скорее, ритму, возникшему во мне вместе с танцем девчонки. Не в силах отвязаться, я начал набрасывать эти слова на листок бумаги и вскоре поймал себя на том, что второй раз в жизни пытаюсь написать стихотворение. Стихотворение, посвященное девчонке в красном платье, которая никогда не прочтет этого старческого признания в – увы! – платонической любви.

Я стар. Моя жена помнит меня и ждет. И вообще – смешно в мои годы думать о девчонках и стихах. Всё это вполне очевидно, но в тот вечер, вопреки этой самой очевидности, я продолжал мараить листок, надеясь, что вызову к жизни и закреплю на бумаге поразившее меня чудо. Не смейтесь, я сам понимал нелепость ситуации, и я охотно посмеюсь вместе с вами, когда окончу свою исповедь.

А я и не смеялся, я ждал, как свяжется история о пляшущей девчонке с неотправленным в Москву письмом. И невольно думал о том, что вот жаль, что наступили времена разделенных лагпунктов, что нельзя хоть на денек попасть по наряду на 13-й ОЛП, нельзя посмотреть, что это за такая девчонка, у ног которой завтра мог бы быть весь Париж.

– Так вот, – продолжал Старик, – я искал слова, а они не давались. Как вы понимаете, ни опыта, ни умения в этого рода деятельности у меня не было. Я перечеркивал написанное и начинал заново.

во, и эти усилия, казалось бы – тщетные, действовали на меня как кофе, возбуждая какие-то неожиданные мысли и ассоциации. Сначала, по ассоциации прямой и вполне понятной, я вспомнил то, первое свое стихотворение, написанное лет сорок назад, и вдруг почувствовал, что отношение мое к нему и к этому, не дающемуся, никак не выступающему из исчерканного черновика – разное. То был банальный любовный мадригал, второсортная копия с какого-то обобщенного оригинала. Я писал его с четко осознанной целью: обратить на себя внимание нравящейся мне девушки. Оно было, так сказать, одним из средств общей атаки, сыграло в ней предназначенную роль, но меня, меня в этом стихотворении не было ни грана, и оно умерло для меня вместе со своей ролью, то есть – почти сразу. Теперь всё было не так. Теперь мне казалось, что это моё стихотворение было, существовало до того, как пришло первое слово, что оно возникло еще до танца девчонки, вызвав из небытия и танец, и дождь, и девчонку, что оно вообще было всегда, и чудом было то, вернее – только то, что явилось оно – мне. И стало навсегда – моим. И вдруг я мысленно сдвинул времена, сдвинул, совместил так, что та девушка из прошлого, ставшая моей женой, и эта девчонка, плясавшая под дождем три часа назад, оказались рядом. И я был вместе с ними двумя, я – с тогдашней молодостью и сегодняшним опытом и пониманием. И – ничего не переменялось. Для той осталось то, ничье стихотворение, для этой – это, мучащее, недающееся, моё. А если так, то и любил я из двух – эту, эту, с опозданием на сорок лет. И старческая немощь тела оказалась не помехой молодой и внезапной любви. И что мне до того, что о любви моей буду знать я один, я – и эти строчки, дописать, добыть которые нужно во что бы то ни стало...

Видите, какие мысли приходят, когда сидишь один над измаранным листком бумаги? И я ведь знал, что девчонка, узнай она эти мысли, прочти она эти строчки (допустим, что она в состоянии их понять и оценить), в лучшем случае посмеется над моей старостью – и будет права. Молодость всегда права, и не ее вина, что кто-то опаздывает на сорок не лучшим образом прожитых лет. А ведь, может, и тогда жила на соседней улице девчонка моего стихотворения, а я проходил рядом, ведя умные беседы с умной курсисткой в пуритански-строгой одежде, и ликующий призыв старенького красного платья проходил мимо меня. Не по тем ли улицам я делал первые шаги к схемам, к догмам, на столько лет отнявшим у меня живую жизнь?

Так или иначе, но в тот вечер на курсбазе я был благодарен девчонке за подаренные мне мгновения и даже боялся, что вот-вот завершу свою работу, что опьянение кончится и мир снова потускнеет. И при всём том я ни на минуту не забывал, что всё останется по-старому, что я буду писать жене те же письма, говорить те же слова на редких свиданиях, и она никогда не узнает о моих запоздалых сожалениях, о моей внезапной мысленной измене. Да и в чем была измена? В листочках бумаги, которые я продолжал черкать по вечерам в поисках единственных слов, способных остановить мгновение?

Эти листочки я привез сюда, на ЦРМ, когда курсы на 13-ом кончились. Как-то вечером я (в который раз!) перебелил их, прочитал, и мне вдруг показалось, что всё на месте, что я написал стихотворение, от которого не отказался бы и истинный поэт. Впрочем, стихов истинных поэтов у меня здесь нет, это было не сравнение, а ощущение, от которого я не отказываюсь и сейчас. Было это, помнится, недели две назад, мне всё

хотелось прочитать вам мои стихи, да так и не пришлось.

Вчера я написал письмо жене. Хорошее письмо. Обычное письмо. И переправил его вам для передачи начальнику бюро Т. Ведь не каждый день удастся отправить письмо вольной почтой. Вечером мне не спалось – обычная старческая бессонница. За последние дни у меня на рабочем столе образовался маленький беспорядок, а я, старый финансист, сохранил некоторую привычку к аккуратности. Даже здесь, в зоне. Я стал складывать конспекты по нормированию и учебные задания и вдруг, перебирая бумаги, наткнулся на свое письмо к жене. Я перечел его: это было то самое письмо. У меня склероз, но не до такой степени, чтобы забыть, что я клал это письмо в конверт. Его или такой же листок из того же блокнота: эта память была в руках, в пальцах. Я ощущал эту бумагу, помнил, как складывал ее. Но письмо было передо мной, и надо было выяснить, что же это я сунул вместо него в конверт. Я пересмотрел всё – до бумажки. Всё было на месте, кроме... Кроме единственного беловика стихотворения. А все черновики я тогда же уничтожил. В зоне, как вы понимаете, не стоит хранить лишние бумаги. Даже здесь, на курсбазе, бывают внезапные шмоны.

Итак, письмо лежало на столе, а жене было отправлено стихотворение, любовный, так сказать, гимн, посвященный другой женщине.

Я сижу больше девяти лет, и больше пяти еще осталось. Сын от меня отрекся, и я не виню его: зачем напрасно портить себе жизнь? Он тоже может позволить себе быть не героем. Одни друзья, как и я, сидят, другие постарались меня забыть. И только для жены я еще жив. Она пишет мне. Не знаю, из каких уж средств, но иногда присылает посылки. Раз в год-другой приезжает на свидания. И ждет. Вопреки времени и очевидности –

ждет. И вот представьте себе: она вынимает из ящика мое письмо, вскрывает конверт и читает стихотворение, обращенное к девчонке в красном платье. Прямое, так сказать, свидетельство моей измены.

Моя жена, насколько я помню, всегда ходит в темных платьях. Она не относится к разряду молодых пожилых женщин. Много лет назад она закончила с молодостью и, по-видимому, без сожалений. Видимо, без колебаний она расставалась с сыном в тот день, когда он публично отрекся от меня. Она очень одинока, и мне искренне жаль ее. Построенный ею внутренний кодекс никогда не допускал компромиссов, и будь я на воле, она, я почти уверен, рассталась бы со мной, прочитав такое письмо. Но я здесь, в лагере, и согласно тому же кодексу, она решит, что никакого письма не получала. Она порвет его и прикажет себе забыть, хотя помнить будет - всегда. Об этом я и думал, когда ночью посылал за письмом Лёшу Графова. О ней, о моей жене. И о себе...

Как я сказал вам, я положил в конверт единственный экземпляр стихотворения, уничтожив черновики. А у меня склероз, милый. Я могу прочитать вам латинские стихи, заученные в гимназические годы. Но я не способен запомнить ни строчки сегодня. Запомнить, восстановить. И если жена порвет листок (а она порвет!), думал я, стихотворение погибнет. Погодите, не спешите уверять меня, что это не худшая из бед, дайте мне договорить. Примем на минуту гипотезу, что я, далекий от поэзии человек, один раз в жизни обрел дар и написал совершенное стихотворение. Так сказать, маленький шедевр. И пусть мы оба далеки от такой уверенности, но представить-то себе можем! Тем более, что всё сопутствующее этому маленькому чуду было: девчонка в красном платье плясала под дождем, я, старый пень,

вдруг задумался о любви, затем пришла минута вдохновения, когда строчки сами, повторяя ритм танца, начали гудеть в голове, затем работа, когда я вылавливал случайные слова, мучительно вспоминая единственные, созвучные стихотворению, существовавшему до и без меня. И вот оно вызвано из хаоса, оно пришло в мир, оно живет. "Живет? – терзал я себя, пока письмо не вернулось ко мне. – Живет?"

Я с едкой горечью представлял себе, как жена вскрывает конверт, как читает листок, как рвет его рвет, рвет... Кончено, всё погибло... Нет, вы представьте, что Пушкин потерял, навсегда забыл "Я помню чудное мгновенье", Тютчев – "Я встретил вас", А. К. – "Средь шумного бала". Нет, ничего не случилось бы, мы ведь даже не знали бы, что эти стихи были написаны, но мир, я уверен, сам того не зная, стал бы беднее. И мне казалось, что он вот так же чуточку обеднел, потеряв мое стихотворение о девчонке. А если не мир, так я. Пусть мои стихи остались бы для одного меня – разве этого мало? А если бы они понравились еще и вам?

Пыль, дождь, босые ноги девчонки...

Письмо у меня. Спасибо. Вы помогли вернуть его. Вот оно, в этом конверте. И вы ждете, когда я прочту его вам. У меня самого дьявольское искушение вскрыть конверт и прочитать стихотворение. И... и я боюсь. Боюсь, что сегодня, в трезвом свете дня, оно покажется мне банальным, не заслуживающим ни слова из того, что я вам о нем говорил. И у меня есть второе искушение: сжечь конверт не вскрывая. Пусть стихотворение останется во мне таким, каким я его почувствовал, а в вас – каким я вам его передал.

И я еще не знаю, какое из двух искушений сильнее...

Подпись в углу акварели

* * *

Окошко в стене
Как гравюра на меди:
Пылает в закате
Воздушный ковёр.
Как тщательно вырезал
Дерево в небе
Влюблённый в детали
Вселенский гравёр!

СОБОР

Готикой -
Вытянись Спресованною верой -
Древним И слейся, приобщись
Вдавленным Изогнувшимся химерам,
Готикой - В сухие кирпичи...
Страшным одиночеством Слепою, иступлённой,
Вытянись Ночей,
В оконные проёмы,

Вытянись
Иглою из кирпичей...
Готикой –
Жестоких крестоносцев –
Вытянись
Молитвою, постом,
Вытянись
И над тобой сомкнётся
В небо уходящий
Божий дом...

* * *

Где-то в небе прозрачный рейсфедер
Ретуширует дождиком ватман.
И деревьев зелёные сферы
Расплываются в блеклые пятна.
Набухающий центр акварели –
Словно след от застывшего взрыва.
И повисли осколки шрапнели,
Как пунктирная ось перспективы.

Ватман, вставленный в раму окошка,
Аккуратный прообраз природы.
Дождь штрихует за домом дорожку
И на ней силуэт пешехода,
Провода над его головою.
И заметна уже еле-еле
За завесой сплошной дождевою
Чья-то подпись в углу акварели.

* * *

Верхушки деревьев зажглись за окном, –
Поминальные свечи, дрожащие в небе, –

Горящим кольцом окружают мой дом,
И стеклянное пламя струится с деревьев.

В промёрзшей стране, где царапает снег
На рассвете стекло, и никак не проснуться,
Сугробы в окне, как в замедленном сне,
Под раздувшейся простынью снега крадутся.

И женщина в ватнике и в сапогах
Дирижирует хором подростков осипших,
Летает корявая палка в руках,
И колючею перхотью небо крошится.

Засыпало поле, крыльцо, дымоход,
Белизною сплошною нас всех замечает.
В пологие склоны земли, как сугроб,
Промороженный дом мой всё глубже вращает.

* * *

Мне двенадцать. У меня бронхит.
Мамы нет: наверно, очень поздно.
И звонок будильника сверлит
К голове туннель сквозь плотный воздух.

Проплывают лица сверху вниз.
Я лежу под липкой простынёю.
Надо мною циферблат повис,
И кричат соседи за стеною.

Уже поздно, а они кричат.
И заснуть пытаться бесполезно.
В потолке будильник, как печать
На моей истории болезни.

Чертят стрелки чёрные круги,
Прыгают, дрожат перед глазами.

Боль уйдёт тихонько – не спугни,
Но встать пока ещё нельзя мне.

Набухает за окном рассвет.
Тени по полу жгутами вьются.
Боль застыла в тёплой синеве
И стекает небо с пыльной юбки.

Круг прочерчен. Выпуклым пятном
В потолке лицо её мерцает.
Циферблат, наклеенный на нём,
Моей жизни время отмеряет.

* * *

Мозг заходится спазмом молчания,
Засыхает коростой слов.
На извилистой карте желаний
Стёрлись белые пятна стихов.

В центре мозга, в подвале цементном,
Замурована клинопись звёзд.
Замуровано заживо сердце
В полированной клетке из слёз.

* * *

В капелле замёрзшего леса
Зажглись канделябры деревьев.
Великая люстра сосулеч
На землю сочится закатом.

Торжественно вытянув шеи,
Сидят неподвижные звери.
Закинули головы в небо
И морды сияют блаженством.

Луна, разметав свои юбки
По бархату ложи небесной,
Рассматривает благосклонно
Притихшую публику леса.

Бежит по кустарнику шепот
И слышно, как за горизонтом
Настраиивают инструменты
Невидимые музыканты.

И ждут своего дирижёра.

* * *

За Енисеем, за инеем синим
В тихом свете затерянный скит.
У иконы стареющий инок
Исступлённо поклоны творит.

В тихом свете купается келья.
На полу лист бумаги, печать:
"Был вчера под Иркутском расстрелян
Адмирал Александр Колчак".

Чёрной птицей распластана ряса,
Божий инок к иконе прирос.
И в глаза ему грустно и ясно
Улыбается строгий Христос.

Юлия ЛАТЫНИНА

Два авангарда

Есть вечная и непереходимая грань, отделяющая творчество тварное, человеческое от творчества божественного, творчества Творца. Тварное существо не творит существ - существа творит лишь Творец... Безбожна и демонична всякая попытка понять творчество как создание новых живых существ, а не как прирост энергии, не как рост и восхождение сотворенных Богом... Это - творчество павшего ангела.

Н. А. Бердяев

В январе 1923 года Маяковский, Брик, Асеев, Третьяков обратились в отдел ЦК ВКП(б) за разрешением на издание журнала ЛЕФ (Левый Фронт Искусства). Журнал должен был способствовать "нахождению коммунистического пути для всех родов искусства" и переосмыслить "так называемое левое искусство, отбросив от него индивидуалистические кривляния".

ЛЕФ был не единственным претендентом на коммунистическое правоверие. Впервые в истории литературы литературная борьба имела целью выяснить, какая из группировок является самым подлинным выразителем духа властей предрежащих. За эту честь спорили все самые левые группы: Пролеткульт и конструктивисты, "Кузница", "Октябрь", РАПП, ЛЕФ. (В Белой армии, однако, ни Правого Фронта Искусства, ни Антипролеткульта не наблюдалось.)

Все эти течения революционного авангарда имели две общих фундаментальных черты. Все они утверждали новую культуру путем отрицания культуры прошлой. Все эти течения не довольствовались художественным творчеством, а пытались творить стихом саму жизнь: "Для поэта, поскольку его стихи являются делом, приятнее, полезнее и почетнее своими стихами участвовать в революции, чем писать стихи о революции" (Демьян Бедный). Они сметали границы между жизнью и искусством. Они требовали от слова магического воздействия на действительность, взамен предоставляя правительству право воздействия на слово.

Новая революционная эстетика главным своим принципом провозглашала тождество действительности и текста. Но той же идеей руководствовалась и власть, с 1918-го года на страницах "Правды" разъясняя, что "всё искусство предназначено для народа, для изменения жизни" и что художнику надо изображать то общее и единое, которое "уже есть как воплощение, как отстой (необыкновенно точное слово! - Ю. Л.), из которого художнику уже нетрудно создать ценность" ("Правда" от 16 апреля 1920 г.).

С самого начала экзистенциальные установки авангарда в искусстве совпадали с установками "авангарда рабочего класса".

С самого начала - значит, до революции.

В 1914 году Маяковский провозглашает: "Художник должен дать обществу ответ, при каких условиях его труд из индивидуально необходимого становится общественно полезным". Иначе - при каких условиях художник творит не текст, но жизнь. Отсюда - стих превращается в оружие, а поэзия - в борьбу с врагами. И эта любимая метафора Маяковского - дореволюционная: "Сегодняшняя поэзия - поэзия борьбы. Каждое слово

должно быть, как в войске солдат, из мяса здорового, красного мяса" (1914 год).

"Я 28 лет отрачиваю мозг/ не для обнюхивания,/ а для изобретения роз", - заявляет поэт, сам вырывая себя из сферы искусства: "Я стать хочу в ряды Эдисонам, Лениным в ряд, в ряды Эйнштейнам". Последняя цитата - мировоззренческая программа.

"Изживание статики, изгнание абсолюта - главный пафос нового времени, злоба текущего дня. Негативная философия и танки, научный эксперимент и совдепы, принцип относительности и футуристский «долой» рушат огороды старой культуры. Единство Фронтов изумляет" (Р. Якобсон "Футуризм").

И для большевиков, и для футуристов создание нового оказывается возможным лишь с уничтожением старого. Идеологическая нетерпимость по отношению к другим группам; понимание искусства как "производства" и провозглашение факта - корнем литературы были следствием общей установки, направленной на отождествление искусства и жизни. Революционный авангард отрицает не только формы, но и сущность искусства: он превращает его в магию, созданную, чтобы "класть в коммунову стройку слова-кирпичи" и чтобы "выволочь республику из грязи". Поэт - уже не поэт, а демиург и жрец, повторяющий древний ритуал сотворения космоса. Космос в такой концепции не поддается исправлению, - а поддается лишь периодическому сотворению заново.

Авангард провозглашает себя будущим искусства, но оказывается его прошлым.

Старый, верный Вайнамяйнен
Строит лодку заклинаньем,
Он челнок сбивает пеньем
Из ветвей большого дуба.

Так считал человек тысячи лет назад, отождествляя название и сотворение. Когда он перестал это делать, из магии родилось искусство, из ритуала - культура.

Маяковский вновь хочет сделать из слова вещь, а не знак; или, по крайней мере, инструмент для изготовления вещей. Но в мире материального слова материален и дух, ибо слово - одна из границ Духа и Мира, созданная человеком и им же в творчестве переходимая.

Бог обладает правом творить *сущее*. Человек творит лишь знаки. Художник авангарда восстает против этого порядка. Он разрушает старые формы, но хочет создать не новые формы, а новую действительность. Восставая против культуры, он восстает против духа, чтобы провозгласить единственным духом и культурой - себя. Ему мало творить текст, мало творить себя, ему надо творить других. Его литературными героями должны быть люди их плоти и крови.

Эстетика романтизма включала в себя жизнетворчество, но - творчество жизни своей, а не чужой. Даже погибая за революционную Грецию, Байрон гиб за себя, а потому всегда иронически описывал деяния революционера: "Сражайся ж за свободу, где возможно./ И если тебя не расстреляют и не повесят,/ То пожалуют саном". Авангардисты иронии революции не замечали и сана добивались всерьез.

Еще больше в отречении от Бога и воспевании отрицания - "проклятые поэты". Недаром Рэмбо, "который окружает ореолом славы бесстыдство и очарованием - жестокость" (Верлен), - любимый поэт террористов. Но и Рэмбо еще играет с насилием, как поэт, а не верует в него, как фанатик.

Мир знаков ничем не напоминает мира вещей. В этих двух мирах действуют разные законы. Например, для вещей нельзя находиться в одной и той же точке физического пространства. Со знаками — наоборот: чем важнее понятие, тем больше выражающих его знаков скапливается в одной и той же точке пространства семантического. (Потому-то бесконечно множатся для человечества и имена, и концепции Бога.) Вещь подчиняется аристотелевой логике: в данной точке она либо есть, либо ее нет. У знака же такое-то значение — и есть, и не совсем есть, и разница между гранями значений служит движущей силой мысли.

С момента возникновения сознания человек стал существом символическим (Кассерер): всякая вещь стала значить, а не только быть. То есть — всякая вещь стала превосходить самое себя, одухотворяться. С самого начала знак есть материальный оборотень: он есть, но он значит не то, что он есть (бл. Августин).

Авангард отрицает законы знака и подчиняет его законам вещи: "Мирное сосуществование во времени двух художественных форм так же немислимо, как немислимо сосуществование двух геометрических тел в одном пространстве" (Р. Якобсон, "Задачи художественной пропаганды"), — декларирует он вразрез со всем строением культуры.

Как дети подражают взрослым, так художники копируют атмосферу партии: речь идет не о борьбе идей, а о борьбе фракций. Фракция добивается монополии над истиной посредством монополии над властью. Но увы! Как только литературная фракция близилась к монополии, ЦК запрещал её, ибо зачем ему монополия помимо своей?

Именно считая слово материальным предметом,

авангард начинает уделять внимание материи слова, т. е. — фонеме, отождествленной с материей жизни: "Но если я говорю "а" — это "а" — атакующему человечеству труба./ Если я говорю "б" — это новая бомба в человеческой борьбе./ Есть еще хорошие буквы: Эр! Ша!" (И до эр, и до ша, и все буквы перебрали мы в лагерных номерах, доказав, что единичная буква от цифры ничем не отличается.) Смысл — то, что сохраняется в переводе (Б. Рассел). Фонемы — существуют, но не значат, они — материальное грузило слова.

Авангард хочет придать слову ясность вещи, уничтожив ту размытость значений, которая и порождает мысль. Слова должны быть однозначны, "стихотворение должно иметь в себе полный политический идейный заряд", "поэзия начинается там, где есть тенденция". "Я люблю всегда сказать до конца, кто подлец", — заявляет Маяковский, присваивая себе prerogatives председателя Страшного Суда.

Однозначное слово изменяет самой своей сущности, но еще до этого действительно успевает изменить действительность. Только даром ему это не проходит: как человек, вернувшийся в сказке с "иного мира" на белый свет, слово рискует состариться в минуту. "Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают как платья./ Хочу сиять выставить заново/ Величественное слово «партия»" (Э-ка! Почему ж "партия" выцвело за десять лет, а Бог — ничего, не выцветает...) Смысловая эрозия начинается еще до революции. Чтение утопий поражает ограниченностью их фантазии. "Какая казенщина! Какая гимназия!" — удивлялся Достоевский идеям Нечаева.

Но слово — лишь один из уровней духовной иерархии космоса. С ним рушатся и другие знаковые системы, крепящие понятия семьи, личности, нации — вся иерархия границ внешнего и внутрен-

него, Бога и Мира. Разрушение их, с одной стороны, отождествляет человека - с окружающей материей, с другой - провозглашает саму эту материю продуктом коллективного солипсизма.

Коллективизм, интернационализм, пропаганда "новой" нравственности (заповеди которой "убей врага" и "грабь награбленное" известны любому дикарю) - лишь следствие падения стен культуры, воздвигаемых тысячи лет на пути древнейших инстинктов.

*

Авангард превращает текст - в действительность. Утопия движется ему навстречу, превращая действительность - в текст, и пути их пересекаются в точке революции.

Ранний Маркс так описывает процесс производства при коммунизме:

"Каждый из нас в процессе производства вдвойне утверждал бы - и самого себя, и другого... Я в моем производстве опредмечивал бы мою индивидуальность, ее своеобразие... непосредственно созидал бы твое жизненное проявление, и в моей индивидуальной деятельности осуществлял бы мою истинную сущность... Наши продукты были бы одновременно зеркалами, из которых навстречу нам лучезарно сияли бы наши сущности..."

Не правда ли, - не процесс производства вещей, а творение произведений искусства.

Это не случайно. Утопическое мышление, реализацией которого явилась наша революция, с самого начала не различает текста и действительности. Сам жанр утопии торчит из реальности грозной пародией на анархический синкретизм: не философия, не литература, не наука, - а претендует и на то, и на другое, и на третье. Утопия - наследница миропредставления, для которого высшая реальность есть реальность внутри ритуала.

Утопическая идеология может существовать в двух видах: утверждающем и отрицающем.

В истории европейской мысли утверждающий вариант продемонстрирован гегелевским учением о государстве: "Всё действительное разумно, всё разумное действительно". Отрицающий - учением марксистским. По Энгельсу, "благодаря самой гегелевской диалектике: всё действительное - заранее обременено неразумностью, а всё, что есть в человеческих головах разумного, предназначено к тому, чтобы стать действительным, как бы ни противоречило оно *существующей кажущейся действительности* (выделено мною. - Ю. Л.).

Итак, сначала существующая действительность - *кажется*. После же революции *кажущаяся* действительность и существует. В любом случае внутренняя и внешняя по отношению к коллективу реальность не различаются. Функция утопического мышления задается единой формулой, но в критической точке революции меняет знак с минуса на плюс. Отсюда - никакого изменения в позиции Маяковского до и после революции нет, как нет никакого изменения в позиции Ленина: сделав однозначным знак и отождествив его с вещью, утопия сама кастрирует свою мысль.

Взять, казалось бы, индивидуализм Маяковского до - и коллективизм - после революции. Что общего между поэтом, который заявляет, что он "в одном лишь прошел июле десять тысяч Аркольских мостов", и тем, кто пишет: "Всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс"?

Но берусь утверждать: "Окна РОСТА" - в тысячу раз эгоцентричней "Садка Судей". Далее их - лишь эгоцентризм диктатора.

"Социальное задание - дать слова для песен идущим на питерский фронт революционерам. Целевая установка - разбить Юденича. Материал -

слова солдатского лексикона. Орудия производства – огрызок карандаша. Прием – рифмованная частушка. Результат:

”Милкой мне в подарок бурка
И носки подарены.
Мчит Юденич с Петербурга
Как наскипидаренный”.

(”Как делать стихи”)

Вера в магическое, а не духовное назначение слова порождает странное убеждение, что народ (коллектив) сам не найдет слов, которые поэт, нашедший их, тем не менее и провозглашает подлинно народными. Перед нами – модель диктатуры: коллектив, представленный одним индивидуумом, и индивидуум, поработанный теми самыми представлениями, которые он навязал коллективу.

В нарушение всех правил алгебры, индивидуализм авангарда – энная степень его коллективизма, коллективизм – энная степень его индивидуализма. Человек уверен, что он ”народа водитель и одновременно – народный слуга”. С одной стороны, – ”сто пятьдесят миллионов говорят губами моими”, с другой, – мы, поэты, ”голов людских обдеываем дубы”. Естественно, что сто пятьдесят миллионов необделанных еще дубов могут говорить лишь устами древообделочника. Но такая система по сути своей не может существовать без апелляции к власти, предоставляющей древообделочнику чертежи: ”Я хочу, чтоб в заботах потел Госплан, Мне давая задания на год,/ Я хочу, надо мной чтоб времен комиссар/ С приказанием нависал”, ”Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо,/ С чугуном чтоб и с выделкой стали/ О работе стихов на Политбюро/ Чтобы делал доклады Сталин”.

Индивидуализм, не знающий Бога, оборачи-

вается претензией на выражение мыслей всего коллектива. "Формальная свобода для свободы, без цели и содержания, есть лишь обратная сторона деспотизма и рабства" (Н. А. Бердяев).

*

Хэппенинг революции объединяет пути двух авангардов: рабочего класса и искусства. Ленин призывает массы принять участие "в самостоятельном творчестве новой жизни". Маяковский пишет: "Искусство должно быть сосредоточено не в мертвых храмах-музеях, а повсюду: на улицах, в трамваях, на фабриках, в мастерских и в рабочих квартирах".

Пьеса левовца С. Третьякова ставится в помещении котельного завода "Парострой", т. к. она "приспособлена для исполнения непосредственно на заводе". Но для этого само правительство превращает деятельность заводов в постановку гигантской пьесы, - прологу к театральным пьесам о троцкистских заговорах, где люди играют навязанные идеологией роли о самих себе.

Труд рабочего становится не реальным, а ритуальным: его конечный продукт - не вещи, а светлое будущее. А раз так - этот труд принадлежит не действительности, а тексту. А раз так - он с самого начала существует лишь в тексте - на бумаге - в липовом отчете.

Революция, как ритуал, меняет знак и вещь местами. ЛЕФ объявляет литературу факта - но факт к тому времени уже давно стал знаком. Футуристы пишут об искусстве, как о восстании, Ленин - о восстании как искусстве. Поэт становится мастеровым, потому что мастеровой занимает место поэта. Маркс описывает коммунизм в тех же терминах, что и произведения искусства, Ленин пишет о прекрасном размахе, который дала

народному творчеству социалистическая революция, потом страна восхваляет творческую инициативу сталинской индустриализации.

Утопия не перестает быть выдумкой, даже становясь реальностью, потому что продолжает существовать по законам текста. Первым произведением соцреализма можно считать не "Мать" Горького, а пятилетний план. Приписки – закономерное следствие обращения с действительностью как с текстом, который можно переписать и который вторичен по отношению к коду идеологии.

В поэзии сообщение направлено на самое себя и максимально близко коду.

История советской власти отвечает на вопрос: что происходит с поэтической функцией языка, когда она организует не слова, а действительность? Ответ состоит отчасти в том, что воскрешает система коллективных представлений, свойственная заре человеческой культуры, и прежде всего – идеи магического действия слова, требующего единодуший коллектива.

Запрет на индивидуальное творчество при этом автоматически вытекает из уравнения процессов создания текста и создания реальности. Единственный "выход" для художника – провозгласить себя глашатаем единодушных и организационно это оформить.

*

Действительность оказывается тем реальной, чем ближе она к ритуалу. Личность – тем образцовой, чем более она растворена в коллективе.

Все тексты, принадлежащие культуре, оказываются лишь цитатами из основного текста: все языки, на которых она изъясняется, максимально близки к основному коду, однако сам текст не равен ни одной из своих цитат. Для человека, в

него ввергнутого, он не имеет ни начала, ни конца, возобновляясь с каждым днем и с каждой газетной страницей.

Газета – один из самых адекватных вариантов такого текста. Отсюда – “литература факта”, провозглашенная ЛЕФом, и культ газеты, “библии сегодняшнего дня”, “Вся безымянная масса, от рабкора до центрального передовика – это коллективный Толстой наших дней”. ЛЕФ не хочет видеть, что его “факт” уже не есть часть действительности, а есть часть газетного текста.

Газета – идеальная модель текста в мире, забывшем прошлое.

Газета отличается от книги не какой-то особенной глупостью в ней работающих, а отсутствием памяти. Каждая газетная статья излагает основы мира заново. Это – ежедневный урок математики, который учитель каждый раз начинает с таблицы умножения. Скоро ли доберется он до логарифмов?

Газеты – уникальное приспособление, позволяющее повторять каждый день одно и то же, не допуская, однако, накопления информации и тем перехода ее в мысль.

Авангард любит факты, но ненавидит – быт, все, что “оседало и осело бытом даже в нашем краснофлагом строе”. Будущая жизнь коммунизма – это жизнь без быта.

Быт – это ведь профанный противовес, без которого не существует и духовная культура. Это – правое полушарие мироздания. Если газета утверждает факт, что жизнь хороша и жить хорошо, то быт нагло врет пустыми прилавками. Если революционная поэзия утверждает, что в белом венчике из роз – впереди Иисус Христос, то контрреволюционный здравый смысл ухмыляется: как это Блок увидел 12 апостолов в шайке пьяных бандитов (Бунин, “Окаянные Дни”)?

Маяковский ненавидит быт и до, и после революции и любит революцию как отрицание быта, как сплошную сакрализацию действительности. Быт, не претендующий на то, чтобы быть текстом, — это "стоглавая вошь", это "карта будня", это люди, "имеющие ванную и теплый клозет". И отсюда — вскрик: "Скорее головы канарейкам сверните, чтоб коммунизм канарейками не был побит!" (Да что ж за нежное такое создание коммунизм, что его может заклевать канарейка? И только ль канарейкам придется свернуть головы?)

Тут Маяковский един со злейшими своими врагами. Быта, то есть не-текстовой действительности, при коммунизме не будет. Коммунистические идеи, измеренные манометром и таксометром, должны "внедриться в социальное творчество, питание, квартиры и, наконец, даже в интимную жизнь, вплоть до эстетических, умственных и сексуальных запросов пролетариата", — пишет А. Гастев. ("Мы" Замятина во многом содержит точную пародию на железобетонно-интегральные идеи авторов "Кузницы".)

Человек бытовой — угроза коммунизму. Это он, потупив глазки, боится "месткома, помкома, просьб взаймы, / Кладбища, милиции, беса, / Собак, погоды, сплетен, зимы / и ПОКАЗАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ" (ведь чего бояться показательных процессов честному человеку?). Это — дрянь, среди которых "подхалимы и волокитчики, кулаки, сектанты и пьяницы". "Мы их всех, конечно, скрутим" — обещает поэт народу — "но всех скрутить ужасно трудно" (простите, а какое конкретно уголовное обвинение предъявите вы "подхалиму и волокитчику"? Ах, да, 58-ую...).

Слово можно отождествить с миром только насильно. Культ насилия обязателен для авангарда. "Чем революционной художник разрушает установившуюся идеологию, тем отчетливей сознается его

насилие” – декларирует с гордостью футуризм. Слово и оружие равны. С одной стороны, – “застыла кавалерия острот,/ поднявши рифм отточенные пики”, с другой, – “ваше/ Слово, товарищ Маузер”.

Там, где революция удается, авангард – за насилие правящих, там, где не удается, – за насилие бунтовщиков.

Култ насилия – характерен и для западного авангарда. Для Гюльзенбека и немецких дадаистов – дада – это “активистское мировоззрение политически мыслящих людей, для которых искусство является только ничтожной деталью мировой картины и которые постоянно должны восставать против искусства, пока оно в буржуазном обществе остается товарной ценностью”.

А. Бретон утверждал, что самый дадаистический акт – выйти с автоматом на улицу и стрелять в толпу, а для идеолога терроризма Негри винтовки оказываются “символами массового катарсиса” и “средством освобождения сознания”.

Персонаж “Трехгрошовой оперы” Брехта размышляет: что значит ограбление банка по сравнению с основанием банка? Что значит ограбить предпринимателя по сравнению с тем грабежом, который чинит сам предприниматель. Что значит убить человека – по сравнению с тем, чтобы *дать ему работу*? (Выделено мной. – Ю. Л.)

В идеологии терроризма воображение получает те же права, что и в искусстве. Член террористической группы “Лотта континуа” говорит: “быть “индейцами” – значит выбрать стиль поведения, а не политическую линию, поставить знак равенства между политикой и радостью, освобождением, фантазией”.

Знак равенства между политикой и фантазией – это и есть революционное сочинительство. Ныне даже историки–марксисты вздыхают, что революция

наша не проистекла естественным путем, а родилась и воплотилась в головах идеологов, иными словами – была сочинена. А работы по истории Октября, такие, как книга С. Мельгунова "Как большевики захватили власть", выясняют, как большевики не могли захватить власть: ибо наука история не в силах учесть фактора сатанинского сочинительства.

*

С. Аверинцев заметил о направлениях, подобных революционному авангарду: они могут существовать лишь как гипербола самих себя.

Гиперболой авангарда оказался – социалистический реализм.

К первой годовщине Октября левовцы выкрасили траву в Александровском саду в голубой цвет. А И. Грекова вспоминает, как к приезду генерала солдаты красят травку у дороги – в зеленый.

Разница между крашением травы в голубой и зеленый цвет – и есть разница между революционным авангардом и социалистическим реализмом.

Нельзя сказать, чтоб Маяковский не видел, что происходит, особенно когда дело касалось литературных врагов: "Нет нигде цемента, а Гладков/ Написал благодарственный молебен о цемента"!

Конечно, – молебен! Конечно, благодарственный! Так он и пишется, – если нет цемента и взамен цемента. Маяковский присутствует при дальнейшем развитии принципов, положенных в его же обращение к поэтам: "Дайте нефть из Баку!" Как может поэт дать нефть из Баку? Только написав, что ее дали. При условии, что правительство постановит, что это описание – и есть подлинный факт социалистической действительности.

Разница между авангардом и соцреализмом

сводится к разнице между поэтической и прозаической версией одного и того же текста, переведенного с языка коммунизма. Недаром в романах соцреализма центральные моменты сюжета всегда совпадают с общественным ритуалом, максимально отдаленным от "быта": с колхозным ли собранием, с митингом ли. Уже в "Железном потоке" Серафимовича действие движется не от боя к бою, а от митинга к митингу. А в "Журбиных" Кочетова отождествление изображенной в романе рабочей династии с могучим пролетарием на плакате, что в заводской проходной – горделивый лейтмотив повествования. Даже личные проблемы, словно возвращаясь к поэтике греческого романа, роман социалистический разрешает не иначе, как всенародно.

Но опять-таки историк ритуализации – сама жизнь. Шолоховский Давыдов, приезжая в деревню, действует в точности как волшебный помощник в сказке. Мифологичность этой картины не в том, что реальный двадцатипятипятитысячник действовал не так. В этом – лишь ее неправдоподобность. Но сама посылка двадцатипятипятитысячников в деревню – изначально ритуализованное действие: правительственный эквивалент травы, крашенной голубой краской.

Соцреализм – метафизическое следствие судьбы художника, отрекшегося от обязанности свободы и захотевшего стать выше Бога. Ибо у поэта слишком много соперников в такой борьбе (комиссары в Бухаре разъясняли, что наша революция отличается от других революций тем, что она не только против эмира, но и против Бога).

Пока авангард в искусстве и авангард рабочего класса уничтожают старое, им по пути. Но революция может быть перманентной, только если она неудачна (как то демонстрирует нам терроризм). После победы идеология насильственного

разрушения сменяется идеологией насильственного созидания.

Авангард подлежит уничтожению так же, как подлежит уничтожению старый контингент партии. Беда обоих не в том, что они придерживаются неправильных воззрений: но в том, что их выбор рабства – был выбором свободным. В их существовании – вызов и парадокс: прийти к коллективистским идеям путем индивидуальных размышлений. Власть парадоксов не любит: коллективизм должен быть не результатом размышлений, а их начальной (и желательно конечной) точкой. Отныне индивидуальные размышления авангарда заменены правительственными предписаниями соцреализма.

Грань, отделяющую искусство от жизни, художник не переходит. Сделав первый шаг, советский авангард мог идти только в одном направлении: в направлении своего собственного уничтожения. "Вот тут записка: "Для интересов пролетарской революции стали бы вы писать ямбы". Я скажу, что написал бы" (Маяковский, выступление в Доме комсомола Красной Пресни).

В мире, где тождествен текст и действительность, творчество неотрывно не от свободы, а от рабства, – и власть не замедлит законодательно эту зависимость оформить. Ведь

Человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

(М. Волошин)

Свобода от Бога и есть – рабство у Князя мира сего.

Воскрешение языка

(О книге А. М. Селищева
"Язык революционной эпохи")

I.

Перед нами редкая книга: А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). 6-я типо-литография НКПС. Б. Переяславская, 46. Главлит 87095. Тираж 3000.

Эта книга - полусамиздат эпохи нэпа. Таким же образом в 1927 году вышли сразу четыре книги А. Ф. Лосева ("Античный космос и современная наука", "Философия имени", "Диалектика художественной формы" и "Музыка как предмет логики"). Вероятно, есть и другие издания, пока никем не собранные и не оцененные, творчество тех, кого Горький назвал "внутренней эмиграцией". О такого типа изданиях вспоминает и Пастернак в "Докторе Живаго". Помните: "доктор писал маленькие книжки в один лист по самым различным вопросам, а Вася печатал их в училище в качестве засчитывавшихся ему экзаменационных работ".

Книга Селищева - объемистый научный труд. В ней 248 страниц. Но это лишь умело систематизированное изложение наблюдений ученого лингвиста, почти без разъяснений и оценок. Селищев,

- не сомневаюсь, что вполне сознательно, - выступает лишь как регистратор наблюдаемой им действительности. Он пишет как хроникер, не как историк. И сделанное в качестве введения разъяснение социальных функций речи и влияния на них революционных перемен служит в первую очередь задачам классификации, а беглый показ неологизмов эпохи Великой французской революции лишь показывают, что "сходные социальные явления связываются с одинаковыми языковыми фактами" (§ 26).

К счастью для Селищева, яфетическая теория языка Н. Я. Марра еще не была признана марксистской, а "основоположники" по лингвистике не высказывались. Предвидеть же, что ожидает Россию и русский язык в ближайшем десятилетии, в годы нэпа никто не мог, и Селищев в вопросах языка французской революции преспокойно цитирует Лафарга в переводе Каутского, а в вопросах социологии ссылается на Дюркгейма и Питирима Сорокина. Имена Маркса и Энгельса и слово "класс" им вообще не употребляется. Книга Селищева - свидетельство как нижнего, так и верхнего предела ограниченной свободы времени нэпа.

Предпосылки, из которых последовало дальнейшее развитие, Селищев, однако, видит и чувствует. Характеризуя в § 26 общий характер языковой деятельности революционного времени он пишет:

"Сильные централизованные связи, преимущественное значение авторитета, строгость дисциплины, требующей "безоговорочного" выполнения "директив", идущих из центра, от "верхушки", - все это отражается на форме общественно-политической деятельности, на ее единообразии. Иногда это единообразие ведет к отрицательным результатам. Так "бич нашей культработы - это штамп" ("Правда", № 86/1926). Вместе с этим происходит весьма энергичное распространение и языковых

черт авторитетных представителей "командных высот". Некоторые особенности лексики, синтаксиса, словообразования быстро распространяются в "партийной" и "советской" среде. Произносятся речи, ведутся беседы и разговоры на темы по текущим вопросам, — ведутся в духе выставленных центром "тезисов" и "лозунгов" с употреблением некоторых одинаковых слов и словесных сочетаний". И дальше (§ 27): "быстро создаются речевые шаблоны, изменяются или утрачиваются те или иные специфические оттенки значения слов и конструкций, распространяющихся в широкой партийной и советской среде".

В большой чести в это время употребление ленинских словечек и оборотов речи, подражание его манере выражаться. У многих граждан — и чем ближе к командным высотам, тем сильнее — проявляется старание уподобиться и другим вождям, их лексике и манерам.

Политическая диктатура большевиков в эти годы еще не тоталитарна. Сталин еще не величайший гений. Но уже ясно чувствуется, куда ведет "безоговорочное выполнение директив". Селищев держится строго в рамках лингвистики. Но если с помощью языка можно обмануть кого угодно и в чем угодно, то сам язык, саму речевую субстанцию обмануть невозможно. Так или иначе, но живая речь непременно семантически выразит все, включая и "задние мысли", и эмоциональные обертоны, которыми так богат именно русский язык.

Оглядываясь на панораму советского языка середины двадцатых годов, как ее обрисовал Селищев, хотелось бы сравнить процесс нараставшего тогда господства партийности в языке с процессом его освобождения, начавшегося вскоре после смерти Сталина и сейчас еще не законченного. Построение селищевского исследования дает для этого ясную схему. Следуя ей, можно было бы описать даль-

нейшую судьбу каждого раздела, обратив особое внимание в главе о коммуникативной функции речи на спускающиеся с командных высот канцеляризмы и архаизмы, вульгаризмы, военные термины и подчеркнуто партийные обороты речи, при рассмотрении эмоционально-экспрессивной функции - на эмоциональную перенасыщенность речи, а в рассмотрении номинативной функции - на обилие непонятных народу сокращений и неологизмов, зачастую иностранного происхождения.

Селищев очень метко отмечает, как все эти элементы (примеров в его книге приведено сколько угодно) стали входить в речь еще до большевиков как признак образованности и даже учености, впечатляющей простых людей. С приходом же к власти не столь уж высокообразованного авангарда рабочего класса и с начавшимся широким распространением полуобразованности эти элементы с охотой подхватывались и закреплялись в устной и письменной речи. Некоторые удержались и до сего дня.

Атмосфера эпохи нэпа превосходно уловлена Селищевым. Это атмосфера грубой, самовлюбленной и самоуверенной диктатуры и трескучей навязчивой пропаганды, повторенную позже итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом.

”Эмоционально-экспрессивная функция речи, - пишет Селищев в § 93, - имела огромное значение в революционные годы. Пафос революционера, высокие идеалы братства, равенства, свободы, угрозы врага, категорические приказы в обстановке решительной битвы - все это выливалось в соответствующих формах речи. В сильной степени эмоционально-насыщенные речи раздавались на митингах, на собраниях, в напряженные моменты общественно-политических и партийных заседаний... Было много обстоятельств и для таких социальных взаимодействий, когда преимущественное значение имели

императивные элементы. Волевые побуждения, идущие от одних к другим, выражались в речи, изобиловавшей строгими приказами, волеизъявлениями, повелительными терминами долга, обязанности. Эмоционально-экспрессивная речь сопровождалась необходимым дополнением – сильной жестикуляцией и выразительной мимикой”.

В смещении оживших после гражданской войны традиционных форм жизни народа с местами бурно разрастающимися, а местами и нежизнеспособными формами нового обольшевиченного бытия, сталинский режим активной несвободы выявлен еще только как завязь будущего плода, как начало беременности, незаметное непосвященному.

Глава о переосмыслении слов в книге Селищева отсутствует, а глава “Изменение значения слов” занимает всего пять страниц и состоит лишь из трех параграфов, в которых приведено четыре или пять десятков слов, измененное и дополнительное значение которых вполне укладывается в стиль общего развития. Так, например, слово “попутчик” стало означать беспартийного, но сочувствующего и содействующего большевикам человека, “уплотнение” или “самоуплотнение” стало относиться к квартирам, “звеном” стала называться часть пионерского отряда, “изолятором” – тюрьма, “аппаратом” – органы управления, “расписаться” – зарегистрировать брак в ЗАГСе. Прежние значения этих слов сохранились при этом полностью.

Активной несвободы в эпоху нэпа еще не было, но уже было приспособленчество и попутничество, стремление уже в словах и оборотах речи показать себя советским человеком, подчеркнуть свое сочувствие революционной перестройке мира, у кого искреннее, а у кого и лицемерное.

Намек на это верно уловлен Селищевым, но отмечен им не в рассмотрении словесных новообразований, а в анализе перфективных глаголов и

имен существительных с префиксами "вы", "о", "за", "с", "у" в § 111: "высвобождение из-под буржуазного влияния", "опролетаризировать состав выборных органов", "зачитать резолюцию", "сработанность аппарата", "укрупненные сельсоветы". Селищев отмечает:

"Зачитать". "Товарищи, разрешите "зачитать" здесь наказ нашего коллектива. "Зачитаю" резолюцию". "Я "зачитываю" здесь один отрывок". "Я для порядка "зачту". Так в речи всех партийных и советских деятелей".

И тут я позволю себе дополнить это беглое замечание страничкой из написанного мною в сотрудничестве с Л. Д. Ржевским очерка о советском языке в моей книге "Сталинщина" (изд. "Посев", 1971):

"Шаблон "зачитать" в плане чисто языковом в новом его употреблении, без всякой нужды вытесняет употребление обычных "прочитать", "огласить" и без нужды же увеличивает лексическую омонимию. Ведь "прочитывающий" или "оглашающий" резолюцию человек - это просто человек, пользующийся русским языком, мировоззрение его и политические убеждения в словах "прочитать" или "огласить" никак не отражаются. Если же он ту же резолюцию "зачитывает", если он приемлет новый (пусть совершенно ненужный и неудачный, но советский) термин, он тем самым показывает, что он советский человек, что он - друг советской власти и радостно поддерживает ее мероприятия... Человек, заменяющий им прежние выражения "прочитать" или "огласить", этой самой заменой активно проявляет свою несвободу, показывает, что он исповедует веру в сталинские мифы и фикции.

В то же время употребление выражений "прочитать" или (сохрани, Боже!) "огласить" резолюцию или постановление становится антисоветским: оно

означает, что данный гражданин не желает употреблять советские выражения, что он держится за тот по внешности нейтральный, а по существу враждебный советскому строю язык, на котором говорили люди времен господства буржуазии, что он несоветский человек, что советская власть поступает прекрасно, заменяя слово "прочитать" или "огласить" собственным словечком "зачитать", что он, может быть, несогласен с самой резолюцией, что он, следовательно, сомневается в правильности генеральной линии партии и т. д. и т. д. Употребление новых советских речевых шаблонов становится, таким образом, демонстрацией преданности советскому строю; неупотребление — демонстрацией враждебности.

Поставленный перед такого рода выбором советский гражданин вообще, а член ВКП(б) в особенности, даже если он обладает развитым чувством языка и хорошей культурой речи, не колеблясь принимает навязываемые ему шаблоны".

В эпоху активной несвободы советские люди узнали, "как у нас мотают дела". В эпоху нэпа, когда Селищев писал свою книгу, они этого еще не знали. До сталинщины партия большевиков могла еще надеяться на сочувствие. Пафос революционного преобразования мира мог еще увлекать. Не всех, но многих, в первую очередь тех, кому хотелось идти в ногу с веком.

Вот мемуарный отрывок о настроениях молодежи того времени. Не всей, конечно, но значительной и, думается, характерной ее части:

"Мы далеко не все были членами ленинского комсомола, но многие примыкали, с упоением участвовали в школьной общественности, ходили в юнгштурмовках, мечтали о кожаных куртках (с ремнями!), носили кепки назад козырьком, не вытирали ног, входя в помещение, принципиально не застегивали пиджаков, говорили "здорово" вме-

сто "здравствуйте" и "пока" вместо "до свиданья", участвовали в ликбезе и Осоавиахиме, мотались в культпоходы и вылазки и с энтузиазмом подхватывали любое новое словечко как из партийного, так и из блатного жаргона, увлеченно покоряясь любой заложенной в нем идее. Словечки "окомсомолить", "опролетаризировать", "орабочить" казались нам вполне нормальными, и в той или иной степени каждому интеллигентскому подростку в нашей среде было досадно, что у него папа не от станка, а мама не от сохи. Мы мечтали о светлом будущем и никак не догадывались, что нас ожидает. Соловки уже были, но мы не задумывались о Соловках".

Развитие языка, как оно описано Селищевым, было довольно хаотическим. Советская власть сильно влияла на него, но еще не управляла им. Она и сама еще не вполне осознала свою сущность. Было много новых слов и речевых оборотов, но смысл основной массы речений оставался прежним. Мифов было сколько угодно, но фикций еще не было. Язык творился не только властью, но и народом. Примеров можно найти у Селищева сколько угодно.

II.

Переосмысление слов, словосочетаний и целых оборотов речи началось тогда, когда кончился нэп и Соловки превратились в ГУЛаг. Но тогда же началось и переосмысление отношений народа с властью. Сталин стал отстраивать первый - и, хочется верить, - последний в мире тоталитарный режим, реальный прообраз орвелловского 1984 года, царство страха и лжи, предельно централизованной монопольной власти над организующей, хозяйствующей и творческой деятельностью человека, цар-

ство активной несвободы, принудительной подмены живых, порой необходимейших понятий, понятиями мертвыми, фиктивными.

В уже цитированном нами очерке "Советский язык" подробно описано переосмысление понятий "преданности", "бдительности", "активности", а более бегло и "законности", "свободы" и "демократии". Но здесь нам довольно будет и нескольких коротких примеров целевого переосмысления слов, характерного для эпохи сталинщины:

"Агрессор". За этим словом оставлен только его фиктивный смысл. Под "агрессором" понимается всякое иностранное государство, не обнаруживающее безоговорочной готовности подчиниться видам и требованиям СССР и против которого решено провести пропагандную или военную кампанию. В 1939 году, например, "агрессором" оказалась Финляндия.

"Бандитизм". Наряду с сохранившимся первоначальным значением слова, "бандитизмом" называется всякое вооруженное сопротивление большевизму. Политическое убийство - "бандитизм". Восстание Антонова - тоже "бандитизм".

"Реакционными" называются любые политические, научные или эстетические взгляды, непригодные для эксплуатации их советской властью, тогда как "прогрессивными" или "передовыми" именуются взгляды, на данном этапе полезные власти Сталина.

Слово "измена" может употребляться только для обозначения ухода из социалистического лагеря, никогда не наоборот.

"Общественным мнением" объявляются мифы и фикции, провозглашаемые властью через актив и лицемерно в порядке активной несвободы принимаемые народом.

"Следствием" называется комплекс воздействий, приводящих подследственного к "чистосердечному

признанию" своей вины в любых преступлениях, указанных ему следователем.

"Перековкой" - фикция исправления преступника, к которому его будто бы приводит система воспитательных мер. Система эта - чистейшая фикция. В действительности слово "перековка" означает эксплуатацию труда заключенных и ничего больше.

"Классовым", "пролетарским", "революционным" или "партийным" "чутьем" уже в годы нэпа стало называться умение безошибочно различать, где именно проходит "генеральная линия партии", то есть понимать эзотерический смысл партийных директив и заданий и облекать их в предписанные трафареты и штампы.

Разумеется, уже в двадцатые годы свобода слова была неполной, и Селищев отдавал себе отчет в ее пределах. Уже у него отмечено немало выработанных в его время партийных штампов и оборотов речи. Сталинщина не с неба свалилась.

Но если до сталинщины словечки из партийного или классово-близкого воровского жаргона подхватывались с охотой и бытовали в живом языке, то с появлением активной несвободы переосмысленные понятия и трафаретные обороты мысли приобрели безраздельное господство лишь в радиовещании, печати и в публичных выступлениях. Подлинное общение людей ушло в подполье. Разрыв между официальным и частным, интимным общением превратился в пропасть. В коротком рассказе Александра Яшина "Рычаги" это показано с ошеломляющей убедительностью. Выработанная партией система речевых трафаретов оттесняется из подлинной в фиктивную официальную жизнь.

Только в печати, по радио и на собраниях безоговорочно действует моральный кодекс советского человека. И только силой этого кодекса советский человек призывается к большевистской

бдительности, к умению давать решительный отпор всяческим искривлениям, вражеским и вредительским выпадам и вылазкам. Только в изображении средств массовой информации он по-стахановски включается в ряды борцов за выполнение плана, мобилизует силы и резервы на преодоление трудностей, внедряет ударные и скоростные методы, повышает производительность труда. Только в условном мире фикций он неизменно взволнованно, с одушевлением или с энтузиазмом встречает постановления или решения партии или правительства, добивается высоких показателей, рекордного выполнения плана на основе мудрого руководства и т. д. и т. п. В жизненной практике он, напротив, находит миллионы способов уклониться от всего этого.

Власть большевизма над языком под Сталиным тотальна, но в то же время фиктивна. Всё, что говорится на партийном языке, на самом деле во-все не существует. Языковое творчество народа загоняется в тупик лагерного, а то и того хуже — блатного жаргона, в сознательно или бессознательно иронизирующие интонации, да в порой очень удачные бытовые словечки вроде "авоськи".

III.

Спасение языка началось с хрущевской оттепели, с ослабления тоталитарного или, как стали говорить при Горбачеве, "командно-административного" начала. Советский русский язык все еще сильно обольшевичен. Но если в двадцатые и тридцатые годы это обольшевичение происходило в обстановке, когда говорящий по самым разным причинам старался показать себя советским человеком, подладиться к революционным переменам, к новому времени, к советской власти, то, начиная

с войны – и чем дальше, тем больше – стало развиваться и противоположное движение.

Не будем спрашивать, почему в смертельной схватке Сталина с Гитлером большевики отказались от ставки на германский пролетариат, на который прежде возлагалось столько надежд? Отметим лишь факт: на всё время этой схватки "класс-гегемон", "интернациональный долг", "международная солидарность трудящихся" исчезли. Появились "родина-мать", "любезная или возлюбленная отчизна", "ратные подвиги", "воинская доблесть", и в чудовищном лозунге "За родину, за Сталина!" Сталин выступил не как верный ленинец и генеральный секретарь ЦК ВКП(б), а как народный вождь, призванный спасти Отечество.

Тут уже не население Союза Советских Республик приспособлялось к требованиям своих самозванных хозяев, а партия во главе со Сталиным искала способа воспользоваться пробудившимся российским патриотизмом.

В годы войны, по обе стороны фронта, люди научились чувствовать себя в первую очередь русскими и, укрепившись в этом жизнечувствии, стали снова привыкать искренне выговаривать публично дорогие их сердцам слова и выражать ими отнюдь не большевистские чувства.

Когда же к этому прибавился потеплевший ветер хрущевской оттепели и из архипелага ГУЛаг на куцую хрущевскую свободу вышли миллионы эзков с их словарем, грамматикой и синтаксисом, все большее число говорящих захотело и словарем, и синтаксисом, и всей манерой речи отмежеваться от "культа" и заговорить своим собственным несоветским языком. Словесные штампы, а тем более заведомо фиктивные формулировки вроде "партия это ум, честь и совесть эпохи" стали употребляться уже только в насмешку. Лозунги стали звучать как издевательства. Описанные Се-

лицевым в §§ 128–130 новообразования, относящиеся к названиям географических пунктов и именам собственным, как и к новообразованиям от имени лиц, получили обратный ход. Многие жители Ленинграда подчеркнуто называют свой город Питером, Петроградом, а то и Санкт-Петербургом. Проспект 25 октября стал снова Невским проспектом.

За обратные переименования географических мест борьба развертывается по всей стране. Но не только. В наши дни никто не назовет уже сына Владленом, а дочку Октябриной. Многие ораторы и журналисты в речах и статьях не только обходятся без прежних славословий партии, Ленину, Октябрю и социализму, но стремятся обойтись и без лишних сокращений и припартийных оборотов речи. Всякого рода советизмы вышли из моды и остается лишь, что так или иначе закрепилось в языке и сознании.

Характерно в этом отношении пользование политическими понятиями "правый" и "левый" в смысле прямо противоположном их употреблению в до-революционной России и современной Европе, причем семантический обертон "левое" – прогрессивно (а значит, хорошо!), а "правое" – консервативно и даже реакционно (а значит, плохо!) сказывается прежде всего в применении понятия "правые" в первую очередь к тем, кто сохраняет верность коммунистической теории и сталинской практике, а "левые" – к сторонникам наиболее прогрессивной демократии, на крайнем фланге которой, согласно традиционному пониманию, находятся опять же коммунисты. Кому какая польза от этой словесной путаницы и куда отнести современные почвеннические и религиозные круги, пусть судит читатель. Одиозный оттенок не снят и с таких слов как "капитал", "капитализм", "частная собственность", "коммерция", "коммер-

сант". Семь десятков лет безудержной травли всякой частной инициативы не прошли даром.

Вместе с тем сказывается тяга к возвращению выброшенных было слов и оборотов. Сегодня легко можно услышать в устной и увидеть в письменной речи "исполнить" вместо "выполнить" и "прочитать" вместо "зачитать", не говоря уже о том, что "огласить" в почвеннических кругах произносится даже не без некоторого филологического кокетства, а прилагательное "активный" с отличной речевой точностью заменяется выражениями "деятельный", "энергичный", "предприимчивый" и т. п., восстанавливая утерянное лексическое богатство.

Невзирая на внушаемое нам коммунистами ругательное употребление слов "реакция" и "реакционный", позволю себе заявить, что русский язык, недвусмысленно отражая настроения и мышление говорящих на нем людей, вошел в период необходимой и спасительной реакции, выводящей его из-под партийного господства времени нэпа и фикционалистического омертвления эпохи сталинщины.

Сбор и обработка наблюдений над современным русским языком ждет своего Селищева.

И напоследок хочется только повторить, что в речевом месиве времени нэпа большевики сумели захватить командные высоты в языкотворчестве. Исследование Селищева ясно показывает, как вдохновленные идеей строительства нового мира партия и комсомол с большой энергией ввели в употребление множество неологизмов и зачастую вовсе неудачных и грамматически недопустимых терминов и оборотов речи. Как в этот период вольно и невольно, сознательно и бессознательно в народе происходило приспособление к новой власти и желание показать себя "советским человеком", влекущее за собой быстрое распростране-

ние всех черт речи "командных высот" с ее юго-западными оборотами речи, вульгаризмами, сокращениями, канцеляризмами, увлечением военными терминами и заимствованиями из "блатной музыки", как в порядке подражания и желания говорящих освоиться и адаптироваться к требованиям новой власти рождаются формы неоправданно вздутой эмоциональной экспрессии и громкие лозунги превращаются в обязательные к произнесению все больше теряющие смысл заклинания и шаблоны.

Затем - активная несвобода, полное господство партийного заказа, фикционализация и омертвление официального языка при Сталине. Фальшивая идилличность социалистического реализма. Отрыв языка устного интимного общения от языка публичных выступлений. Переосмысление этического содержания ряда понятий, таких, как "преданность", "преступление", "бдительность", "активность", "демократия" и "демократичность", "культура", "дружба" и др. А параллельно - самостоятельное развитие языка миллионов заключенных-эзков с сильной струей блатной речи.

И, наконец, реакция на сталинскую новоречь, постепенное освобождение от идейного и языкового влияния "командных высот", ироническое употребление партийных шаблонов и лозунгов, подчеркивание собственной независимости и "несоветскости" в наши дни. "Возвращается ветер на круги своя". Из языка изгоняется активная несвобода партийных трафаретов и штампов. Отмирают обездушенные слова-фальшивки. И совершенно ясно, что мы наблюдаем сегодня уже не новоречь революционной эпохи, а возрождение языка тысячелетней России.

А. Е. ЧЕМЕСОВА - О. А. ЦАДКИН

"Мы - птицы разного полета..."

ОТ РЕДАКЦИИ

А. Е. Чемесова - это Ариадна Евгеньевна Ширинкина, (1917-1990), скончавшаяся летом этого года во Франкфуртена-Майне. Лучше всего она о себе сама написала в одном из публикуемых ниже писем О. А. Цадкину. Ушла она как-то тихо и почти незаметно, никого не обременив, как и при жизни, заботами о себе. Казалось, ничего не оставила она после себя, кроме светлой памяти у еще живых. Но нет! Оставила А. Е., быть может, самое нетленное богатство - свою обширную и разнообразную переписку. Ее адресатами были и простые солдаты-военнопленные из немецких лагерей (многих из которых она буквально спасла от выдачи назад, не говоря уже об оказанной им моральной поддержке), и писатели в России и Зарубежье, и молодежь из провинциальных российских городов, и вот такие известные всему миру люди, как О. А. Цадкин. Приведенная в порядок и систематизированная, эта переписка может стать настоящим памятником столь удивительной и редкой натуре, какой была Ариадна Ширинкина.

О. А. Цадкин (1890-1967), известный французский скульптор. Родился в Смоленске. Во Францию выехал еще до революции 1917 года. К 1919 году он уже завоевал широкую известность. Как сказано в "Советском энциклопедическом словаре" (1986 г.) со свойственным до сих пор таким изданиям оттенком осуждения, Цадкин "испытал

влияние кубизма и экспрессионизма” (слава Богу, не соцреализма!). В качестве наиболее известного примера можно назвать памятник ”Разрушенный город” в Роттердаме (1953 г.).

* * *

6. 10. 65

Многоуважаемая Мадам Чемесова,

Первое, что меня поразило в Вашем письме, это Ваше имя: Ариадна. А знаете, одна из моих небольших скульптур называется Ариадна. Благодарю бесконечно, что вспомнили про меня. Высылаю Вам последнюю монографию о моей скульптуре и заранее благодарю за ”Посев”.

Послезавтра уезжаю на три дня в Голландию, вернусь в Париж на два дня только - порядком устал и хочется остаться одному и жить несколько дней в одиночестве.

Вернусь в Париж, наверное, к концу ноября. Приезжайте тогда и буду очень рад Вас повидать.

С глубоким уважением

О. Цадкин

P. S. В университетской библиотеке Франкфурта стоит моя большая бронзовая скульптура Прометей. Посмотрите!

30. 10. 65

Уважаемый Осип Алексеевич!

Сегодня мое пребывание в Париже подходит к концу. Завтра я возвращаюсь в Германию. Я звонила Вам, но узнала, что Вас нет и что Вы вернетесь в Париж уже после моего отъезда. Мне хотелось лично Вас поблагодарить за чудесный подарок - монографию, - который Вы

мне прислали. Так как мне это не удалось сделать, примите мою искреннюю благодарность с некоторым опозданием. Я очень сожалею, что мне так не повезло и я не смогла Вас повидать!

К этому письму я прилагаю вырезку из советской правительственной газеты "Известия", где, хотя и коротко, упоминают Вас. Так как это, кажется, в первый раз, я думаю, Вам будет интересно об этом узнать.

Я надеюсь, что Вы получили "Посевы". Простите, что они в таком потрепанном состоянии, но так как это старые номера (1963 г.), мне было трудно достать их. Если Вас интересует журнал "Грани" или еженедельник "Посев", то сообщите мне и я охотно буду Вам их высылать.

Примите мой искренний привет и наилучшие пожелания.
С глубоким уважением

А. Чемесова (Ариадна Евгеньевна)

4. 11. 65

Уважаемый Осип Алексеевич!

Вы, вероятно, уже получили мое письмо, которое я Вам послала из Парижа в день моего отъезда домой. Сейчас пишу Вам снова. Простите, что надоедаю Вам, но... во-первых, посылаю Вам фотографии, которые сделал в Кнокке мой товарищ Виктор Поповский, а во-вторых, хочу сообщить Вам, что, по всей видимости, я должна буду по делам приехать снова в Париж. Время поездки я могла бы выбрать так, чтобы застать Вас в Париже, если Вы согласитесь мне сообщить возможные даты нашей встречи. Я была бы Вам благодарна, если бы Вы согласились мне, при этой встрече, дать интервью для нашего журнала "Грани".

Моя поездка в Париж намечается на вторую половину ноября или первую половину декабря с. г. Какие даты подошли бы Вам?

В присланной мне Вами монографии есть ссылки на Ваши "Мемуары". Были ли они где-либо напечатаны или изданы? Мне очень хотелось бы их прочесть. Возможно ли было бы получить у Вас право на русское издание их - полностью или отрывков из них? Если они на французском языке, то мы взяли бы на себя их перевод на русский язык.

Буду ждать с нетерпением Вашего ответа. Если Вам легче писать по-французски, то можете мне писать и по-французски. Хотя я и не владею французским языком в совершенстве, однако, читаю и понимаю всё.

Примите мой искренний привет и наилучшие пожелания.
С глубоким уважением,

Ариадна Евгеньевна Чемесова

6. 11. 65

Уважаемая Ариадна Евгеньевна,

Только что вернулся из St. Gallen, где я работал над литографиями, которые выйдут через месяц альбомом. Как жалко, что не встретились! Так хочется с Вами посидеть и поговорить о всем и о каждом! Когда собираетесь вернуться в Париж? Обязательно нужно, необходимо познакомиться нам и поговорить по душам. Как будто мы старые друзья. А на самом деле, мы, мне кажется, уже совсем добрые друзья!

Трудно уложиться в листке и заговорить по-настоящему. Надо бы нам встретиться по-хорошему. Не правда?

Спасибо за вырезку. Я, видно, совсем неизвестен в России и коверкают фамилию напропалую. Я не получил "Посевы". Меня очень интересует все, что печатается по-русски, и буду очень рад, если вышлете что-нибудь. Читаю теперь в сотый раз "Бесы" и не перестаю удивляться гениальности Достоевского.

Целую руку.

О. Цадкин

Париж, 10. 11. 65

Уважаемая Ариадна Евгеньевна,

Получил Ваше первое письмо и благодарю от всего сердца за фотографии Вашего друга Поповского. Передайте ему мою дружескую благодарность. Проф. Жиану воспользовался моими воспоминаниями, которые еще никогда и нигде не напечатаны. Первая часть этих мемуаров напечатана на машинке. Вторую и последнюю часть я теперь в свободные минуты пишу и вспоминаю. Я, понятно, одолжу Вам всё, что уже написано. Я думаю, что могу дать Вам право на русское издание полностью или отрывков. Все написано по-французски.

Все эти выставки и открытия меня очень изнурили и потому думаю уехать на две недели в деревню, где у меня имеется дом, поле и лесок. Вернусь и буду дома уже 10 декабря. С радостью Вас увижу . Поговорим по душам.

С искренним приветом

Ваш О. Цадкин

26. 11. 65

Уважаемый Осип Алексеевич!

Большое Вам спасибо за Ваши теплые письма от 6 и 10 ноября.

Одновременно посылаю Вам бандеролью журнал "Грани" № 58 и "Посев" № 46, в котором имеется короткая заметка моего товарища В. Поповского о нашей короткой встрече-знакомстве с Вами в Кнокке. Она ничего особенного собой не представляет, но, я думаю, Вам будет приятно ее прочесть. В "Гранях", я думаю, Вы с удовольствием прочтете переписку Бориса Пастернака с Ренатой Швейцер.

Я мечтаю о встрече с Вами, а потому устраиваю свои дела так, чтобы попасть в Париж числа 10-12 декабря. Если у Вас не будет возражений, то я позвоню Вам

10. 12. утром, чтобы сговориться о возможной встрече. Простите мне мою навязчивость, но Вы так сердечно меня приглашаете, что устоять перед такой возможностью трудно.

Полностью разделяю Ваше восхищение Достоевским. Он - такая высота, которую, по-моему, ни один писатель еще не взял. Причем он совмещает в себе одновременно - и художника, и мыслителя, и пророка. Из его произведений, помимо "Бесов", меня всегда глубоко волнуют "Братья Карамазовы" и, в частности, два данных в них антипода (философских) - "Великого Инквизитора" (разве не этой философией руководствовались обе страшнейшие диктатуры нашего времени - сталинская и гитлеровская?) и старца Зосимы (чрезвычайно близкая мне лично философия).

В России Вас действительно очень мало знают, за исключением узкого круга современных молодых художников или молодых поклонников современной живописи и скульптуры. В этой среде (очень замкнутой и, по своему духу, - антиправительственной) Вас знают, стремятся узнать ближе и к Вам интерес всё время растет. Так как наш журнал "Грани" проникает за "железный занавес" разными путями и ходит по рукам, то мы и стремимся в нем помещать материалы, интересующие нашу российскую интеллигенцию. Отсюда и мое стремление получить от Вас интервью и "Мемуары" для "Граней", чтобы этим путем ознакомить поближе Россию (подлинную, а не коммунистическую) с Вами лично и Вашим творчеством. Помимо "Граней", у нас есть для этого и другие пути. Если Вам эта тема интересна, я смогу Вам подробнее рассказать о них при встрече. Вы правы, что в письме трудно обо всём рассказать.

От души желаю Вам хорошего отдыха в Вашем деревенском доме. Город имеет свои преимущества, но душа и мысль, мне кажется, чувствуют себя вольно только на природе.

Примите мой искренний привет и, надеюсь, до скорой встречи. Уважающая Вас,

Ариадна Чемесова

Многоуважаемая Ариадна Ев. Чемесова.

Только что вернулся из деревни. Буду ждать Ваш телефонный звонок утром от 9 до 12-ти 10-го или 11-12-го. Буду очень рад Вас повидать. Ведь мы совсем не знаем друг друга.

С приветом

О. Цадкин

Париж, 11. 12. 65

Многоуважаемая Ариадна Евгеньевна,

Пишу Вам письмо, за которое Вы меня будете ругать: ничего не могу я Вам сказать ни на вопросы о скульптуре, ни одолжить часть рукописи. И вот почему: я как-то рассказал моему издателю мемуаров, что собираюсь позволить часть их для перевода в Вашем журнале. Он рассвирепел и окончательно запретил ни одной страницы никому не одалживать, и притом, говоря о "Гранях", сказал, что Ваш журнал "engagé", то есть открыто против Советской республики, и это в теперешнее время значит открыто выставить себя как антикрасным. И если поступлю таким образом, то моим двум сестрам станет очень трудно и всё это приведет к тому, что их выселят в Сибирь.

Поймите, будучи французом, за последние 50 лет, я об этом совсем не думал.

И вот нашему деловому свиданию конец, и я, поверьте, страшно сожалею.

Поверьте, я очень этим потрясен и думаю, что деловой стороне нашего свидания конец. Вся эта дребедень не помешает нам видеться, если Вам это желательно, и я буду очень рад Вас увидеть и провести вечер где-нибудь.

Вот видите, что с людьми вся эта политика сделала!
Целую руку.

О. Цадкин

27. 12. 65

Дорогая Ариадна Евгеньевна,
Очень рад был Вашему письму, обрадовали. Буду ждать
Ваше письмо с нетерпением.

Поздравляю Вас с Новым Годом и Рождеством Христо-
вым.

Всех благ и здоровья.

О. Цадкин

9. 2. 1966

Дорогой Осип Алексеевич!

Простите, что только сейчас "собралась с мыслями",
чтобы ответить Вам на Ваше письмо от 11. 12. 65, а также
поблагодарить Вас за поздравления с Новым Годом и
Рождеством Христовым. Не подумайте, что я такой туго-
дум или характером похожа на Обломова. Просто мне не
повезло: я умудрилась заболеть, и болезнь разрушила
все мои добрые намерения. Сейчас я еще тоже не вполне
оправилась, но голова уже начала работать, и я при-
ступила к искуплению вины перед моими корреспондента-
ми и, в первую очередь, перед Вами.

Простите также, что пишу Вам на машинке, хотя не
вполне уверена, что за это следует извиняться. Раньше,
правда, считалось писать письма на машинке невежли-
востью, но в наше время, как мне кажется, машинка стала
такой же неотъемлемой принадлежностью каждого интел-
лектуала, как и автомашина (которой у меня, кстати, нет
и вряд ли будет, потому что я не люблю этот вид транс-

порта!). В данном же случае я пишу на машинке в силу необходимости: у меня болит рука и писать от руки мне трудно. Печатать же можно и одной рукой, хотя и медленно.

Ваше письмо от 11. 12. 65 меня действительно очень расстроило. Я его получила в день отъезда в Париж и долго колебалась (уже в Париже), звонить Вам или нет. Предпочла не позвонить. И вот почему. Вы пишете, что мы не сможем с Вами говорить ни о скульптуре, ни об искусстве, ни о Ваших мемуарах. А между тем, это как раз те темы, которые меня больше всего интересуют и о которых мне с Вами как с человеком искусства и хотелось бы поговорить. Если бы Вы меня знали лучше, то, вероятно, Вам было бы достаточно моего слова о том, что наш разговор в печать не попадет, и мы могли все же на эти темы поговорить. Однако, ведь Вы меня совсем не знаете, не знаете - сдержу я свое слово или нет, а, следовательно будете сдержанны. Мы могли бы говорить и на любые другие темы, но положение таково, что любые Ваши мысли, на любую тему именно потому, что они Ваши, а не Ивана Ивановича Иванова, для меня как журналистки могут стать материалом для статьи. И Вы не могли бы быть со мной откровенны. Какой же мог бы получиться в таких условиях у нас разговор? Эти мысли и удержали меня от звонка Вам и от встречи.

Я понимаю Вас. Понимаю, что не интересуясь в течение 50 лет ни жизнью эмиграции, ни, по-видимому, жизнью России под коммунистической властью, будучи вне всякой политики, Вам очень трудно понять сегодняшнее положение нашей страны и взаимоотношения, которые сложились между россиянами в самой стране и за рубежом. А за это время очень многое изменилось как в эмиграции, так и в России. И здесь, и там выросли два новых поколения; и здесь, и там сменились политические авторитеты; и здесь, и там зародились и развиваются новые идеи, новые движения, новые мировоззрения. Сама советская, коммунистическая власть одряхла и держится еще только силой инерции. О переменах в нашей стране и о процессах, идущих

там, я могла бы Вам очень многое рассказать, так как, если можно так выразиться, непрерывно держу руку на пульсе жизни России, прислушиваясь к биению ее сердца, вглядываясь ей в душу. Это - не красивые слова, это моя сегодняшняя реальность, в значительной степени смысл моей жизни.

Чтобы Вы имели представление обо мне, перескажу Вам вкратце главные моменты моей личной биографии. Я - ровесница Октябрьской революции. Мы с ней родились почти в один день. Мои родители: отец - офицер, мать - из дворянской семьи. В результате революции они оказались за границей и вывезли меня также. Выросла я в Югославии. Там окончила русскую женскую гимназию и начала учиться на медицинском факультете. Будучи студенткой, познакомилась с организацией, носившей тогда название НТСНП (в эмиграции нас звали попросту "нацмальчиками"). Эта организация состояла только из молодежи, которая хотела быть полезной России и служить ей. Нам был неприемлем ни монархизм старшего поколения, ни коммунизм. Мы искали и нашли свои пути к России и в России. Когда началась война, большинство наших членов стало пробираться на территорию России, чтобы проповедовать там наши идеи и нести тяготы войны вместе с нашим народом. Я тоже уехала из дома, сперва в Германию, затем оттуда уже нелегально пробралась в Польшу, а из Польши в Россию - в Минск, Смоленск и Орел. Пробираться приходилось всюду нелегально, так как немцы видели в нас врагов и не хотели нас видеть на оккупированной ими территории. Это имело свои основания, так как, хотя мы и были антикоммунистами, но намерения Гитлера сделать из России свою колонию делало нас также и антифашистами. Наш путь был трудный, путь - третьей силы: "ни немцы, ни большевики, а свободная Россия". Однако среди нашего народа мы находили широкий отклик, и наши идеи - Народно-Трудовой России без немцев и коммунистов - отвечали настроениям нашего народа, и наша организация всё время росла и росла. Работать приходилось в подполье. Из-за своей работы я была в Орле

арестована Гестапо. Просидела в тюрьме полгода. Однако в Смоленске, когда меня везли из Орла этапом в Германию, мне удалось освободиться. Правда, не надолго. Через полгода я снова попала в лапы Гестапо, уже в Минске и просидела там до момента, когда Красная армия подошла к городу и немцы стали его покидать. Каким-то чудом я уцелела в это время, потому что немцы почти всех сидевших в это время в тюрьме расстреляли (при отступлении). Я до сих пор не знаю, кому я должна быть благодарна за жизнь. По-видимому, какому-то неизвестному другу в самом Гестапо, который внес мое имя в список 20 человек (из 500), выпущенных на свободу в эти дни. А может быть, это была и чистая случайность. Судьба. Я хотела остаться, не возвращаться в эмиграцию, а остаться в России. Мой смысл жизни - борьба за свободу России вместе с моим народом. Эта борьба на моей родине идет очень широким фронтом сейчас: от борьбы легальными методами до борьбы в революционном подполье. Наша задача в эмиграции - помогать всеми силами этой борьбе, выполняя те задачи, которые лежат на людях, живущих в мире демократических свобод. Основная борьба идет внутри страны. Мы только обслуживающая эту борьбу техническая и идейная база. Для выполнения стоящей перед нами задачи мы создали за границей типографию ("Посев"), радиостанцию ("Свободная Россия") и другие необходимые службы. Я не могу Вам писать обо всем этом во всех подробностях, так как тогда письмо получится слишком большим. Оно и так грозит стать не письмом, а целой статьей. Но если Вас эти вопросы интересуют, то мы сможем как-нибудь встретиться и поговорить и на эту тему.

Теперь несколько слов о журнале "Грани". "Грани" журнал литературный и его задача именно и прежде всего литературная. "Грани" ставят себе целью быть свободным и независимым литературным журналом, страницы которого предоставляются всем, стоящим на позициях свободы искусства, вне зависимости от места проживания его сотрудников. Поэтому на страницах "Граней" печатаются

как эмигрантские литераторы, так и российские писатели и поэты, которые, в силу ограничения свободы на нашей родине, не могут быть там напечатаны. Однако "Грани" также современный журнал, стремящийся отражать мысли, искания наших дней, знакомить своих читателей в эмиграции и на родине с современными передовыми идеями. В "Гранях" печатались, помимо русских, и такие иностранные писатели и философы, как Жорж Бернанос, Ясперс и др. Печатались и Лосский. Печатались и Бунин, и Сургучев, и Анненков. Печатается Борис Зайцев. Как Вы, вероятно, знаете, это все люди не политического склада, а люди искусства. И они не боятся "ангажироваться", печатаясь в "Гранях".

Но конечно, было бы неверно говорить, что "Грани" не играют, даже будучи только литературным журналом, никакой политической роли. Они несомненно эту роль играют, когда выступают в защиту преследуемых в СССР за свободу слова писателей или художников. Выступления и пресс-конференции журнала "Грани" в защиту посаженных в сумасшедший дом в Ленинграде и Москве писателей Нарницы и Тарсиса и привлечение внимания к этим фактам иностранного общественного мнения вынудили советскую власть выпустить посаженных писателей. Иностранное общественное мнение в настоящее время, когда новое правительство СССР стремится доказать Западу, что оно "демократическое" и "либеральное", может очень много сделать в защиту преследуемых за свободу искусства или за религиозные убеждения в СССР. Под давлением этого общественного мнения советское правительство идет на уступки и ослабляет террор. Ваши опасения, что если Вы "ангажируетесь" и выразите себя открыто противником коммунизма, Вы подведете своих сестер и загоните их в Сибирь, не имеют абсолютно никакого основания. Это было возможно во времена Сталина. В настоящее время Вы могли бы не только не бояться за своих сестер, но и добиться того, чтобы кто-то из них приехал к Вам в гости, не говоря уже о том, что Вы сами могли бы совершенно свободно туда, к ним, поехать в качестве родственника или

туриста. Ваше имя позволяет Вам вести себя совершенно свободно и открыто высказывать любые убеждения. Советское правительство настолько считается с мнением Запада, что никогда не рискнуло бы что-то предпринять ни против Вас, ни против Ваших сестер. Мой товарищ, с которым Вы познакомились в Кнокке - Виктор Поповский, является членом антикоммунистической организации, открыто пишет антикоммунистические статьи, выступает всюду как противник советского режима и известен советским властям как их враг. Однако его мать, живущая в Киеве, свободно с ним переписывается, он ей регулярно посылает продовольственные посылки и никто ее не трогает. А ведь он простой смертный, не имеющий никакого имени и никакого подданства. Вам же, французскому подданному, человеку исключительно искусства, имеющему имя мировой известности, опасаться за себя или за своих сестер нет никаких оснований. Советская власть в сегодняшнем своем состоянии не может позволить себе роскошь портить взаимоотношения с той же Францией из-за Вас. К тому же она еще и заинтересована в том, чтобы "пустить пыль в глаза" и показать себя овечкой, оставаясь волком. Она сильна и жестока только там, где встречает страх перед собой и слабость. Перед силой она пасует, будь то физическая или духовная сила правды. Ваш издатель, испугавшийся того, что Вы себя ангажируете, связавшись с журналом "Грани", видимо, имеет очень устаревшие представления о положении в России и считает, что там ничего не изменилось с тридцатых годов.

И еще мне хочется затронуть одну тему. Вы боитесь себя выставить открытым противником советского режима. Только ли потому, что опасаетесь за своих сестер? Спрашиваю об этом, потому что не раз встречала мнение, что в борьбе идеологий - свободы и диктатуры - надо сохранять нейтралитет. Я лично считаю, что такая позиция с точки зрения моральной - неверна. Неверна потому, что в наши дни позиция нейтралитета - это фикция. Тот, кто объявляет себя нейтральным, автоматически переходит в стан защитников диктатуры, ибо только ей выгоден раз-

ного рода нейтралитет. Нейтралист в наши дни подобен Пилату: умывая руки, он тем самым предает Истину на смерть.

Дорогой Осип Алексеевич! Мое письмо получилось большим и немного сумбурным. Вероятно, потому, что мне слишком много хотелось Вам зараз сказать, а еще Козьма Прутков говорил, что "нельзя объять необъятное". Для Вас все эти темы, как мне кажется, совершенно новы, ибо Вы живете совсем в ином мире, в прекрасном мире - искусства. Я бы не пыталась Вас вывести из него, раскрывая окно в иной мир, если бы у меня душа не болела за таких же людей искусства, живущих в СССР и преследуемых властью за поиски нового, за свободное самовыражение в искусстве. Этим людям нужно и можно помочь, облегчив их моральное, материальное и творческое положение. И помогать им должны в первую очередь, как мне кажется, их коллеги по кисти и резцу. Как, какими путями можно было бы это сделать, я также думала с Вами поговорить при встрече. Но интересно ли это Вам? Я буду Вам благодарна, если Вы мне ответите со всей прямолинейностью и откровенностью.

На этом я, пожалуй, и закончу свое письмо. Простите, что утомила Вас таким большим посланием. Не сердитесь, если написала что не так. Надеюсь, что Вы меня поймете.

С глубоким и неизменным к Вам уважением,

Ариадна Чемесова

Без даты

Дорогая Ариадна Евгеньевна,

Спасибо за незабываемое письмо Ваше, которым Вы меня одарили.

От нашей краткой встречи я только помню Ваше присутствие, ибо не смел Вас разглядеть. Короткое время, проведенное с Вами и Вашим другом, я только успел Вас обоих познакомить вкратце со мной и моей жизнью.

Письмо Ваше теперь уже познакомило с Вами, хотя лица Вашего не припомню. Удивительно, до чего жизнь Ваша Вас закалила, и благодаря письму Вашему предо мной встает портрет теперешней русской женщины во всем его трагизме и глубине. Спасибо, дорогая Ариадна Евгеньевна, за Ваш автопортрет, к которому я мысленно вернусь потом с увлечением.

Нам надо как-нибудь встретиться и поговорить и еще ближе разглядеть духовно, ведь таких женщин, как Вы, не встречаешь на каждом жизненном углу. Я лично совсем очудел, живя на Западе. 30 лет растет совсем другое деревцо человеческое. Эти "matière humaine" убоги и не долго скребешь, чтобы добраться до духовного скелета. Посредственность и суровая ежедневная жизнь вырубili внутренний мир женщины и мужчины. Понятно, есть замечательные исключения. Ваше письмо рисует совсем другого человека... О моей личной жизни мы как-нибудь поговорим, когда встретимся. У меня будет выставка семидесяти скульптур в апреле месяце в Кёльне. Я Вас предупрежу и напишу. Буду очень и очень счастлив и разглядеть Вас, ибо до сих пор только слышал Вас, читая письма.

Через 4-5 дней уезжаю в St. Gallen, городишко в Швейцарии, где у меня открывается небольшая выставка литографий... Черкните, если есть время. Буду опять рад Вас "видеть" на бумаге.

С глубоким уважением,

О. Цадкин

19. 2. 1966

Дорогой Осип Алексеевич!

Очень Вы меня обрадовали Вашим письмом. По правде говоря, я очень опасалась, что на моем предыдущем письме наше знакомство окончится. Поймите, ведь я, как и Вы меня, Вас, как человека, совсем не знаю. Знаю Вас,

как художника (в широком смысле этого слова), да и то, к сожалению, довольно поверхностно, и только. То впечатление, которое у меня осталось от нашей пока единственной встречи, могло ведь быть и ошибочным. Тем более, что я, к сожалению, не обладаю даром безошибочно интуитивно угадывать людей. Ошибаться мне приходилось нередко. К счастью, эти ошибки никак не отразились на моей вере в Человека и в лучшее в нем. Идеальных людей не бывает, - это для меня аксиома, поэтому я не страдаю идеализацией людей (или отдельного человека), а принимаю их такими, каковы они есть, - с их плохим и хорошим: ценя за хорошее и борясь, если это в моих возможностях, с плохим. Дорог мне каждый человек подобием Божиим, вложенным в него, и если это "подобие Божие" доминирует в человеке, то его недостатки становятся для меня второстепенными и неважными.

Но, простите, я отвлеклась. Кто-то как-то сказал, что высшее удовольствие человека это - говорить о самом себе. В этом, несомненно, есть большая доля правды и все мы этим грешим. Но, с другой стороны, как же иначе выразить себя? Только словом и делом. И вероятно, очень важно, чтобы слово не расходилось с делом.

Вы пишете, что таких женщин, как я, не встретишь на каждом углу. Дорогой Осип Алексеевич! Я думаю, что Вам в таком случае очень не повезло. Или мне очень повезло? Возможно и последнее, ибо меня почти все время окружали очень интересные и богатые духовно люди. В их среде я духовно формировалась и я могла бы перечислить очень много имен как мужских, так и женских, которые в моей жизни, в моем духовном воспитании сыграли немалую роль. Кроме того, мне очень повезло еще тем, что я рано нашла свой смысл жизни, свой индивидуальный путь в этой жизни, которая и обретает свою ценность только тогда, когда человек осмысляет свое место в ней. И в настоящее время меня окружают замечательные по-своему люди. Типичная для них, для каждого из них, черта - их индивидуальная неповторимость. Многие из них не обладают, казалось бы, никакими особыми талантами, не

блещут выдающимся умом или потрясающими знаниями (хотя есть и такие), и в то же время почти каждый - это очень своеобразный и неповторимый мир.

Вот, например, Наталья Борисовна Тарасова - главный редактор журнала "Грани". Она родилась и выросла в Киеве. Была убежденная комсомолка. Война выбросила ее за границу. Знакомство с иным миром, раскрывшее ложь коммунистической пропаганды, заставило ее пересмотреть наново все свои молодые убеждения и кирпич за кирпичом строить фундамент своего мировоззрения. Она блестящий и исключительно талантливый литературовед и литературный критик. Она удивительно интересный собеседник, всегда находящий свой оригинальный подход к тем или иным вопросам. Она прекрасный докладчик, и ее доклады о русской литературе советского периода пользуются огромным успехом в эмиграции. Она, в частности, часто бывает с такими докладами в Париже. В то же время она - мать и жена: у нее две девочки и муж.

Или вот Александра Ивановна Макова. Она родилась и выросла в русской деревне под Курском. В начале тридцатых годов родители были раскулачены и сосланы в Сибирь. Она - тогда 5-летняя - со старшей сестрой (8-ми лет) остались одни в деревне. Голодали. Нищенствовали. Согревались и кормились у добрых людей. Так - несколько лет, пока родители не вернулись из ссылки. Получить полного образования ей не удалось: во-первых, дочь раскулаченных, во-вторых, пришла война. 15-ти лет немцы ее вывезли на работу в Германию. Попала она на сельские работы в немецкую деревню, не зная ни слова по-немецки, одна (других русских вблизи не было). Случайно попала ей в руки русская газета, выходившая тогда в Берлине. Написала туда письмо. Это письмо попало там в руки моим друзьям. Сложными хлопотами удалось ее вытащить из деревни в русскую среду. Перед концом войны я с ней познакомилась и я взяла ее под свою опеку (как старшая). Меня поразила эта девочка своей непримиримостью к коммунизму, своей удивительной моральностью и душевной чистотой. К тому же, в ней сидела такая жажда знаний,

такая любовь к книге, какой я раньше ни у кого не встречала.

Первые послевоенные годы мы были все время вместе. Вместе кочевали по Германии, вместе "осели" в одном из лагерей "перемещенных лиц". Вскоре она встретила хорошего парнишку и вышла за него замуж. Это был - Саша Маков, родом из Одессы, тоже человек трудной жизни, беспризорного детства (сын священника). Через год у них родилась дочка (моя крестница Наташа - ныне живет в Париже, готовится уже сдавать второе башо). Брак их был счастливым, но оба они пошли по пути служения Родине. В 1953 году Саша Маков, с согласия и благословения жены, пошел нелегально через границу СССР, чтобы бороться в самой стране за наши идеи. Однако произошло несчастье. Он был захвачен органами государственной безопасности (КГБ) и расстрелян. Об этом мы узнали из советских газет, в которых была помещена большая статья об "американских шпионах" (в настоящее время в советской печати, хотя и продолжают нас обвинять в сотрудничестве с иностранными разведками, но уже нередко и называют нас по имени - НТС, ибо НТС внутри страны за эти годы стал известен в народе. В 1953 году, когда расстреляли Сашу Макова, власть умалчивала о нас и все антиправительственные действия приписывала американцам, даже в том случае, если захватывали революционера, никогда не выезжавшего из СССР). Вот таким героическим и трагическим путем пошел муж Александры Ивановны. Она осталась рано вдовой с двумя маленькими детьми. Очень было ей трудно, но она силой воли, силой духа понесла свой крест, так же, как несли в свое время крест жены декабристов, продолжая его путь. Она растила детей, помогала чем могла организации бороться дальше и непрерывно училась, читала, опять училась.

Недавно она вышла вторично замуж за вдовца (его жена умерла от рака), у которого осталось четверо детей (все мальчики). Она не побоялась взять на себя тяготы такой большой семьи, переехала в Париж (где жил ее теперешний муж), и живут они дружно и хорошо. Однако,

даже имея такую большую семью, из которых четверо уже почти взрослые, она продолжает вместе с мужем отдавать все свое свободное время нашему делу. А моя крестница Наташа (ей сейчас 19 лет) активно работает в НТС, привлекая к нашему делу молодежь как в эмиграции, так и из СССР (встречаясь с приезжими из СССР и ведя с ними беседы).

Я привела Вам, дорогой Осип Алексеевич, только два примера современных русских женщин, чтобы Вы видели, что я не представляю собой ничего особенного. Это только часть примеров, которые я могла бы Вам привести. И учтите при этом, что ни Наталья Борисовна, ни Саша Макова (ныне Жедилягина) не считают себя чем-то особенным. Просто они любят свою Родину и выполняют свой долг перед ней, как его видят и понимают. О, конечно, есть много обывателей, которые на нас смотрят, либо как на сумасшедших, либо ищут какие-то скверные побуждения, какие-то выгоды, которые нами-де двигают. А мы просто живем со смыслом, стараясь соблюдать иерархию ценностей не на словах только, но и на деле. И даже, если нам суждено сделать очень-очень мало, но тот факт, что мы были - и за рубежом, и в самой России, исторически оправдывает мнимую покорность нашего народа перед диктатурой. Никто не осмелится утверждать, что наш народ был покорен диктатуре, не сопротивлялся ей. И в том, что сейчас наша российская молодежь выходит на улицы Москвы с плакатами - "Свобода творчеству!" (демонстрация студентов 14 апреля и 5 декабря 1965 г.), есть и наша заслуга.

Больше не буду Вас "донимать" этими темами, а то Вам станет скучно со мной переписываться. Вы подумаете (и, пожалуй, с некоторым основанием), что имеете дело с ограниченным и узких интересов человеком. Но что делать, ведь каждая эпоха предъявляет своему поколению определенные требования, ставит свои задачи. Только люди особо одаренные имеют право отказаться выполнять эти требования, ибо их задачи диктуются данным им Богом талантом. Они отвечают за то, чтобы он не оказался зарытым в землю, а служил Красоте и Добру. Ваша задача - слу-

жить Человечеству через Искусство, моя и мне подобных служить Свободе и обеспечить ее для Вас и Вам подобных. Наша Родина, в силу сложившихся исторических обстоятельств стала источником Несвободы, но и она же должна родить в себе силы Освобождения и возрождения подлинной Свободы - в правде, справедливости и братстве.

А теперь перейду к теме нашей встречи. Я, конечно, постараюсь приехать в Кёльн, если Вы меня предупредите, когда Вы там будете и где я смогу Вас найти. Но может быть, Вы сможете себе освободить 1-2 дня, чтобы доехать до Франкфурта-на-Майне и побывать у меня в гостях? Я была бы очень рада встретить и принять Вас у себя. Могла бы также познакомить Вас с некоторыми моими друзьями, показать Вам здание издательства "Посев" и т. д. Познакомила бы Вас также с одним из моих друзей - художником Адамом Русаком, который в настоящее время расписывает иконостас для новой, еще строящейся русской церкви. Он большой Ваш поклонник. Подумайте об этом, хорошо? Что же касается моего приезда в Кёльн, то мне важно, по возможности, знать заранее о дне нашей встречи, так как я довольно часто, как и Вы, бываю в отъезде и мне не хотелось бы из-за этого пропустить наше вторичное очное знакомство.

Вы не написали, как долго Вы останетесь в Швейцарии, но все же я рискую послать это письмо туда в надежде, что оно благополучно Вас там достигнет. Как прошла Ваша выставка?

Шлю Вам свой искренний и дружеский привет.

Уважающая Вас глубоко,

Ариадна Евгеньевна Чемесова

Без даты

Дорогая Ариадна Евгеньевна,

Простите ради Бога мое молчание. Я получил Ваше замечательное письмо, которое читал и перечитывал не-

сколько раз, все будучи больше завален разным жизненным хламом.

Как я Вами удивляюсь! Ваша жизнь так вышита удивительным узором, который не только опирается на убеждения, но требует от человека всё, абсолютно всю жизнь, и я, читая Ваше последнее письмо, подумал: не праздно ли Вас беспокоить моей жизнью, которая более похожа на жизнь термита, ну, скажем, художественно занимательна, но все же убогая в сравнении с Вашей. Пример: был в St. Gallen (там-то и получил Ваше письмо), открыл небольшую выставку рисунков, произнес речь. Пил и болтал и всё...

В моей жизни что интересно, это момент создания. А все остальное - лишь одна деловая грязь. Приехал в Париж: начал готовить выставку в Кёльне. Прошлой неделей выслал 72 скульптуры, 50 рисунков и готовлюсь выехать в Кёльн к концу этого месяца. Там, знаю, будет прием, речь доктора Герца и так далее. Разве все эти переезды интересны? Нет. Вот потому я сейчас в деревне, где у меня небольшое имение. Отдыхаю, ибо здесь нет этих нудных встреч, разговоров бесконечных, которые запрудили, заслонили человека, которого не видно. От всего этого я убегаю и, если удастся остаться здесь десять-пятнадцать дней, я несколько оживу, порисую, прочитаю и надеюсь оживу. Будучи в Кёльне, я Вам напишу и, может, удастся повидать Вас, посмотреть на человека удивительного, у которого есть идеал и трудная подпольная работа. Вот, дорогая, письмо совсем забитого человека. Всего хорошего, да хранит Вас Бог.

Ваш О. Цадкин

Простите за хмурое письмо.

Без даты

Дорогая Ариадна Евгеньевна,
Пишу Вам перед моим отъездом в Кёльн, куда прибуду

к двенадцатому числу. Пишите словечко, если захочется, в галерею Lemperz Kunsthalle Neumarkt 3 Köln. Я еще не знаю, в каком отеле буду жить.

Не думайте, что забыл Вас - всё думаю о Вас как о замечательном существе, преданном родине и которого нельзя отрывать от задач моими праздными письмами. Черкните, если есть время, словечко, что здоровы и всё в порядке.

Всего хорошего.

О. Цадкин

Париж, 15. 4. 66

Дорогая Ариадна Евгеньевна,

Спасибо за открытку - обрадовала, ибо думал, что забыли или решили больше не писать.

Да! Я после очень хорошего обеда в кругу особых личностей города и с перспективой валандаться по городу одному, вдруг решил вернуться в Париж. Всё это было решено сразу, ибо не получив никаких вестей от Вас, я взял и уехал.

Сегодня же старый знакомый, бельгиец, мне по телефону звонил. Очень может быть, что придется вернуться в Кёльн, по делу. Тогда я Вам напишу, ибо уже слишком долго приходится ждать, чтобы Вас увидеть! Что-то мне говорит, что за этим деловым человеком, одержимым, есть что-то уж больно хорошее, русское. Не поверите, - я часто о Вас думаю. А лица-то не знаю!

Но хватит, Вы, наверное, очень заняты. А он болтает!
Всего хорошего.

О. Цадкин

(Следующее за этим письмо от О. А. Цадкина, видимо, затерялось. - *Red.*)

Дорогой Осип Алексеевич!

Ваше письмо я получила уже давно, но не отвечала, так как все время ждала, что Вы вот-вот дадите мне знать о своем приезде во Франкфурт. Пыталась узнать, когда начинается Ваша выставка в Мюнхене, но мне это не удалось - нигде нет такого сообщения, хотя я достала план всех культурных мероприятий на июнь месяц в Мюнхене. Может, что-нибудь изменилось в Ваших планах? Вот я и решила Вам написать, чтобы выяснить этот вопрос. Больше всего меня беспокоит, что Вы оказались бы во Франкфурте как раз в тот день, когда я окажусь в отъезде. Ведь я очень часто бываю в разъездах, правда, иногда всего на 1-2 дня. Я всегда предупреждаю, когда вернусь, своих друзей и просила их, если Вы позвоните, сразу же мне дать знать, где бы я ни находилась. Но пока такого звонка не было, письма тоже. Может быть, оно в пути?

Шлю Вам это письмо снова на Париж, так как не уверена, что Вы еще в деревне, хотя, конечно, в деревне сейчас должно быть очень хорошо. Весной и летом меня невероятно тянет всегда на природу. Я больше всего люблю лес, речку (или озеро). Люблю бродить одна в лесу и думать. На душе всегда и светло, и чуть грустно почему-то и невольно приходят мысли о вечности, о Боге, об утерянном человеком рае. Спадает с души всякая наносная мелочь, и сердце раскрывается - Красоте, Добру, высшей Правде. К сожалению, бывать на природе удастся очень редко. В июле я иду в отпуск и надеюсь провести его в маленьком местечке, на природе. Уже наметила себе такое местечко в Баварии и теперь молю Бога, чтобы была в июле хорошая погода, побольше солнца и тепла, по которым я очень соскучилась за последнее время. А как Вы думаете провести свой отпуск и когда?

Ваша выставка в Кёльне (и, кажется, в Дюссельдорфе тоже?), я думаю, не имела большого успеха (как Вы пишете) потому, что очень плохо была поставлена информация о ней. Нигде, по-моему, ни в газетах, ни в плакатах в

городе о ней не сообщалось. Узнать о такой выставке мог только человек, который специально интересуется этим и ищет такие выставки. В Германии же реклама (как это пошло ни звучит) играет колоссальную роль. Боюсь, что в Мюнхене тот же недостаток. Ведь вот я же знала, что выставка, пыталась узнать где и когда она, но никто ничего не знает, и я осталась в полной неизвестности. Вы нажмите на своих организаторов выставки, чтобы они хотя бы плакаты о ней развесили по городу. А то просто обидно. Ведь это же настоящее искусство, большое искусство - и люди должны с ним знакомиться! Если бы у меня были деньги, я бы не задумываясь выложила их для приобретения хотя бы одной из Ваших скульптур, но, увы, "бодливой корове Бог рог не дает"!

Дорогой друг! Жду от Вас вестей и не теряю надежду на встречу.

С глубоким уважением к Вам,

Ариадна Чемесова

6. 6. 66

Дорогая Ариадна Евгеньевна,

Сидел в саду (у меня небольшой сад), читал Ваше доброе письмо и перечитывал его. От него веет добром и улыбкой и потому спасибо Вам. Что-то мало улыбок на лицах людей и особенно в Германии, ибо только вчера вечером вернулся из Мюнхена. Вы правы, первая моя выставка в Кёльне не удалась. Устроена была человеком больших дел и самоуверенности. Он впервые начал интересоваться современным искусством, которое надо самому любить и серьезно им заниматься. В Мюнхене, откуда я только вернулся, я выставляю в настоящей галерее, человек занимается исключительно современным искусством. Публика валит к нему, и потому я вернулся довольным, хотя порядком устал: кутил и пил, как на свадьбе.

Дорогая Ариадна Евгеньевна, я скучаю по Вас и очень хочется Вас увидеть и познакомиться, ведь мы уже старые знакомые, и Ваше последнее письмо совсем ободрило меня. Я как бы тоскую по Вас и очень хочется Вас увидеть глазами человеческими. Может, Вы можете, сумеете приехать, ну хоть на минуту. Вы мне позволите (ради Бога, не сердитесь) все Ваши расходы взять на себя. Приезжайте, пришлите одно слово, и я буду так счастлив.

Знаете, трудно сказать многое человеку, которого не видел еще.

Ваш О. Цадкин

26. 6. 1966

Дорогой Осип Алексеевич!

Не могу Вам передать, как я была тронута Вашим предложением взять на себя все расходы, связанные с моим приездом, чтобы повидать Вас. Однако на это я никак не могу согласиться. И не потому, что я такая "цирлих-манирлих" или гордость мне этого не позволяет (если предложение делается от чистого сердца, то я не считаю, что гордость уместна!), а просто потому, что повидать Вас это радость ДЛЯ МЕНЯ (а будет ли она ДЛЯ ВАС - еще совсем неизвестно), а, следовательно, для этой цели я не остановилась бы перед расходами. Тем более, что они сводятся фактически к проезду, так как в Париже у меня много друзей, у которых я всегда могу остановиться. До сих пор ведь препятствие к нашей встрече было не в этом, а в том, что Вы, как заколдованный цветок папоротника, не давались мне в руки. Простите за такое смешное сравнение, но оно мне почему-то пришло в голову. Иными словами, я всегда готова была с Вами встретиться, но эта встреча не получалась по разным причинам (вспомните, всю историю наших взаимоотношений!). И сейчас опять что-то вроде этого получается, но на этот раз по моей вине. Ваше предложение оплатить мне расходы я при-

няла как Ваше желание и согласие на встречу со мной. И, если бы у меня сейчас была возможность, я не задумываясь села бы в поезд и приехала. Но у меня так складываются обстоятельства, что в ближайшие месяц-два это неосуществимо. В начале июля я беру отпуск, которым хочу убить двух зайцев: отдохнуть и заодно подлечиться. Врач мне советует (а больничная касса частично берет расходы на себя) поехать на курорт принимать ванны, которые окончательно (надеюсь) вылечат мою руку. Она у меня болела почти год (это было зажатие нерва между позвонками с последующим воспалением нерва). Сейчас уже можно сказать, не болит, только по утрам дает о себе знать. Но я очень боюсь повторения и поэтому решила последовать совету врача и вместо Италии поехать в Бад-Айблинг (под Мюнхеном). Перед отпуском мне хочется сделать максимум дел, чтобы уехать с чистой совестью и без всяких "хвостов" в работе. Поэтому я сейчас с утра и до поздней ночи работаю, время от времени впадая в отчаяние оттого, что работе, тем не менее, не видно конца и края.

В Бад-Айблинге я, наверное, пробуду весь июль. И так, нашу встречу придется отложить, как минимум, до августа. Если в августе или позже Вы не перестанете по мне скучать, то мы сможем сговориться, наконец, о нашем личном знакомстве. Правда, меня теперь немного оно пугает: ужасно боюсь, что Вы будете разочарованы моим очень прозаическим внешним видом. Но тут ничего не поделаешь, использовать как следует в наш прогрессивный век всю технику для оформления женской красоты я так и не научилась. Поэтому предстану пред Вами в том облике, в котором меня создал Бог, без всяких "иллюзий".

Я очень рада за Вас, что в Мюнхене Вас так хорошо встретили. Если Ваша выставка будет еще открыта, когда я буду в тех краях, то я обязательно еще раз схожу полюбоваться Вашими работами. Я себе представляю, что у каждого творца есть свои любимые и менее любимые вещи. Какие из Ваших произведений Вы сами больше всего любите? Или все, как дети у матери, дороги Вам по-своему?

Спрашиваю, потому что и по Вашим работам хочется мне Вас лучше понять.

Да, недавно было передано по ББС на англ. языке интервью с Вами. К сожалению, я не владею английским языком и потому мало что поняла. А Вы, видимо, хорошо знаете английский язык. И немецкий тоже?

Дорогой Осип Алексеевич! На этом сегодня с Вами распрощаюсь. Своего адреса в Бад-Айблинге я еще не знаю, но Вы можете мне писать на Франкфурт. Все письма мне будут пересылать.

Крепко жму Вашу руку и шлю Вам свой искренний и дружеский привет.

Ариадна Чемесова

1 июля 1966

Дорогая Ариадна Евгеньевна,

Пишу и отвечаю на Ваше письмо, присланное из Парижа. Я сейчас в деревне, где отдыхаю или, надеюсь, отдохну. Здесь благодать и покой. Живу с собакой, а жена приедет позже. Останусь в раю до 15-го, потом придется вернуться в Париж: получу обратно мои скульптуры из Мюнхена. К сожалению, придется ехать на юг Франции в St. Rémy de Provence, где мой бюст Ван-Гога будет поставлен публично.

Скачу, как мышь по клавиатуре. Один шум от всей этой скачки, но ничего не поделаешь - так уж положено - буду скакать и вдруг упаду и комком буду лежать, пока не уберут. Такова судьба.

А Вы, дорогая, подите лечиться. Надо, ибо без здоровья одни калеки. Таким я сейчас чувствую себя и только одна собака понимает меня. Ну, давайте помечтаем об осени, зиме. Я думаю, что буду спокойнее. Но неправда: предлагают выставку в Ницце: в Palais de la Méditerranée. Может, тогда отдохну - там моя провинция. Может, там встретимся. Но бросим все эти планы и давайте, как чайки

на волне, отдадимся движению непрестанному жизни - в ней есть своя и *наши* музыки - и вне их хаос страшный, чужой. Перед приездом начал лепить Пушкина! Увлекаюсь, ибо очень трудно воссоздать человека, которого некоторые только "хоронили". Но есть его собственные рисунки, которые говорят о совсем другом человеке, которого Кипренские et Co не знали или игнорировали.

Крепко жму руку и целую.

О. Цадкин

23. 7. 66

Дорогая Ариадна,

Спасибо за теплое письмецо, которое только что получил из деревни. Я сейчас в Париже: надо было получить все мои работы из Мюнхена. Слава Богу, получил свои работы, и я опять в своем гнезде. Хожу по мастерским, смотрю и себя часто ругаю, а иногда почти хвалю. А Пушкина совсем забросил, но вернусь. Хочется показать его Лифарю, но думаю, он в отъезде. Выставка в Мюнхене прошла с большим успехом. Вся пресса писала и хвалила... Но это совсем не важно. Я опять уезжаю в деревню, где пробуду до десятого августа, ибо еду в St. Rémy de Provence, где мой бюст van Gogh'a будет впервые открыт. (Что-то сегодня утром все русские слова выдохлись из памяти, и я совсем одурел.) Приезжайте! Городок очаровательный! Юг и жара и вот открытие памятника! Праздник.

Вот, милая Ариадна, все, что могу сказать. Но верьте, я часто, часто думаю и воображаю Вас и все стараюсь угадать Вас.

Мой адрес в деревне: Les Arques par Cazals (Lot) от 28-29 июля.

Целую ручку.

Ваш О. Цадкин

1 августа (1966 - *Ред.*)

Дорогая Ариадна Евгеньевна,

Вот я в деревне французской. Здесь у меня дом и поля, которые скатываются с горы, потом лес, тот самый дорогой мне, куда я возвращаюсь, только чтобы посидеть в нем под его старыми дубами на длинном камне, который Бог сам посадил, чтобы я один или с друзьями иногда посидел, поговорил о разных вещах человеческих. Весна этого года очень богата дождями, и лес мой растет где Бог положил, и я этому рад.

Жена моя, француженка, всю жизнь болела и теперь ее здоровье ухудшилось, болеет она почками, обе почки, а доктор отказывается оперировать ее, и вот человек медленно, но верно заливается медикаментами и, наверное, ее зашибут в конце концов.

Значит, видели мои работы, и это первое знакомство с человеком, которого видели всего полчаса. Эта выставка не имела большого успеха, в единственном письме, которое получил, сказали, что ничего не продали, а обещали целый ворох. Эта выставка закрывается 15 этого месяца и потом откроется в Мюнхене. Придется поехать туда, ибо всегда присутствую на открытии. Я Вам напишу и постараюсь побывать во Франкфурте и позвоню Вам. Вот, дорогая Ариадна Евгеньевна, конец моему письму. Жму Вашу руку и целую и до скорого.

О. Цадкин

6. 8. 1966

Дорогой мой друг, Осип Алексеевич!

Как Вы видите (по машинке) я уже дома. Вернулась с отпуско-лечения и сразу окунулась в многочисленные дела, которые меня уже ждали здесь. Ваше письмо мне переслали в Бад-Айблинг, где я была, но я не успела Вам ответить оттуда, так как последнюю неделю стремилась как

можно больше посмотреть из окрестностей. В частности, была на Химзее, где находится один из многих замков короля Людовика II Баварского, знаменитого тем, что он все народные средства тратил на искусство. Это он предоставил композитору Вагнеру жить у него и творить, создал в парке замка Линдергоф специальный грот для постановки оперы "Лознгрин", скупал и перевозил в свои замки редчайшие произведения искусства и т. д. Его замки - это воплощение сказки, хотя они и перегружены роскошью так, что осматривая их, начинаешь задыхаться от переполнения красками, формами, блеском. Замок на Химзее (Химзее - озеро, на котором несколько островов; на самом большом из них построен замок) - полная копия Версаля. Так он был и задуман: и здание, и комнаты - все скопировано с Версаля. Почти в каждой комнате картины из жизни Людовика XIV и полководца Кондэ (любимого полководца Людовика II). Потому что это копия Версаля, а не оригинальное произведение или отражение души Людовика II (как другие три замка, которые я тоже видела три года тому назад), мне этот замок понравился меньше других.

Каждую субботу в зеркальном зале этого замка зажигают несколько тысяч свечей на люстрах и канделябрах и при этом освещении бывает концерт. Играют обычно Моцарта или Гайдна. Я попала туда в субботу и была на одном из этих концертов. Впечатление - очень сильное: огромный, изумительной красоты зал, тысячи свечей все равно не справляются с его освещением, а потому полумрак и звуки старинной, немного однообразной, скрипичной музыки. И хотя в зале присутствует несколько сот человек, стоит абсолютная, предельная тишина.

Судьба короля Людовика II Баварского была очень трагичной. Его придворные и родня возмущались тем, что он все государственные средства тратил только на искусство и интересовался только им. В результате его объявили сумасшедшим, сняли с престола и поселили под присмотром в каком-то имении на Штарнберском озере. Однажды вечером, вместе со своим врачом гуляя у озера,

он утонул. Обстоятельства его гибели остались неясными. Есть предположения, что его утопили (т. к. сам он был блестящим пловцом), а также возможно, что он покончил самоубийством. Второй вариант также вполне реален и даже как-то отвечает облику этого короля: он обладал сверхъестественным чувством прекрасного, и всё, что не было прекрасно, - его корбило, заставляло страдать. Попав на положение сумасшедшего, в чуждую его духу обстановку, он должен был в ней неимоверно страдать и, вероятно, не выдержал ее. Бороться против интриг - он не умел.

В Бад-Айблинге, где я провела почти 4 недели, было мне очень хорошо: тихий маленький городок, расположенный в прекрасной местности с очень приветливым и симпатичным населением. Угнетала только погода: почти всё время было хмуро и дождливо, а я люблю жару и солнце. Потому я, конечно, завидую Вам, что Вы поедете в "теплые края". С удовольствием бы туда приехала, но совесть не позволяет. Я и так провела в отпуску больше положенного мне времени (отпуск у меня - 3 недели, а я отсутствовала ровно месяц). Зато чувствую я себя сейчас прекрасно и полна энергии.

Ваш Ван-Гог - изумителен. Перед его скульптурой (в полный рост) я стояла довольно долго, не могла оторваться. Почему будет открытие только его бюста, а не той скульптуры, где он во весь рост? Или эта скульптура стоит уже в другом месте?

Когда вернетесь из своей поездки в Париж, - напишите о своих дальнейших планах. Может быть, нам все же удастся осенью встретиться.

Не забывайте Пушкина! Не исключено, что этой скульптурой могли бы заинтересоваться и в СССР. Вы не думали о том, что было бы хорошо организовать Вашу выставку в Москве или Ленинграде? При теперешних дружеских взаимоотношениях между Францией и СССР, мне кажется, это может быть вполне реально, если действовать через Министерство Культуры Франции.

Шлю Вам свой дружеский привет. Храни Вас Бог.

Ваша Ариадна Чемесова

10. 8. 66

Дорогая Ариадна Евгеньевна,

Получил Ваше письмо, от которого веет здоровьем и молодым интересом к жизни и вещам человеческим. Ваше описание дворцов и озёр, которые мне не снились, просто заставляют меня думать, что я трачу последние признаки жизни на никому или, вернее, только некоторым интересное. Вот сижу в деревне - благодать и спокойствие. Жил бы так остаток дней моих - да нет, работаю по привычке как лев, рисую и леплю каждый день и никак не свернуть со старого пути и махнуть куда-нибудь в невиданную страну. А то вот, как слепой, возвращаюсь к старому стулу.

Вот теперь уеду в St. Rémy de Provence, южный городок, где поставили и, ах как паршиво, бюст van Gogh'a, и еду, чтобы ругаться. Потом опять вернусь сюда, где одно меня всегда успокаивает: деревня пустая; людей мало и не с кем поделиться мыслями. Это успокаивает и через неделю забуду обиду этого жалкого "сборщика картофеля", который посмел взяться за дело, которое ему не по плечу. Ну, хватит. Думаю, чувствую, что этой осенью, зимой я Вас увижу и познакомимся совсем. Ведь мы уже старые друзья, которые друг друга знают по письмам, по которым мы мысленно узнаем, когда одному не уж очень легко. Письмо, если его отделить от всего временного, удивительный документ. И вот мы старые друзья, которые почти лица не знают, разбираются как бы по древнему документу, писанному на камне.

Ну вот и разбирайся, улыбаясь и глазом лаская друга.

Ваш, каюсь, надеюсь.

О. Цадкин

Дорогой друг, Осип Алексеевич!

Не писала Вам так долго по целому ряду причин: во-первых, Вы были в отъезде; во-вторых, у меня была куча забот как личных, так и рабочих (хотя у меня личное с рабочим очень тесно переплетается и отделить одно от другого чрезвычайно трудно). Вот так и прошли день за днем, а Ваше письмо оставалось без ответа. Сегодня, наконец, решила исправиться и написать Вам.

Как Вам ездилось в Сэн-Реми? Как прошло открытие памятника? Удалось ли добиться лучшего места для него? Удалось ли Вам, помимо обязательств, еще и просто отдохнуть на юге?

На днях кончила писать большую статью - рецензию на повесть советского писателя Можаяева "Из жизни Федора Кузькина". Это очень талантливая повесть и очень интересная по своему содержанию. Герой - крестьянин, который, чтобы прокормить свою большую семью, ушел из колхоза. Повесть очень наглядно отражает те сдвиги, которые происходят сейчас в России, даже в колхозной деревне. Народ на всех ступенях социальной лестницы просто выходит из повиновения коммунистической партии и строит свою жизнь, не считаясь с ней и вопреки ей. Это находит свое отражение и в советской современной литературе, и в тех материалах, которые мы получаем непосредственно из России. Все эти процессы требуют и от нас больших усилий, большого напряжения сил. В России не всегда ясно представляют себе положение здесь, особенно в эмиграции. Там считают, что раз мы живем на свободе и на Западе, антикоммунистически настроенном, то это значит, что все нам помогают и что наши возможности неограниченны. И чего только не хотят от нас получить: и всевозможные книги (главным образом философского содержания), и микрофотографии (ручные), и материальную помощь (одежду, продукты, просто деньги), и советы, как вести борьбу, и т. д. и т. д. И просто

моральной поддержки. А мы сами сплошь и рядом "голы и босы" и не встречаем не только моральной поддержки в эмиграции, а еще незаслуженно нас ругают. Конечно не все. Есть у нас и друзья, и помощники тоже, но, увы, их слишком мало.

Простите, дорогой друг, что занимаю Ваше внимание темой, вряд ли Вас интересующей, но, как говорится - "что у кого болит, тот про то и говорит".

Я очень люблю путешествовать, люблю новые места. К сожалению, я, как и Вы, хотя и в другой области, неизбежно возвращаюсь к своему "орудию производства" - к машинке и бумаге. Поездить удается только либо во время отпуска, либо по делам. Но когда едешь по делам, как правило, очень мало времени остается для себя, на осмотр того, что хочется. Чаще бывает даже так, что вовсе на это времени не остается. Обидно, но, видимо, в жизни каждого человека проложена его индивидуальная дорога, которой он должен идти, чтобы выполнить свою земную задачу. А в том, что у каждого человека такая задача есть, я твердо убеждена.

Я до сих пор не знаю, когда я выберусь в Париж. Меня зовут туда как раз личные дела. Не помню, писала я Вам или нет (кажется, писала), что там у меня живут мои крестницы. Вернее, одна крестница, а вторая - ее сестренка. Одной - 20, другой - 18 лет. Так вот, у них возникли некоторые жизненные трудности и они меня очень просят приехать им помочь - морально и советом. Я обязательно должна буду поехать. Это может случиться неожиданно, так как из экономии я хочу воспользоваться поездкой какого-нибудь знакомого на машине. Такие возможности бывают, но они возникают неожиданно. Тогда надо быстро собраться, в течение дня, и трогаться в путь.

Я, конечно, как только приеду в Париж, позвоню Вам. Но как быть, если Вы в это время будете в деревне? Она далеко от Парижа? Если недалеко, то я готова приехать к Вам в деревню (конечно, если у Вас не будет возражений).

Если Вам не трудно, напишите мне о своих планах на начало октября, чтобы я знала, где мне Вас искать и есть ли вообще шанс Вас найти.

Простите, что это письмо получилось немного сумбурное. Писала, как мысли текли, как писала бы настоящему другу, которого мне хочется в Вас видеть.

Как идут дела с Пушкиным? Повидали Лифаря? Я всегда восхищалась им как танзором и хореографом и только недавно узнала, что он большой знаток и специалист по Пушкину. Это его в моих глазах вдвойне подняло.

Храни Вас Бог. Ваша поклонница и друг,

Ариадна Чемесова

Воскресенье, 6 часов вечера окт. 66

Дорогая Ариадна Евгеньевна,

Простите, что не писал Вам - был очень занят и запутан. Теперь чуточку легче.

Выходит новая книга с фотографиями моего друга канадца (его недавно убила автомашина). Когда думаете Вы побывать в Париже? Хотелось бы Вас повидать. Ведь мы уже совсем старые друзья и вот что-то недостает, и я именно тоскую по этому что-то.

Страшно заинтересован новой работой: нечто вроде - скульптура для архитектуры, покажу, когда приедете.

Не сердитесь, что не пишу: я довольно разбросанный человек, но в душе неплох. Простите за это самохваление.

Целую ручку.

О. Цадкин

19. 10. 1966

Дорогой мой друг, Осип Алексеевич!

Большое Вам спасибо за письмецо. Я, конечно, никак не

обижаюсь, если долго не получаю от Вас писем, хотя и очень их ценю. Ценю именно Ваше внимание и то, что несмотря на занятость, Вы все же находите время черкнуть мне хотя бы пару строк, за которыми я Вас вижу, как живого.

Моя поездка в Париж опять откладывается. На сколько - не знаю. Возможно, что до декабря, а, может быть, и до будущего года (подумать только - уже 1966 год подходит к концу!). Дело в том, что, по-видимому, в декабре одна из моих крестниц будет выходить замуж и тогда я должна буду обязательно присутствовать. А уж если попаду в Париж, то, конечно, буду стремиться повидать и Вас. Лишь бы Вы только в это время оказались там. Вы ведь тоже непоседливый человек. Если же свадьба будет отложена, то... и мой приезд в Париж отложится на неопределенное время. Тут уж ничего не поделаешь. Я теперь начинаю немного даже бояться нашей встречи: вдруг Вы меня увидите, и я настолько не буду отвечать Вашему представлению обо мне, что Вы разочаруетесь, и наша дружба, зародившаяся путем переписки, не укрепитя, а поломается. Это мне было бы слишком обидно, но ничего не поделаешь тогда. Ну, будем надеяться на лучшее. Я по характеру оптимистка, и пока беды не случилось, предпочитаю верить в благополучный исход нашего личного знакомства!

Сегодня мое письмо будет коротким. Я, собственно, хотела только Вам сообщить, что еще не скоро приеду, к моему большому огорчению. Но как только что-то прояснится или мне станет известной дата моей поездки в Париж, я Вам сразу же сообщу.

Шлю Вам мой искренний сердечный привет.

Ваш друг и поклонница,

Ариадна Чемесова

5. 11. 66

Дорогая Ариадна Евгеньевна,

Сейчас уехал в деревню, где пробуду не больше двух

недель. Себя чувствую неважно. Годы приближаются бором и некуда прятаться от них. Здесь на большом покое хорошо и чувствую себя лучше. Но это не надолго. Как вернусь, нужно послать 50 работ в Ниццу, где открою выставку в ноябре, потом три выставки в Чехословакии, начиная с Праги - расписание моей деятельности до весны. У меня здесь рощи со старыми дубами и соснами. Осень довольно ненастная, но это мне нравится и вяжется с моим настроением.

Одна сторона - выставки, народ и статьи, но самому остается быть и стать термитом, каким-то существом, далеким от улыбок и естественного смеха. Какое-то монашество. Моя жизнь суживается и не вижу исхода. Вот видите, дорогой друг, письмо, хотя пишу его в деревне, очень скудное и сам его автор совершенно "неприемлем" для Вас и для самого себя.

Я, собственно, приехал в деревню, чтобы побыть с деревьями, с самым старым дубом. Я только что от него. Ответа ласкового не получил, и вернулся домой удрученный самым собой и всем миром.

Кланяюсь Вам и прошу извинения, что мешаю моим письмом Вам работать.

Целую руку.

О. Цадкин

22. 11. 66

Дорогая Ариадна Евгеньевна,

Буду рад, если увижу Вас наконец! Не знаю, когда приедете, но позвоните мне и мы условимся, чтобы встретиться и поужинать где-нибудь.

Буду страшно рад повидать Вас. До скорейшего свидания.

Ваш О. Цадкин

Дорогой Осип Алексеевич!

Не могу передать своего огорчения тем, что наша встреча опять не состоялась. На этот раз полностью моя вина и вина обстоятельств.

Я приехала в пятницу 25. 11. утром в Париж. А вечером у меня должен был быть доклад, который я очень плохо подготовила, так как была всё время сильно простужена (насморк и сильный кашель) и голова моя отказывалась совсем работать. Поэтому, приехав, я сразу села работать над своим докладом. Дело еще в том, что я плохой оратор, и когда мне приходится выступать, то я должна заранее составлять почти полностью весь текст своего выступления, чтобы получилось хорошо. И вот, я весь день до вечера проработала над докладом. Решила Вам в этот день не звонить, так как все равно не могла бы с Вами встретиться и потому, что еще не знала своего расписания на следующие дни.

На следующий день - выходила замуж моя крестница Вера. Я с утра поехала в мэрию, где была регистрация брака, а затем на обед к родителям жениха (вернее, уже мужа моей крестницы). Это все происходило в Бург-ла-Рен и заняло почти весь день. И опять я Вам не позвонила, так как не имело смысла. Ночевала я в Клиши-су-Буа (там живет мать моей крестницы - Александра Ивановна Макова-Жедалигина, о которой я Вам как-то писала).

В воскресенье я выбралась в Париж только после обеда и должна была сразу ехать в Шуази-ле-Руа - к одним знакомым для делового разговора. Там же и ночевала.

И вот в понедельник 28. 11., вернувшись в обед в Париж, я сразу после обеда Вам позвонила, но к телефону никто не подошел. Я была огорчена, но решила, что Вас, наверное, нет в Париже, что Вы в Ницце (Ваше письмо я получила, когда уже вернулась во Франкфурт), и потому больше не звонила. А ночным поездом выехала назад во Франкфурт. Мне очень хотелось задержаться еще на один день, так как я не успела всё, что хотела, сделать в

Париже, но никак не могла из-за дел, которые меня уже ждали во Франкфурте. И вот, вернувшись во Франкфурт, я получила Ваше письмо, из которого увидела, что Вы были в Париже. Мне стало так обидно, что я чуть не заплакала. Но уже ничего поправить было нельзя. Простите ли Вы мне, что я проявила так мало настойчивости и ограничилась одним звонком? Хотя наказана этим больше всего я сама. Я думаю, что это произошло, главным образом, потому, что я внутренне не верила, что наша встреча может состояться: столько раз уже она не получалась. Но в следующий раз, я уже твердо решила, я поеду в Париж специально для встречи с Вами, заранее сговорившись с Вами о дате и времени встречи. Это, конечно, уже будет только в будущем году. А пока будем продолжать переписываться, если Вы меня простите и не измените своего дружеского ко мне отношения.

Как Вы себя чувствуете? Как Ваше настроение?

С искренним и сердечным приветом всегда Ваш друг,

Ариадна Чемесова

5. 12. 66

Милая Ариадна,

Читал и перечитывал Ваше письмо и "вижу", что Вы огорчены, что свидание наше опять не удалось. *Мы, дорогая, птицы разного полета*, и из-за этого очень трудно заставить обоих повернуться крепко один к другому. Пусть судьба сама устроит эту встречу, и мы взглянем друг на друга с улыбкой на наших изнеможенных лицах.

Вот, скажем, я только вернулся из St. Gallen, Швейцария, и теперь накануне отъезда в Ниццу, где открываю большую выставку (60 скульптур). Мы так "взяты" собой, что всё, что совершается помимо, должно удовлетвориться остатком минут нашей жизни.

Повременим! Может, мы, очень занятые пчелы, вдруг спохватимся, что время идет и не вернется, и мы оба сразу упадем друг другу в объятия.

Дай Бог, чтоб поскорее!

Вот, дорогая, милая Ариадна, я Вам посылаю фотографию моего лица, а то, может, упадете в объятия другого, мне незнакомого альбатроса.

Ну вот, прощайте, чайка моя дорогая и редкая. Я о Вас буду думать на моем пути к солнцу.

Ваш О. Цадкин

От редакции: в начале следующего, 1967-го, года Осип Алексеевич Цадкин скончался.

Десять лет*

7.

В лагерях санчасть - это единственное место, где человек может рассчитывать на какое-то минимальное участие, пусть на короткое время, но почувствовать себя человеком, а не рабочей скотиной и не "лагерной сволочью".

Только в санчасти, кажется, не унижалось человеческое достоинство.

Только санчасть могла в случае какой-нибудь ошибки или проступка заступиться и помочь.

Конечно, не везде санчасть была такой доброй, таким оазисом в бескрайней пустыне человеческого горя и озлобления.

Насколько позволяли средства и возможности, мы все старались, чтобы у нас всегда было чисто и сколько-нибудь уютно: белые крахмальные занавески, цветы, абажур на лампе, - чтобы, приходя к нам, жалкий униженный человек, продрогший на работе и вечно голодный, мог хоть на минуту забыть, что он "пария", быть может, навсегда оторванный от семьи, выброшенный из общества. Мы всегда старались быть в высшей степени вежливыми, даже ласковыми с заключенными, а зачастую для этого требовалось немало выдержки и спокойствия.

* Продолжение. Начало в № 157(3), 1990 г.

К моменту моего прихода в санчасти работало пять человек: начальница В. И. Фарисеева, хирург Полина Соломоновна Левитина, зубной врач Романов, фельдшер Василий Игнатьевич Кошкарров - бывший уральский казак, необыкновенно внешне живописный старик, который уже досиживал свой десятилетний срок, и Евгения Гуговна Гельд. Я стала шестой.

В. И. Фарисеева оказалась прекрасным человеком и начальником. И если ей не всегда удавалось сделать то, что казалось само собой разумеющимся и необходимым, то это объяснялось только ограниченностью ее прав и власти.

Душой и сердцем санчасти была Левитина. Бедная местечковая еврейская девочка из далекого Седлеца, потевшая еще до революции во время еврейских погромов отца и брата, она сама себе пробила дорогу в жизни, окончила в послереволюционное время медицинский факультет Московского университета, стала хирургом. С 1916 года - активный член партии.

Во время гражданской войны встретилась со своим будущим мужем - Львом Марковичем Левитиным. Этот участник гражданской войны, впоследствии видный работник Внешторга, старый партиец, был арестован в 1937 году и вскоре расстрелян.

После ареста мужа она понесла ему передачу в тюрьму, и больше ее оттуда не выпустили. Дома у нее остались две дочери - 12 лет и одного года, с преданной семье домработницей. Во время войны в лагерях на нервной почве и вследствие дистрофии она оглохла; наконец, по чистой случайности, по ходатайству какого-то начальника, жену которого она спасла от смерти, ей сбавили срок до пяти лет, но после отбытия этого срока она оказалась закрепленной за лагерями.

Чертой ее личности была необычайная смелость и страстность, с какой она всегда вступалась за заключенных. Сколько из-за этого неприятностей, тревог и оскорблений перенесла она! "Своей" политической статьей она гордилась и страшно была недовольна, если кто-либо из нас,

осужденных по той же 58-й статье, совершал неблаговидный поступок или бывал груб с больными.

Хочется сказать еще об одном человеке, который мне очень помог освоиться с лагерным бытом и новыми условиями моего существования. Это был наш фармацевт - аптекарь Марк Моисеевич Черток, еврей из западных областей страны, старый лагерник - маленький, некрасивый, очень умный и сдержанно-едкий. Первое время он как-то чуть ли не враждебно относился ко мне: его, видимо, раздражали моя доверчивость, непосредственность, привычка думать иногда вслух, - качества, совершенно недопустимые в лагерных условиях, и к тому же еще дух "воли", который я принесла с собой в их устоявшийся маленький кружок, - но потом те же, вероятно, мои качества заставили его даже привязаться ко мне. Помню, я как-то с грустью сказала: "Как трудно сохранить в лагерях человеческое достоинство!" Он пристально взглянул на меня и резко ответил: "Очень легко, надо только уважать его в других заключенных! Следуйте этому правилу, и вам будет много легче нести свой срок".

Как правило, в лагерях не принято было говорить о своем "деле". Да и к чему: всё один и тот же стандарт, - карали за "настроения" да за "побуждения". Вначале мне еще хотелось поделиться с кем-нибудь, чтобы, наверное, уяснить свое положение среди других. Как-то он насмешливо оборвал меня: "Знаете, в еврейских местечках существовали религиозные школы - хедеры, там преподавали раввины или цадики, и если какой-нибудь любознательный ученик поднимал руку и спрашивал, почему, дескать, если Бог всемогущ, он не делает, чтобы всем было хорошо, и почему его никто не видит, и т. п., - то раввин просто вытягивал его розгой по башке, чтобы не задавал никаких вопросов. Так же и в лагере никаких вопросов никому не должно задавать". Я надолго запомнила его совет.

Работа в санчасти - с 6 часов утра и до 10 вечера, то есть до "отбоя", требовала от человека всех физических и душевных сил, отвлекала меня от собственного горя. Да и то, что вокруг себя я все время видела таких же несчаст-

ных, обездоленных, сбитых с толку людей, невольно примирило меня со своей судьбой.

Помню, как-то на разводе Полина Соломоновна подошла ко мне и тихо сказала: никогда не забывайте этой картины и помните, что, быть может, судьба наказала нас за то, что, когда мы нежились по утрам в теплых постелях, пили сладкий кофе, катались в машинах и ездили на курорты, - здесь вот так же мучались люди, работая на нас.

Вскоре по прибытии в лагерь я получила известие, что Володя, мой сын, помещен в детдом на станции Бушуиха и очень там скучает. Несколько раз убегал оттуда, и Таня отвозила его обратно. Болен чесоткой. Все эти сведения привозила мне из Вологды милая Полина Соломоновна и каждый раз, как только она возвращалась с поезда, я бежала не на встречу ей, а от нее, боясь, что на этот раз она сообщит мне что-нибудь страшное.

Матери заключенные, слышите ли вы меня? Ваши сердца так же разрывались от неизвестности, как и мое. Сколько слез, сколько материнского горя, тревог, ожидания, беспокойства прошло перед моими глазами! Сколько писем, запросов, просьб о розыске и устройстве ваших детей написано мной! Все можно забыть и простить, но не это.

Птица, кошка, лошадь трепещет и беспокоится, когда от нее оторвут детеныша. А тут! Как назвать, чем оправдать это зверство, эту жестокость?

Я не буду здесь останавливаться ни на случаях самоубийств, ни на ничем не прикрытом разврате, ни на бесконечных абортах, которые производились самым кустарным способом без всякой асептики, в сушилке или в бане. Да и как могло быть иначе? На пространстве в 40 кв. саж. было заперто 1000 человек - женщины и мужчины. После разделения лагерей на мужскую и женскую зоны в 1947 году стало еще хуже. В женских зонах развился "лесбос", который стал неуклонно прогрессировать.казалось, что на глазах идет какое-то вырождение нации. Бороться с этим явлением было невозможно... Надзиратели были постоянно заняты исключительно тем, что ловили "па-

ры” и прямо на месте преступления разлучали их. Эта ловля принимала подчас даже какой-то увлекательный характер, точно детская игра ”холодно - жарко”. По утрам на разводе, в рупор, установленный на вахте, оглашались фамилии пойманных накануне ”пар”. Сами виновные этим нисколько не смущались и на другой день выбирали более укромные места.

Я приходила поздно с вечернего приема, взбиралась на свое место наверху на нарах, смотрела на грязный потолок, освещаемый тусклыми лампочками, и все думала, думала: кто же дал право так поступать с людьми, так мучить и губить молодые жизни?

8.

Декабрь 1944 года. Раннее утро, собственно, еще настоящая ночь, 25 градусов мороза. Пронзительный, обжигающий ветер раскачивает фонарь у ворот лагеря. Из барачков выползают истомленные, голодные, невыспавшиеся люди в жутких отрепьях; обрезанные до колен военные шинели без хлястиков, вместо шапок - красноармейские шлемы-”буденовки” образца 20-х годов, на ногах чуни - веревочные лапти. Кого тут только нет: мальчишки, убежавшие от голода из ремесленных училищ, молодые девушки - дезертиры ”трудового фронта”, проворовавшиеся продавцы из разных магазинов, ”сельпо” и пекарен, нахальные злые урки, угрюмая молчаливая 58-я статья... На лицах тупое равнодушие и несмываемая грязь. У мальчишек глаза волчат - жуткие, голодные, настороженные. Некоторые падают на колени на снег - молят: ”сестрица, оставь на сегодня в зоне, я болею, освободи от работы, дай денек отдохнуть”. Что я могу сделать? Ничего. То и дело повторяются случаи обмороживаний и ожогов. Один мальчишка нарочно схватился за раскаленную трубу от печки и сжег всю ладонь. Ежевечерние приемы в санчасти доходят до пятидесяти человек.

Наш фельдшер Василий Игнатьевич - уральский казак

с пристани Гусинской - ведет прием, я ему помогаю. До 10 часов вечера работаем, не покладая рук. У санчасти "лимит", больше определенного количества освободить от работы не можем. Поэтому устанавливаем своеобразную очередь, но мольбы и душераздирающие сцены повторяются ежедневно, и порой с помощью Полины Соломоновны удаётся кое-что сделать: дополнительное питание, отдых на два-три дня, прогрев в бане... За два дня некоторые оживали прямо на глазах, и приятно было видеть в этом плоды своего труда, а в душе где-то теплилась искорка надежды: может быть, и моего дорогого Лёлика так же кто-нибудь обихаживает... Но это самообман, этого быть не может. Его уже нет на свете.

За дождливой, робкой северной весной 1945 года пришло лето - оно принесло тепло и облегчение. Люди стали выползать из грязных сырых барачков, скидывать ветхую вонючую одежду, девушки вновь обрели утраченный было женственный облик. В зоне насадили цветов. Мальчишки стали ходить со своей бригадой на молокозавод, где им давали за работу пахты, и волчий блеск в глазах их исчез - они теперь бегали и резвились, как полагается подросткам. То тут, то там стали появляться парочки. По выходным дням усаживались на траву, пели лагерные песни.

В течение лета отремонтировали и привели в порядок санчасть (она помещалась в бывшей конюшне), и мне разрешили жить там за ширмой. Это дало мне возможность с 10 вечера до 6 утра быть одной - немаловажная ценность в лагерных условиях! Осенью я ходила копать картошку вместе с бригадой, и нам разрешали приносить по 2-3 килограмма в зону, так что я смогла кое-что запасти на зиму.

9 мая 1945 года кончилась война и была объявлена амнистия для "уголовников" и "бытовиков" - но не для 58-й статьи, то есть политических. Как-то раз после объявления амнистии я зашла днем в барак - прилечь и немного отдохнуть перед вечерним приемом больных. За

столом сидела Евгения Гуговна Гельд и что-то шила. В эту минуту неожиданно вошел какой-то надзиратель.

- Гражданин начальник*, - обратилась к нему Гельд, ну когда же и нам будет амнистия, ведь мы прямо измучились в лагерях...

- Откуда мы знаем, - участливо ответил надзиратель, - вы думаете, нам не надоела эта мудянка! Попаси-ка целый день корову, - и то ведь осатанеешь...

Я еле удержалась от смеха, лежа на своих верхних нарах.

В сентябре, в связи с назначением нового начальника лагеря Козенко, был смнен почти весь состав санчасти. Полина Соломоновна была откомандирована в вологодскую пересыльную тюрьму. Штат санчасти резко сократили, и мне пришлось самой ходить за дровами, пилить их, носить вязанки и топить печь. Я безропотно делала все, что мне приказывали.

Володя писал из детдома, со станции Бушуиха, что хочет приехать ко мне. Я пришла в ужас. Бедный мальчик, сколько потрясений перенес он уже в жизни, а теперь еще увидит свою мать за решеткой и один пойдет ночью от ворот лагеря. Нет! Не хочу, чтобы у него осталось еще и это страшное воспоминание. Написала ему, что приехать сюда нельзя без специального пропуска.

Подошел октябрь 1945 года. Цветы в зоне увяли. Начались затяжные дожди. Снова грязь в бараках, запах прелой, непросыхающей одежды, ледяные уборные за баракком, и у входа в барак тоже уборные... И опять - изнуренные, злые, невыспавшиеся люди.

Новый начальник лагеря Козенко был строгий человек, но к людям относился внимательно, и то, что я безотказно выполняла все, что мне было положено, вероятно, расположило его в мою пользу. В дальнейшем из 10 лет моего заключения я провела под его начальством в разных

* Обычная форма обращения заключенного к любому начальству, начиная с рядового надзирателя.

лагерях в общей сложности около 6 лет, и в трудные минуты он неизменно облегчал мою участь. Я не желала для себя ничего лучшего в тех условиях, в какие попала, - но вот однажды утром Василий Игнатьевич вошел в помещение санчасти, и вид у него был очень расстроенный.

- Константиновна! Подбери мне в санчасть какую-нибудь бабу!

- А в чем дело? Меня на этап?

- Да. - Я увидела на его глазах слезы.

- Так чего же вы плачете?

- Жаль мне тебя. Ты хорошая баба.

Тут я познакомилась с этой лагерной особенностью. Вы, как правило, только за полчаса узнаете, что вас отправляют на этап. Почему-то это всегда облекалось строгой тайной.

- Ну что же, поеду. Видно, судьба! Но куда же?

- По секрету скажу. На пересыльный пункт в Вологду. Это Полина Соломоновна тебя туда затребовала.

Провожало меня много народу, трогательно, со слезами. Грустно было и мне. Вечером собрали этап. Подвели к освещенным воротам, пересчитывали, устроили переключку, вывели из лагеря в темноту. Построили. Выпал первый снежок, так что глаза быстро стали различать дорогу. Под ногами не хлюпает - грязь подмерзла. Две девушки подхватили меня под руки, и мы двинулись к станции под конвоем. Я оглянулась - прощай, Сокольский лагерь! Десять месяцев долой с десяти лет!

Прибыли в Вологду. Темная, тихая, беззвездная и безветренная октябрьская ночь. Пахнет прелыми листьями и вянущей картофельной ботвой. Снега в Вологде нет. Я сижу на своем "сидоре" (вещевом мешке) прямо на земле. Ждем "черного воронка", который запаздывает. Опять нахлынула волна воспоминаний, связанных с этим вологодским вокзалом...

Прошли дня три-четыре валянья на полу вологодской тюремной камеры - и вот вызывают на комиссовку. В круглой тюремной башне устроена маленькая амбулатория. "Комиссует" врач-араб и с ним молоденькая медсестра.

С этим врачом, по фамилии Селям, мне потом пришлось работать целую зиму. Он был настоящий араб из Каира. Кончил в Берлине медицинский факультет, хорошо говорил по-английски, был работником Коминтерна, а после ликвидации Коминтерна - внезапно арестован, отбывал срок где-то на Севере. По отбытии срока его прикрепили в качестве врача к вологодской тюрьме. Это был добродушный по-восточному и славный человек, но ему так надоели лагерная обстановка и специфический уклон всей лагерной "медицины", что он очень мало уделял внимания лечению больных, больше сидел в дежурке и рассказывал свои юношеские похождения и анекдоты. Когда я уж очень упрашивала его зайти в палату к тем или иным больным, он забегал туда на минуту и на ходу бросал: "Сделай им всем клюкозу!" Иногда, вливая какому-нибудь немцу кровь, он, весело похлопав беднягу по плечу, считал нужным отметить: "Абер дас ист юдишес блют!" - "Ариец" отвечал на это меланхолической улыбкой.

...Зима сорок пятого на сорок шестой. Печи все испорчены - топить их бесполезно. Холод. Деревянные нары. Матрацы с истертой соломой. Белья нет. На нарах - сброшенные с этапных эшелонов люди в стадии крайнего истощения. Тут, кажется, все европейские национальности - чехи, румыны, эстонцы, западные украинцы, немцы, армяне, поляки, венгры и т. д. и т. д. Смертность ужасающая, и лишь изредка и ненадолго нам удается продлить жизнь того или иного несчастного. Кое-как объясняюсь с ними по-немецки и по-французски. Иногда удается достать через соседнюю колонию № 10 клюквы, картошки, хлеба. В помещении 30 мужчин и одна прелестная молодая девушка, почти девочка - Люся Животова, умирающая от чахотки. Чудесные фиалковые глаза. Заставила ее ширмой, мужчины очень деликатны и за ширму к ней никто не заглядывает. Судьба ее обычна для этих лет: была отправлена в Германию с оккупированной Украины, попала по распределению в семью какого-то коммерсанта, работала продавщицей у него в галантерейном магазине. Когда наша армия подходила к Берлину, этот немец спросил у нее совета - остаться ему или

бежать на запад с семьей, и она горячо советовала ему остаться, уверяя, что он так хорошо относился к ней, что русские ему ничего не сделают плохого. Все вышло иначе. Немца с семьей арестовали, а заодно и Люсю. Она была комсомолка, дочь учителя из Киева, сирота, жила одна с вдовым отцом. Его взяли на фронт, ее угнали в Германию. Сейчас она обречена. Неподалеку от нее лежат трое умирающих чахоточных, бывшие солдаты. Один из них, мальчик лет восемнадцати, Раевский, уже в забытии, вдруг окликает меня: "Сестрица, я еще жив или уже умер? Где я?"

По вечерам выхожу на тюремный двор и делаю пять полукругов "от вышки до вышки": ведь целый день без свежего воздуха - просто дурно делается. Возвращаюсь в палату, где горит тусклая лампочка, и немного разговариваю "на сон грядущий" с больными. Это всё либо бывшие фронтовики, либо население оккупированных районов, ныне освобожденных. В большинстве не повинные ни в каком преступлении, оторванные от семей люди. Все время ощущение, что смотришь на жизнь как-то со стороны, точно не участвуешь в ней. Так вроде легче, а впереди еще долгие восемь лет.

В белой косынке и белом халате обхожу подземелье тюрьмы, там самые страшные камеры: низкие сводчатые потолки, вровень с землей узкие зарешеченные щели окошек. В этих камерах сплошь какие-то высохшие скелеты. Их везли зимой в эшелонах по 45 суток, без теплой одежды, в "теплушках" без печей и без воды, подчас и без пищи. Урки набрасывались, отбирали последнее. Конвой ничего не хотел, да в большинстве случаев и не мог сделать...

Кто из них выживет? Мало надежды. Иногда вытащу двух-трех человек в "стационар" - все-таки хоть временное облегчение... Нам сбрасывают только сильно истощенных, которых уже не довести до Воркуты. Половина из них (8-9 человек остающихся от каждого этапа) умирает сразу... Здесь же в полутемном карцере иногда производится вскрытие трупов, - зачем, собственно? - причина смерти и так ведь ясна... Описывать это нет сил. Думала ли я, что смогу жить после всего этого?!

Единственным местом, где я приходила немного в себя, была прачечная при тюрьме. Там за гладильным столом неизменно стояла очень милая старая женщина, впоследствии мой большой друг, Вера Эммануиловна Мессер. Она была в заключении уже второй раз (впервые - в 1937 году). Муж ее П. В. Мессер, известный гидрограф, также был репрессирован и очень скоро, в том же 1937 году, умер в тюрьме. Ее в первый раз не направили в лагерь, а выслали из Ленинграда в Боровичи, где и арестовали вторично сразу же после объявления войны. В "пересылке" ей повезло: ее устроили гладильщицей в прачечную (она знала в совершенстве три языка и была преподавателем в Морском училище). По 8-10 часов в день проводила она на ногах с угольным утюгом в руке. Всегда спокойная, ровная, она успокоительно действовала на всех, а на меня в особенности. Есть люди, которые как-то сразу приобретают влияние и авторитет в любом окружении; кстати, они-то как раз и пополняют тюремный "контингент" по 58-й статье. Я почти ежедневно заходила в прачечную, садилась около Веры Эммануиловны на высокий табурет (мы называли его почему-то диккенсовским), слушала увлекательные рассказы о Турции, Греции, о Европе. Вера Эммануиловна в свое время много путешествовала и подолгу жила на Востоке. Говорили о литературе, о музыке... Я жаловалась ей, что меня измучили эти решетки, замки и вся беспросветная тюремная обстановка - и слышала в ответ: "Надо поменьше обращать внимания на всё это, поменьше думать об этом и еще - по английской пословице - если уж очень тяжело терпеть, надо стиснуть зубы и все-таки терпеть!"

Помню день 31 декабря 1945 года. Лютый мороз. Внезапная команда приготовить койки на 35 человек с этапа. Быстро набили мерзлой соломой матрацы. Побежала на кухню, попросила повара-заключенного приготовить горячую баланду. Ждем. Наконец, прибыл этап. Молодой врач, очевидно, сопровождающий, мрачно бросил на ходу: "Пишите сразу акты!" Значит, много умирающих. Привели в баню. Ужас! Все дистрофики. Из 35 человек - три женщи-

ны: две беременных уже на сносях и третья (пожилая, со следами былой красоты) - Елена Петровна Гирш, также в стадии крайнего истощения. Она жила с 1910 года в Германии, муж ее, рижский немец, убит во время бомбежки. У нее где-то в среднеазиатских краях мать и сестра, но везут ее на Север. В печах я нагрела кирпичи, положила их в железные столовые миски и обложила ими несчастных людей. Некоторые уже в забытьи что-то бормочут - слов не разобрать; я наклоняюсь к Елене Петровне и едва улавливаю тихий шепот: "Боже, как страдает русский народ! Понимаете ли вы сами, как вы страдаете?.." На другой день она умерла.

Погибали многие прибывающие, а кто выживал - того немедленно отправляли дальше на север, обычно в Воркуту. Сколько лиц промелькнуло передо мной тогда! Милый старый "башмачник" из Перемышля манит меня пальцем: "Пани сестрица, - говорит он мне, - я вам сошью чудесные башмачки из шевро. У меня есть хороший материал в чемодане в «transport». Будете их долго носить и вспоминать меня..." Через час он умирает. Суровый пожилой немец-крестьянин; минуты его сочтены, но он упрямо повторяет: "Их канн ништ штербен, их хабе дох айне гроссе фамилие..." И так без конца, без конца. Особенно большой процент смертности приносили этапы из Берлина. Полураздетых людей везли по 45 суток в промерзших "теплушках" в середине зимы, почти без питья и еды. Кто был закутан в какое-то дырявое одеяло, кто в скатерть, кто в какой-то дикий опереточный фрак. Урки в поездах грабили немилосердно и вместе с конвоем делили добычу. Чемоданы заключенных шли в отдельной теплушке, и когда эти заключенные умирали, то все их имущество доставалось конвоем или уркам. Больше умирало - больше добычи. Однажды к нам зашел какой-то молодой прокурор, попытался установить хотя бы номера эшелонов, которые давали такую смертность, но так ничего не добился и ушел ни с чем.

Кажется в январе 1946 года, т. е. этой же зимой, пришел очередной большой этап. Его прием затягивался. В ледяном проходном зале я увидела стоящих на коленях

людей; многие, как ни странно, были прилично одеты. Кто-то попросил воды и огоньку закурить, я принесла и попить, и раскаленный уголек для закурки и сказала: "Сейчас, милые, разведут вас по камерам, дадут кипятку и супу, и жизнь покажется не такой уж страшной". Один из прибывших обратился к спутникам и громко сказал: "Первое человеческое слово, правда, друзья?.." Оказалось, в этом этапе прибыли: режиссер Сергей Радлов с женой Анной (переводчицей и поэтом), артист Печковский, бывший флигель-адъютант царя адмирал Саблин Николай Павлович - семидесятилетний старик. Он жил в эмиграции в Румынии и после занятия этой страны нашими войсками сам явился к советскому командованию и заявил, что хотел бы умереть на родине. Ему предоставили эту возможность... в тюрьме. Мне рассказывали, что при допросе следователь насмешливо спросил его: "Что, с царской дочкой блядовал?", намекая на его роман с великой княжной Ольгой Николаевной. "Я занимал слишком незначительное положение, чтобы позволить себе даже думать об этом", - ответил Саблин. У него на руке был запаянный золотой браслет, вероятно, подарок Ольги Николаевны, почему-то его не сняли в тюрьме, и самое удивительное, что не отняли его и урки в камере. Мне говорили, что он совершил три кругосветных путешествия и умел так увлекательно рассказывать, что все в камере заслушивались. Все относились к нему с большим уважением, в том числе и урки. Мне удалось передать ему в кормушку маленькую передачу - несколько картофелин, хлеба и табаку. Между прочим, мне рассказывал потом Печковский, что в Москве, в тюрьме Саблин получал еще передачи из румынского - тогда еще королевского - посольства. Его отправили в Воркуту, где он и окончил жизнь за колючей проволокой лагеря.

Как только мы узнали, что в составе этапа прибыл известнейший певец Печковский, один из лучших Германов в "Пиковой даме", наш доктор Селям захотел немедленно его послушать. Как-то утром он распорядился привести Печковского из подвала в санчасть. Был январь, подваль-

ные камеры не отапливались вообще, а у нас в санчасти в банке ярко пылала печь.

Вошел Печковский - высокий, длинный, худой и стал сразу же греть руки у печки. "Что наша жизнь? игра..." - тихо сказала я ему, он ответил, усмехаясь: "По-видимому, да, но если бы не так долго..." Пока шел прием больных, мы дали ему погреться, а когда остались одни, доктор попросил его что-нибудь спеть, желая будто бы убедиться, не потерял ли он голос в подвальных холодных камерах. Печковский встал и начал петь "Смерть ямщика". Пел он прекрасно, полным голосом и сказал, что чувствует, будто голос его даже усилился, так как он очень похудел. Вскоре нам удалось взять его из подвала в рабочую камеру наверх, немного подкормить и обогреть.

По вечерам, когда все начальство расходилось по домам, он давал для нас небольшие концерты. Правда, петь в камере начальник тюрьмы запретил, так как голос Печковского доносился до других камер и возбуждал восторженные аплодисменты, возникали шум и волнение. Поэтому мы собирались в бане - несколько его поклонниц ленинградок и несколько тюремных "придурков" - комендант, банщик, хлеборез, кочегары - и с наслаждением слушали такие знакомые и любимые вещи: "Хотел бы в единое слово...", "В крови горит огонь желанья..." и т. д., вспоминали филармонию, оперный театр и ту далекую жизнь. Печковский стал было уже выступать в вологодской колонии № 1 и преподавать в кружке самодеятельности при КВЧ ("культурно-воспитательной части") лагеря, но вдруг пришло распоряжение отправить его по назначению - кажется, в Инту. Здесь же в Вологде ему удалось связаться с ленинградскими друзьями и получать от них материальную поддержку. От них же он с болью узнал о смерти своей жены Т. Малаховской, которая также была репрессирована и умерла в тюрьме.

Так тянулись дни за днями: с утра до вечера работа, работа, а вечером в тюремной камере, превращенной в больничную палату, при свете тусклой лампочки беседы с больными. В 10 часов вечера я ложилась усталая на свой

топчан в круглой тюремной башне и, прежде чем приходил сон, мне всё чудились приёмки этапов, монотонные тюремные "позывные": "Год рождения, инициалы полностью, статья, срок!", бряканье замков, стук прикладов. А во сне иногда - милые далекие образы близких...

Настал февраль 1946 года. Внезапно, как всегда в тюрьме, я получила распоряжение собираться на этап, так как меня отправляют работать на новое место - в "подкомандировку" "Льнострой"*.

Перевернулась еще одна страница тюремного существования. Оставалось восемь с половиной лет.

9.

Уже темнело, когда пожилой конвоир вывел меня с мешком за плечами. Шел мокрый снег, слепил глаза. Приблизительно через час вышли за город. Перед нами открытое поле. Впереди в сгущающихся сумерках неясные очертания какого-то огромного недостроенного здания.

- Где же тут лагерь? - спрашиваю конвоира.

- Скоро придем - вон он.

Подшли к этому недостроенному зданию-гиганту. Ни в одном окне нет света. Прошли через вахту. Вместо лестниц в здании - просто наклонные доски, которые прогибаются под ногами. Поднялись на третий этаж - в санчасть. По дороге вижу: здесь вместо печек - бочки изпод бензина, с трубой, выведенной в окно. Топят торфом и каким-то жидким горючим. Грязь, копоть. Электричества нет, вместо ламп - фонари "летучая мышь", по одному на этаж. Нет и водопровода: воду привозят откуда-то в бочках. Бани, естественно, тоже нет. Вместо нар стоят скамьи,

* Многие лагеря были замаскированы подобными странными названиями. Отдельные лагеря именовались "подкомандировкой", некоторые лагеря носили сокращенное название "ОЛП" ("отдельный лагерьный пункт") и соответствующий номер, или назывались еще как-нибудь иначе.

выданные из старых вагонов. Народу в секциях - что сельдей в бочке. Боже мой! Как же здесь живут люди? Оказалось, живут не так уж плохо, даже весело.

Первый этаж занимают кухня, столовая, клуб, контора, кабинет начальника.

Во втором этаже помещаются мужчины. В третьем - женщины и санчасть. В четвертом - вязальный и прядильный цеха, где работают заключенные женщины-инвалиды. Всего в лагере человек пятьсот.

Пришли в санчасть. Крошечная комнатка, к счастью, в ней кирпичная печь. Встретили меня необычайно приветливо. Сразу в комнатку набралось много народу - очень много знакомых. Радуются встрече, как дети; кто предлагает сахару, кто хлеба. Светло - горит 15-линейная керосиновая лампа.

На вечерний прием пришло человек 30, из них половина здоровых, чтобы только посидеть в тепле и при свете, "у огонька". Усаживаются прямо на полу. Дверь из санчасти выходит в женскую секцию. Слышу - какой-то приятный, немного дребезжащий голос напевает старинные романсы: "Подари мне, молодец, красные сапожки", "Белые, бледные, нежно душистые дышат ночные цветы". Кто это, спрашиваю. "А это наша Таня. Она у артистки Вяльцевой в горничных служила в молодости, вот и поет романсы - по-ейному..."

Работы здесь было много. Вставала я в пять часов утра, ходила на развод; потом утренний прием больных, потом санитарный обход всех помещений (это в такой-то трущобе!), наконец вечерний прием. Хорошо было то, что я пользовалась известной самостоятельностью, а контингент заключенных был в основном здоровый, главным образом из местных вологодских колхозников и рабочих. Они получали из дому передачи, осуждены были не по политическим, а по "бытовым" статьям, и режим был относительно мягким. Начальник этого лагеря капитан П. знал меня по Соколу, очень хорошо относился ко мне. Это был мягкий и в то же время очень смелый человек. Я как-то сказала ему, что очень удивлена, как такой справедливый и прямой человек может работать в этой системе лагерей. Он

ответил, что ведь по идее так и должно бы быть, но что ему эти его качества как раз и ставят в вину.

Как-то раз в санчасть зашел один из молодых надзирателей:

- Что, новая медсестра?

- Да.

- Ну, как вам нравится новая квартира?

Я пожала плечами.

- А мне этот дом кажется каким-то разбойничьим вертепом, - неожиданно выпалил он. - Я люблю читать книги про разбойников, и когда читаю про них, мне кажется, что они жили именно в таких развалинах!

Я рассмеялась.

Очень скоро я привыкла к своему новому дому, и жилось мне в нем совсем неплохо. Вскоре начальник преоставил санчасти комнату побольше. Заключенные побелили ее, провели откуда-то электрический свет. Я смастерила зеленый абажур на лампу, расставила еловые веточки в банках с водой, одним словом, навела уют.

После приема, по вечерам, у входа в санчасть собиралось много народу, женщины усаживались прямо на полу с ручной работой (электричество было ведь только у меня). Приходили побеседовать, попросить совета, несли ко мне свои горести и радости, отдавали на сохранение деньги...

У меня не было ни одной неоправданно поздней госпитализации, ни одного смертного случая. Как могла, я заботилась о людях, об их здоровье, о чистоте и вообще о быте.

Бичом этого лагеря были крысы. Такого их количества я никогда не видела в жизни. По ночам они носились по секциям, топоча, как лошади, дрались, пищали, подымали страшную возню, вскакивали на спящих людей... Борьбы с ними не велось никакой. Я упростила "блатных" ребят достать (украсть где-нибудь) и принести мне какого ни на есть кота. На другой же день мое поручение было исполнено. Кот был принесен первоклассный: огромный красавец - черный с продольными желтыми полосами на спине. Понастоящему он должен бы выступать в цирке, ибо то, что

он проделывал с крысами, описать невозможно. Равнодушно шурясь, он окаменело лежал у двери в секцию, но как только вдалеке показывалась крыса, одним тигриным прыжком он достигал ее и мгновенно душил, после чего так же лениво возвращался на свой пост. Очень скоро ко мне стали приходить из секций с просьбами: "Ольга Константиновна, дайте хоть на одну ночку своего кота, - жить невозможно от крыс". Иногда за такую услугу заключенные из местных колхозниц приносили мне "для кота" то пирог с рыбой, то творогу... Так что он до некоторой степени стал моим кормильцем.

Раз в десять дней нас водили в баню в городскую тюрьму; порой возили на грузовиках, но обычно "гнали" строем через пригородное село Турундаево. По дороге встречные - женщины и военные - иногда бросали нам хлеб, сахар, папиросы, лук. Заключенные, естественно, с радостью хватали все это на лету. К вечеру нас после мытья вели обратно в лагерь. По выходе из города строй сбивался, шли по полю не торопясь, никому не хотелось возвращаться в свою берлогу. День конца зимы или ранней весны угасал, подмораживало, и когда от кладбищенской церкви, издали, глухо доносился великопостный звон, все странно затихало, точно какой-то мир нисходил на душу. Я шла в одном строю с оборванными жалкими людьми, они брели тихо, понуриив головы. Разговоры прекращались, каждый шел, углубившись в себя, думая горькую думу о своей злосчастной судьбе. Приходили домой, зажигали "коптилки" и, наскоро поев, так же тихо укладывались спать на нары. Эти банные дни были, пожалуй, самыми желанными и любимыми в постылой лагерной жизни.

Когда подошла весна - вторая весна моего заключения, - оказалось, что наш "вертеп" вполне пригоден для жилья. Окно моей комнаты в третьем этаже было без решетки и выходило в поле, в прозрачные вологодские дали. По вечерам я подолгу сидела у открытого окна; спускались северные опаловые сумерки, и душу охватывала смутная, спокойная грусть. Я обжилась здесь и ничего лучшего в заключении для себя не хотела. Но вдруг...

Самым узким местом на этой "подкомандировке" была вода. Для пятисот - шестисот человек воду возили в бочках из города. Ее постоянно не хватало, и приходилось собирать дождевую, топить снег, а также брать воду из многочисленных ям (карьеров), вырытых неподалеку от лагеря. Вода в них была довольно прозрачная, но часто имела невыносимый запах, так как на окрестные поля вывозилось удобрение из городских уборных. С этим приходилось мириться, потому что выхода не было. Кипяченой воды тоже не хватало: во-первых, не было достаточного количества котлов, а во-вторых, - топлива. Весной вспыхнула эпидемия поносов, они проходили довольно быстро и без осложнений, но поражали большое число людей. А однажды вечером ко мне пришел повар и заявил: "Сестра, завтра утром нечем кормить людей. Воды нет, кашу не сварить, а главное дело - хлеба тоже не завезли. Что будем делать?" - "Один выход - взять воду из ям, процедить через марлю, вскипятить и сварить кашу. Ведь голодных людей на тяжелую работу не выгонишь". Так и решили. Послали людей с ведрами, которые натаскали воды из дальних, не слишком вонючих ям, вскипятители, заварили кашу, и утром завтрак был готов. Кто-то донес в оперчекистский отдел. На другой же день прибыла "комиссия" врачей, "оперов" и т. д. Мне был объявлен выговор за самоуправство (хотя начальству было хорошо известно о постоянной нехватке воды) и за то, что я взяла на себя инициативу, ответственность, которая мне была "по чину не положена".

В назидание меня перевели на работу обратно в тюрьму; впрочем, как оказалось впоследствии, была тому и другая причина. За четыре месяца моего отсутствия в тюрьме переменялось шесть человек медиков. Всех изгоняли из санчасти за спекуляцию, то есть за обмен хлеба на вещи прибывающих с этапами новичков, главным образом из Восточной Германии, Польши, Эстонии. Кроме того, в прибывающих этапах по-прежнему было много немцев, чехов, венгров, эстонцев, а разговаривать с ними было некому.

Был чудный день конца мая, когда человек с ружьем повел меня обратно в тюрьму. Из окон "разбойничьего гнезда" товарищи жестами прощались со мной, махали платками. Я снова водворилась в знакомой башне; на этот раз пребывание здесь и работа оказались невыносимыми. Тюрьма была полна - она вмещала всегда 500 человек, а заполняло ее теперь не менее тысячи. В камерах теснота и страшная духота. От жары и истощения люди теряли сознание. С помощью санитарки я вытаскивала таких слабых в холодный коридор, обливала их там прямо на полу холодной водой из ведра, давала отдышаться - и снова в камеру. Целый день без усталости работала и только вечером на часок выходила в тюремный двор подышать воздухом и срывала у подножия стены несколько одуванчиков, чтобы поставить их у себя в башне в баночку с водой как букет...

Новый начальник тюрьмы, хапуга и дурак, невзлюбил меня за то, что я, заключенная, пыталась как-то ограничивать его власть в пределах санчасти и при поддержке араба-врача проявляла в своем "хозяйстве" некоторую самостоятельность. Иногда во время врачебного осмотра какой-нибудь бедняга, прибывший с этапом, давал мне деньги или какую-либо вещь (которую у него все равно отняли бы урки) для обмена на хлеб в колонии, где был ларек. Там можно было купить повидло, крошево белых сухарей, дешевые леденцы. Я с радостью это делала, стараясь хоть чем-нибудь помочь изголодавшимся людям, а потом вызывала беднягу обратно к себе в санчасть якобы для "укола" или иной медицинской процедуры и вручала ему еду, которую удалось приобрести.

В этот период в вологодскую пересылку очень часто сбрасывали с этапов женщин с маленькими детьми - так называемых "мамок" - из стран Восточной Европы. Их помещали в рабочие камеры, где они жили вместе со своими малышами в ожидании сбора дальнего этапа. Эти дети - грустные, бледные заморыши - особенно угнетали. Что-то их ждет впереди?.. Помню одну польку с годовалым малышом на руках. Звали его Эдик. Прелестное, грустное

личико. Он шел на руки ко всем с покорным печальным видом, не произнося ни одного звука. Эта его немота, какая-то сознательная немота, особенно поражала и трогала всех. Какова была их дальнейшая судьба, неизвестно. По словам этой женщины, она была женой какого-то польского партизана, вероятно, националиста, а таких свирепо карали.

У меня иногда оставались излишки еды от стационарных больных, которыми я также подкармливала голодающих из камер (это говорит о том, что сама я была более или менее сыта). Конечно, такие "проделки" не могли остаться незамеченными в тюрьме, где добровольных стукачей, то есть доносчиков, более чем где бы то ни было. В отношении меня начались притеснения и придирки. Как только начальник тюрьмы ни ущемлял меня: каждый день распоряжался об обыске моих "личных вещей" (жалкая котомка), обрушивался с бранью, не разрешал спускаться во двор подышать воздухом, следил за каждым моим шагом. Но чем больше он придирался, тем больше я озорничала. В конце концов это приняло характер игры в "кошки-мышки". А между тем лето проходило; меня не могла не страшить новая зима в этой мрачной тюрьме. Кроме того, как-то нарядчик* осторожно сказал мне: "Смотри, доиграешься! Грохнет он тебя на какой-нибудь дальний этап".

Начальник санотдела управления лагерей Вологодской области - молодой врач, культурный и хороший человек, видимо, относился ко мне с симпатией за добросовестную работу и за напористое желание помочь людям выжить, обязательно выжить в этих нечеловеческих условиях. Я стала просить его перевести меня в какой-нибудь другой лагерь, он сочувственно отнесся к этой просьбе и предложил направить меня в областную лагерную больницу на станции Шексна. Я с радостью согласилась, - если б я знала, что меня там ждет!..

* Заключение, участвующий в распределении людей по разным работам за пределами лагеря.

1 августа 1946 года в составе небольшого этапа я была отправлена в "черном вороне" снова на такой знакомый мне вологодский вокзал и в этот же день вечером прибыла на место.

10.

Итак, поезд прибыл на станцию Шексна, и мы двинулись к здешнему лагерю. Идти надо было верст пять. Вечерело. Собиралась гроза, и сполохи то и дело освещали потемневшее небо. Но воздух был свеж, пахло травой и луговой сыростью. Двинулись строем: пять женщин - из них одна с маленьким ребенком - и 10 мужчин. Среди женщин была только недавно попавшая в лагерь Ольга Ивановна Пелевина, от природы очень веселая, остроумная, неунывающая, несмотря на то, что дома у нее остались три дочери, собственно, без всяких средств к существованию. Ее присутствие, разговор с ней скрашивали дорогу и до некоторой степени отвлекали от тяжелых мыслей и предчувствий, которые всегда копошатся в душе при отправке в новый лагерь.

Первое впечатление от лагеря - неуютное. Большая зона - около квадратного километра. Множество бараков и между ними подобие клумб, поросших неизменной "желтухой" (ноготками - единственный сорт лагерных цветов). Было, вероятно, около восьми вечера, но зона уже казалась вымершей. Повели на ночлег в баню. Все притихли и быстро и безмолвно улеглись спать. Всех тревожила мысль: что сулит завтрашний день? Утро ознаменовалось таким эпизодом: выяснилось, что у Ольги Ивановны украден один сапог. Украд его урка по прозвищу "Бобёр"...

Быстро, тут же в бане, нас "комиссовали" - какая-то молодая накрашенная врачиха и молодой лейтенант, начальник санчасти. Узнав, что я медсестра, она велела мне подождать и по окончании комиссовки следовать за ней. Одета я была довольно прилично - в свое коричневое пальто и вышитую кофточку. Пришли в какой-то барак - "больничный корпус", где нас встретил пожилой высокий

доктор с очень сильным еврейским акцентом. Прошли в его кабинет. Он устроил мне небольшой экзамен и сказал, что направит меня на работу в амбулаторию. Внешний приличный вид вообще, а в лагере в особенности, служит до некоторой степени "путевкой в жизнь". Меня направили в барак "придурков", где я сразу же заняла одну из верхних полок на нарах. Я старалась всегда занять место на верхотуре. Отсюда я могла, не мозяя никому глаза, наблюдать всё то, что совершается внизу, и получала еще одно немалое преимущество: не ввязываться в бесконечные лагерные споры, сплетни и дрязги.

Уже на другой день я почувствовала, что начинается снова голодная полоса. Я понимала, что рассчитывать мне не на кого и не на что. После своей женитьбы в 1946 году мой старший сын, видимо, не мог уже помогать мне. Начала перевязывать из старья детские кофточки, из тряпья шить распашонки, потом меняла их на хлеб или кашу в бараке у кормящих матерей, которые получали дополнительный паек и передачи. Что это давало? Очень мало...

Между тем, работа в амбулатории не ладилась. Там "царила" одна медсестра из бывших актрис (в прошлом - певица), которая попутно занималась всякими мелкими лагерными делишками. Мое присутствие ее стесняло и связывало. Она очень быстро выжила меня из амбулатории, наговорив про меня заведующему, малоопытному фельдшеру, всякой ерунды. (Потом он мне сам рассказал об этом.) Меня перевели на работу в венерический корпус; там я поместилась в комнатухе вместе с молодой медсестрой, осужденной за убийство только что рожденного ею ребенка. Работы было много, тем более что молодая медсестра все бросала на меня, а сама убегала на свидание или в клуб. Вскоре ее куда-то "перебросили", а на ее место поселили омерзительную старую распутную лагерницу. Она уже давно прочно усвоила, прямо-таки впитала в себя все мерзостные лагерные навыки и обычаи. Нашу комнатку она немедленно превратила в место свиданий и сдавала вечерами по часам, разумеется, за ка-

кую-либо мзду. Врача, вечно нуждавшуюся несчастную женщину, за плечами которой также было много лет отбытого срока, она также чем-то сумела подкупить, так что когда я отказалась по вечерам освободить свою койку и уходить, они обе заявили начальнику больницы, что я им вообще не нужна. Не прошло и двух месяцев, как меня удалили из этого "больничного корпуса" и перевели в лагерные детские ясли.

Обстановка и жизнь на новом месте, в яслях, не поддается описанию. Работа с детьми, матери которых на три четверти - уголовные преступницы-рецидивистки и проститутки, была так тяжела, что временами я всерьез помышляла о самоубийстве. Моя связь с домом окончательно порвалась; я понимала, что, поддерживая переписку, я только осложняю и без того нелегкую жизнь моих детей, поэтому я только раз или два в год старалась через третьих лиц узнавать об их житье-бытье.

Да, обстановка в детских бараках была ужасная. Никакой вентиляции, нехватка белья, пеленок, посуды. Мокрые пеленки сушились тут же на печке. Неистребимый запах прелого белья, вонь, грязь. В пять часов утра, в темноте, по гололедице я тащилась на детскую кухню за питанием. Там приходилось выслушивать бесконечные издевательства и матерщину повара Кирикова, нахала, который каждую женщину склонял к сожигательству и, имея в своих руках продукты, всегда достигал в этом успеха. Он подкармливал не только рядовых врачей, но и главврача Закгейма; тот, естественно, не хотел и слушать никаких жалоб на своего любимца. В яслях при раздаче питания сразу же вновь начиналась ругань - уже с матерями. Им все время казалось, что персонал объедает их детей. Они швыряли миски назад в окно раздачи - прямо мне в лицо, грозились избить, жаловались Закгейму, и он тут же набрасывался на нас, медсестер, окончательно лишая нас какого бы то ни было авторитета в глазах всего персонала, не говоря уж о матерях. Сейчас, когда я пишу эти строки, мне не верится, что я могла пережить весь этот ужас, все эти оскорбления и ругань, что это вообще было со

мной. Ко всему прибавилась еще одна радость. Меня поместили в комнату к четырем молодым уборщицам. На одной койке мы спали по двое - по очереди, в зависимости от смены. По вечерам к девушкам приходили кавалеры, и пары поочередно ложились на койку рядом со мной. Я закрывалась с головой одеялом, чтобы не разрыдаться и уснуть. Кончилось тем, что я решила перебраться обратно в общий барак...

И вот опять "верхний этаж" нар. Температура в бараке - на нуле. Топят только вечерами, когда приходящие из-за пределов лагеря "работяги" сами приносят дрова для печки. К ней они не подпускают никого из "придурни". Сушилки нет, и все их мокрое, вонючее тряпье и валенки сушатся на этой же печке и на ее трубе. В воздухе все время запах паленой одежды, ругань и мат без конца. Столь же бесконечны сальные, грязные анекдоты и "случаи из жизни", рассказы о каких-то невероятных кражах и побегах...

Накануне нового 1947 года я решила на крайнюю меру. Я понимала, что умру среди этой моральной и физической грязи и единственный выход - просить начальника лагеря направить меня на этап. Хуже того, что здесь, быть не может. Я знала, что в самое последнее время в наш лагерь был переведен начальником Козенко, который знал меня по Соколу. Здесь я еще ни разу с ним не встречалась, но теперь решила пойти к нему и просить отправить меня из Шексны. В 11 часов вечера я вышла из барака и направилась к "штабу". В окнах кабинета Козенко горел свет. Я попросила секретаря доложить обо мне и передать просьбу принять меня по неотложному делу. Секретарь начал уклончиво отказывать мне, но в эту минуту начальник вышел сам, очевидно, намереваясь идти домой встречать Новый год, и с удивлением спросил: "Вы ко мне?" - "Да, если можно, на минутку!"

Мы вошли в кабинет. Я молча протянула ему уже написанное заранее заявление, где кратко просила этапировать меня на пересыльный пункт. Он поднял на меня глаза и удивленно спросил: "Почему?"

У меня перехватило горло. - "Я здесь замучилась. Меня

травят, без конца перекидывают с места на место. Я живу в очень тяжелых условиях. Главный врач Закгейм все время оскорбляет и унижает меня. Вы знаете мою работу, я не заслужила таких мучений". - "Да, я знаю, вы хороший, добросовестный работник, не надо прыгать с места на место. Будьте спокойны, я дам команду и постараюсь вас лучше устроить".

Я поклонилась и вышла. Он сдержал свое слово: на следующий же день утром меня вызвал Закгейм и самым любезным тоном предложил работу в корпусе, где находились больные туберкулезом в открытой форме - у доктора Семенова, которого я знала по работе в пересыльной тюрьме. Выбора не было. Шансы выжить были равные - что общий барак, что открытая форма туберкулеза.

Помню, что когда я вышла из кабинета главврача, - вероятно, от переживаний последних недель, от бесконечных обид, незащитности, от непрерываного попирания моего человеческого достоинства, меня начала трясти настоящая истерика, я упала лицом в снежный сугроб и рыдала без слез и билась, билась на снегу. Кругом было пусто, ни одного, кажется, человека, который видел бы меня. Слава Богу. Мела новогодняя поземка, из-за метели никто не показывался на улицу. Понемногу я успокоилась и поплелась в свой грязный общий барак на нары, на верхнюю полку.

К вечеру, собрав свои пожитки, я направилась в "туберкулезный городок". Он находился на окраине лагеря и состоял из четырех барачков, отгороженных забором от остальной зоны. Лагерники боялись приближаться к этим барачкам, откуда каждый день таскали покойников в морг. При входе в "городок" была сооружена арка в виде ворот. Проходя под этой аркой, я подумала, что, вероятно, это последний этап, живой отсюда я уже не выйду.

Длинный барак с покосившимся потолком. На все обширное помещение одна тускляя лампочка. На нарах полутрупы, покрытые грязными, рваными одеялами. Пахнет кислой капустой и креозотом. Но встретили меня очень приветливо. Врач Семенов, лет шестидесяти, был знающим и в об-

щем неплохим человеком, но безвольным, со страшным сумбуром в голове. То ли от желания выжить, то ли по врожденной склонности он не брезговал никакими лагерными махинациями. Несмотря на возраст, он то и дело влюблялся - обычно в какую-нибудь лагерную потаскушку, которая беззастенчиво эксплуатировала его чувства. На этой почве происходило много курьезов, и доверие к врачу со стороны больных и начальства безнадежно таяло.

Мое существование здесь оказалось довольно сносным. Очень быстро я завоевала расположение больных. Уже одно то, что я совершенно не боялась заразиться туберкулезом, спокойно присаживалась к ним на койки и болтала с ними, очевидно, подкупало их, и они привязались ко мне. Контингент - все молодые бывшие фронтовики, работавшие на лесоповале в болотах, в невыразимо тяжелых условиях и при скудном питании. Это ли не благодатная почва для туберкулеза! Каждый день кто-нибудь умирал, а к весне положение особенно ухудшилось. Я добросовестно дежурила возле умирающих и по нескольку раз за ночь вставала к тяжело больным. Спала я в комнате со старой фельдшерницей, сварливой и хитроватой; тут же помещалось и все хозяйственное имущество корпуса. Но так или иначе у меня был свой угол, где я могла скрыться от ругани, драк и прочих ужасов общего барака.

По вечерам я иногда читала больным вслух, иногда пела с ними песни и слушала их рассказы. Здесь я встретила несколько человек, с которыми впоследствии очень подружилась.

Снова наступило лето - третье лето моего заключения. Выздоровливающие больные начали копать огород и делать клумбы. Тяжелобольных выносили на воздух. В свободное время я расстилала на траве одеяло и садилась что-нибудь вышивать, а кто-либо из больных читал вслух. Шли дни, уменьшался "срок", а вместе с ним уходила и жизнь.

Лето в лагерях вообще сравнительно легкое время. Из вонючих, сырых барачков все население выползает на воздух. Можно и постирать, и вымыться на улице из умывальника-"давилки", и посидеть на воздухе с работой -

повышивать нитками из распущенных лагерных трусов и маек. В Вологодской области белые ночи необыкновенно красивы, и мы подолгу оставались на воздухе, глядя, как заходит солнышко, смотрели на блестящую вдалеке тихую, ленивую Шексну, вспоминали близких и случаи из прошлой "потусторонней" жизни.

Спали с открытыми окнами и дверьми, но в бараке все равно было душно. Зато большим преимуществом оказалось то, что он считался весьма заразным и всякое начальство сюда заглядывало редко.

11.

Месяца через два после моего прихода в туберкулезный корпус, когда утром я писала что-то в дежурке, подошел один из больных и тихим голосом обратился ко мне:

- Ольга Константиновна, я хочу предложить вам по утрам и вечерам раздавать за вас лекарства, собирать мокроту на анализ (это была самая неприятная процедура), мерить температуру... Ведь вы все время инфицируетесь около нас, здесь же сплошные "палочки Коха", зачем вам это!..

- У вас есть медицинское образование? - спросила я.

- Да, будучи в армии, я окончил военно-фельдшерскую школу...

- Так почему же вы не работаете по специальности?

- Видите ли, я бывший румынский подданный, кроме того был депутатом румынского парламента от национал-крестьянской партии. Хотя по национальности я украинец, из дунайских казаков, фамилия моя Сокуренько, родился в Бессарабии около Аккермана, - но как бывший иностранный подданный легально я могу, видимо, только чистить уборные, - смущенно ответил он.

Я внимательно посмотрела на него: подчеркнута аккуратный, чисто выбритый, видимо вполне интеллигентный человек лет сорока.

- Хорошо, я поговорю с доктором, - сказала я. - А что вы сейчас делаете?

- Помогаю носить баланду из кухни и мыть миски. Боюсь залеживаться на койке, ведь у меня срок 13 лет!

- Это почему же?

- Мне дали второй срок в Белозерских лагерях, - как и первый, за "агитацию"...

На другой день я спросила доктора, в чем же здесь дело. Отчего подготовленного фельдшера нельзя взять на работу в туберкулезный корпус, куда вообще-то никто не хочет идти.

Семенов мне сказал, что он даже не знал, что Сокуренок фельдшер, но ведь это очень больной человек, у него кавернозная форма туберкулеза. Тем не менее он попытается что-нибудь сделать и поговорит с главврачом. Закгейм вызвал к себе Сокуренко, устроил ему краткий экзамен и разрешил помогать нам в работе в корпусе, разумеется, бесплатно.

Радость Сокуренко была неопишима. Он сразу же получал какой-то социальный статус в лагере, что само по себе было уже большой удачей. В каптерке с помощью "спиртяги" я получила для него приличные брюки (вероятно, с кого-нибудь из умерших), гимнастерку того же происхождения и халат.

Не прошло и недели, как он привел корпус в образцовый порядок. Четко наладил график процедур, достал запас лекарств, необходимый инвентарь, а сам прямо оживал на глазах.

- Впервые у меня появилась надежда все же выйти когда-нибудь отсюда, - сказал он мне однажды. - Вы спасли меня!

Ему действительно удалось в 1953 году вернуться на родину, в район Аккермана, там он и умер, почти все время после возвращения находясь в больнице. Его отец написал мне о его смерти: "Наш Петя окончил свою земную жизнь 20 августа 1957 года". Несколько лет после этого ежегодно Терентий Парфентьевич Сокуренко посылал мне летом посылку с абрикосами.

Судьба его сына была поистине трагична. В момент занятия нами Бессарабии в 1940 году он находился в ру-

мынской армии на венгерской границе. Он мог, конечно, остаться в Румынии, но решил обязательно вернуться домой, где сразу же был арестован как бывший депутат румынского парламента. Все имущество его было конфисковано, жена его покинула, сойдясь с человеком, вселившимся в их дом. В начале войны всех арестованных в тех местах вывезли на север в лагерь. Ехали они в ужасных условиях - под бомбежкой, без воды и почти без пищи. Он попал в Белозерск, в знаменитый лагерь "пяточок" - он же "Белозерский Дахау", как его называли. В этом лагере в первые годы войны умирало, в основном голодной смертью, по 80 человек в день. Лагерь помещался на белозерском острове, в зданиях бывшего монастыря. Озеро вокруг кишело рыбой, но ловить ее не дозволялось, так как на то не было разрешения свыше (из Москвы?). По ночам умерших вывозили на лодке на берег озера, где и закапывали в землю. Там этот несчастный человек заболел дистрофией, а затем и тяжелой формой туберкулеза...

При общении с больными, особенно из числа "блатных", в мужских отделениях женщине подчас бывало очень трудно поддерживать спокойствие и дисциплину. Во всех таких случаях он неизменно вручал меня.

Весной туберкулезным больным разрешили вскопать огород для поддержания питания. Под руководством Петра Терентьевича они посадили всякие овощи: свеклу, морковь, фасоль. Как многие украинцы, Петр Терентьевич был прекрасным поваром и каждый день начал варить настоящий украинский борщ с салом, присылаемым отцом. Неизменно мне первой наливался и отсылался котелок этого борща...

Весной, во время очень сильной вспышки туберкулеза, многих пришлось проводить из жизни. Запомнился такой случай: умирал один лесничий, кажется, из Беловежской пуши, еще не старый белорус; он как-то сразу сник, поддался болезни. Накануне смерти, вечером, он подозвал меня к постели: "Сядьте около меня, Ольга Константиновна, я хочу вам кое-что сказать. Завтра я умру, запишите и исполните несколько моих просьб". - "Быть может, вам

лучше позвать доктора”, - возразила я. - ”Нет, прошу вас, останьтесь”. И вдруг добавил: ”В вас еще не погасла искра Божия...” Потом помолчал и стал диктовать: ”Сообщите обо мне жене по такому-то адресу. Оденьте меня в чистое - рубашка и кальсоны у меня под головой... Вот деньги - раздайте людям, которые меня вынесут и положат в гроб”. Он умер на другой день, ровно в 2 часа дня. Фамилия его была Скурат.

Еще один из больных - по фамилии Панцерный, по прозвищу ”Удав”, так как его невозможно было накормить досыта, - внезапно слег и стал сразу резко слабеть. Меня вызвал санитар: ”Вас просит Панцерный”. Я подошла. ”Сестрица, дайте мне поцеловать вашу ручку”, - прошептал он. Я улыбнулась. ”Что это тебе вздумалось?” Он потянул к себе мою руку, поцеловал и умер.

В конце лета произошел очень характерный для нашей лагерной жизни случай. Неожиданно был отдан приказ - все наши туберкулезные бараки перевести в самый конец лагеря, в бывшие конюшни. Эти конюшни - зараженные клопами, с протекающими крышами, выбитыми стеклами - были совершенно не приспособлены к помещению туда тяжелых туберкулезных больных. Наш врач отправился было к начальнику лагеря и пытался доказать, что перемещать осенью в эти бараки тяжело больных людей - это значит ”угробить еще не один десяток больных”. За одну эту фразу ему дали 10 суток карцера. Я и фельдшер Петр Терентьевич Сокуренок в эти дни вдвоем управлялись с тремя бараками, где находилось сто двадцать больных.

Итак, пришлось перебираться. Дружно принялись наши ходячие больные за работу. Кто конопатил стены, кто крыл крышу, кто штукатурил, - и к концу сентября наше новое обиталище приняло жилой вид. Вход в мою комнатку (площадью три квадратных метра) был через палату, и таким образом мое общение с больными стало еще более тесным. По вечерам все собирались у печки и опять начинались рассказы из ”вольной жизни”.

Зима прошла, в общем, спокойно, но весной со мною опять случилось приключение. Я привожу его здесь для

характеристики той обстановки, в которой приходилось жить и работать /.../

Весной было объявлено, что всю нашу больницу переводят в Череповец, в Макарьину Рощу (бывшее имение художника Верещагина), где до того помещался лагерь немцев-военнопленных.

Незадолго до переезда в Череповец произошел такой случай. В туберкулезном бараке лежал больной по фамилии Ряжников. Он потерял на войне ногу, но будучи столбярком, сам смастерил себе протез до колена из липовой чурки. Он был всегда очень грустный, замкнутый, мало общался с больными, ничего никогда не просил, ни на что не жаловался.

Был теплый майский вечер. Все больные высыпали из барака и уселись на траве; невдалеке от них, как всегда несколько особняком, сел и Ряжников. Через час, во время раздачи ужина, все услышали вдруг выстрел со стороны сторожевой вышки, затем еще один. Больные и персонал выбежали из барака наружу.

За двумя рядами проволоки, на расстоянии не больше 8-10 шагов, лежал наш Ряжников, по-видимому, мертвый. Оказалось, что девица-охранник, стоявшая на вышке, увидела, как хромой инвалид подлез под обе проволоки, дала предупредительный выстрел, а когда он выполз наружу и продолжал ковылять, выстрелила второй раз, уже целясь в него, и убила. Беднягу подобрали и унесли в морг. Позже я узнала, что это один из обычных способов самоубийства в лагерях - броситься на проволоку и получить пулю, видимо, легче, чем повеситься в уборной.

В мае 1948 года нам объявили, что всю нашу больницу перебросят на пароходе по Шексне в Череповец. Мы все, как дети, начали мечтать об этом путешествии по реке. И вот, наконец, вечером 31 мая три наших туберкулезных корпуса в полном составе (за исключением умирающих) были погружены на небольшой речной пароход. Это путешествие оказалось одним из самых ярких впечатлений за всю мою однообразную десятилетнюю лагерную жизнь. Пароходик, пыхтя, медленно рассекал воды тихой Шексны. Вечерний

туман уже окутывал ее лесистые берега. Я сидела на корме - конвоир разрешил мне выйти на воздух - и, кажется, впервые за эти годы лагерного "срока" ожесточение, отчаяние и безнадежность уступили место в душе не миру - нет, но подобию примирения с судьбой.

Плыли всю ночь и на заре прибыли на место. Не доходя 5 верст до Череповца, парходик пришвартовался у товарной пристани. Конвой дал знать в больницу о нашем прибытии, и через час приехали подводы, на которые мы погрузили тяжелых лежачих больных, за ними потянулись пешком и все ходячие больные, а с ними и мы, медицинский персонал, разумеется, под конвоем и с собаками. Я сбросила лагерные ботинки и шла босиком по росистой полевой дороге. Версты через три показалась большая березовая роща. Это и было бывшее имение Верещагина.

Начальство и вольный персонал больницы встретили нас очень приветливо. Пребывавшие тут до нас немцы-военнопленные блестяще оборудовали и лагерные постройки, а всю зону (территорию лагеря) засадили маленькими яблоньками. Их молочное цветение радовало глаз.

Я была "распределена" в женский корпус № 9 старшей сестрой. Больных женщин было человек семьдесят, все худалые, истощенные. Лечение их, совершенно очевидно, должно бы сводиться к усиленному питанию и отдыху. Врачом в корпус была назначена некая Г. Очень недалекая, молодящаяся поповна. Ее муж был арестован, она также отбыла пять лет в заключении, а ее 16-летний сын исчез в момент ареста родителей. Надо отдать ей справедливость, она была незлым человеком, но очень упрямым и бестактным. Кроме меня, работать с ней не мог никто, - правда, она предпочитала иметь рядом с собой мужчин, а не женщин. Я применила здесь свой уже ранее оправдывавшийся метод, к которому удавалось прибегать в Шексне: сговорила с поварами, пустив в дело спирт, и каждую ночь отправляла по очереди человек по 10 больных чистить картошку и помогать на кухне, за что их там кормили. Все были довольны, но тут я натолкнулась на сопротивление врача, которая считала, что раз больные попали в

больницу, их надо только лечить. Приходилось посылать больных женщин на кухню поздно ночью. Возвращаясь утром усталыми, но сытыми, они сразу же укладывались спать, и при обходе врача в палате было настоящее сонное царство и слышался сладкий храп... "Неужели они так слабы, что так много могут спать?" - удивлялась докторша. Я же только посмеивалась про себя. Когда же через полтора месяца наступила "комиссовка", то из 70 больных сорок можно было вполне спокойно выписать из больницы, настолько улучшилось их состояние.

В середине лета нас всех стали по очереди посылать на заготовку дров на реку, где сплавляемые бревна выкачивали из воды. Я несколько раз ходила на выгрузку. Меня ставили на плот с багром, которым я должна была подтягивать бревна к берегу. Эта работа на чистом воздухе не была особенно тяжелой и до некоторой степени разнообразила жизнь.

В этот период произошел один случай, запавший в память. К нашей сестре-хозяйке Насте Мигуновой - вдове-эстонке, также сидевшей по 58-й статье, неожиданно приехал на свидание сын, десятилетний мальчик. Он убежал для этого из детдома, откуда-то издалека - кажется, из Белозерска, - так как очень соскучился по матери. Начальства в этот час не было и дать разрешение на свидание никто не мог. Мать стояла по одну сторону проволоки, а сын по другую. Он смущенно улыбался, а по ее лицу потоком текли слезы. Приближался вечер, малыш все время сидел у проволоки на пеньке. В руках у него был какой-то сверток в газетной бумаге. Наконец он его развернул. Там оказалась буханка черного хлеба.

- Мама, это я привез тебе передачу, можно мне съесть маленький кусочек? - крикнул он. Она кивала ему головой, давая свое согласие. Он отломил кусок и стал с удовольствием его уписывать... Удалось упротить одну вольную докторшу взять его к себе на ночь, иначе ему пришлось бы ночевать под открытым небом.

...С конца ноября я начала болеть. Начались внезапные сильные кровотечения. Первые грозные признаки этой

болезни появились у меня сразу же после ареста мужа. Врачи объясняли это сильным нервным потрясением и общим ослаблением организма. Гинеколога в больнице не было, показать меня было некому. Ставились всякие случайные диагнозы и назначались случайные же средства, а болезнь все прогрессировала. Я теряла очень много крови, очень слабела, потом здоровье немного улучшалось и все шло по-прежнему. Я ни на один день не бросала работы, моя лагерная жизнь приняла какое-то однообразное, устойчивое течение. Эти годы - 1948, 1949 и начало 1950-го - как-то сливаются в памяти. Все было серо и один день был похож на другой, и времена года так же сливались, не внося изменений в унылую, бессмысленную лагерную жизнь.

Осенью 1949 года меня перевели в венерический корпус. Там я познакомилась с дальнейшими разновидностями лагерной медицины и жизни. Врачом в этом корпусе был армянин Вартаньян, попавший в заключение из армии. Это была редкая разновидность восточного негодяя с головы до ног. Он не имел ни малейшего представления об элементарной человеческой порядочности, ему все было можно. Будучи застарелым сифилитиком, он сбежал с фронта, пристал к какому-то госпиталю, где скрывал свою болезнь, заражая ею других, за что в конце концов был осужден. Поскольку в лагерях специалистов-венерологов не было, его назначили заведывать венерическим корпусом. Правда, назначая меня туда, начальник больницы сказал: "Это временно... Вы единственный человек, которого можно там держать; при первой возможности я вас заберу оттуда". Оказалось, что Вартаньян, пользуясь своим служебным положением, сожительствовал со многими больными женщинами, склонял к тому же и всех назначаемых к нему медсестер, невзирая на то, что был болен и сам делал себе инъекции сальварсана. Кроме того, им был изобретен своеобразный лагерный "бизнес": он подделывал анализы некоторых своих приятелей-кавказцев и клал их к себе в корпус, якобы на лечение, обычно за большую мзду. Уличить его было очень трудно, так как он мог

мазок или кровь больного человека послать в лабораторию под любой фамилией.

Наконец, я не выдержала и обратилась к начальнику с просьбой поскорее перевести меня в другой корпус. "Потерпите еще немного, мы всё знаем, но кому-то надо же там работать..." - "Да ведь он непременно сделает мне какую-нибудь подлость! Ведь подлецу очень легко сделать подлость порядочному человеку", - ответила я. "Ну, потерпите еще недельку, скоро всё это кончится". Я согласилась, и что же? На другой день этот негодяй сунул мне в стерилизатор с чистыми простерилизованными шприцами грязный шприц с чьей-то - может быть, даже своей, - кровью и доложил начальству, что я невнимательно кипячу шприцы. Так кончилась моя работа у Вартаньяна, который спустя несколько дней был отстранен от дел и посажен в карцер как подследственный за новое тяжкое преступление: оказывается, он вместе со своей сожительницей бросил в уборную трупик рожденного ею ребенка. Несколько дней я проработала в корпусе гнойной хирургии, но страшное кровотечение, открывшееся на почве этих переживаний, уложило меня надолго в больницу. Дня через три после того, как я слегла, в моем хирургическом корпусе случилось страшное происшествие. Там лежал один матерый бандит, имевший срок 25 лет за несколько совершенных им убийств. Я очень холодно и осторожно обращалась к нему и в то же время просила врача как можно скорее выписать его из корпуса. Врач медлил, так как боялся мести со стороны этого преступника.

И вот в больницу, куда меня положили, прибежала испуганная санитарка и сообщила, что в ванной, куда она случайно вошла, она увидела бандита, который точил два огромных ножа. "Иди и сейчас скажи врачу (капитану-хирургу)!" - "Ольга Константиновна, я боюсь! Ведь бандит догадается..." - "Сейчас же иди и передай ему от моего имени..." - "Он и вас, Ольга Константиновна, убьет. Он на вас очень злится".

А вечером в больничной зоне началась резня. Как раз только что кончилась какая-то операция. Трое военных

врачей - молодые, здоровые мужчины - курили в пере-
вязочной, как вдруг через разбитые окна и взломанную
дверь ввалились несколько человек, совершенно окровав-
ленных, и стали прятаться в шкафы, под операционный
стол, под скамейки, заливая пол и белье кровью. За ними
ворвалась банда во главе с нашим убийцей. Врачей веж-
ливо попросили выйти из операционной, и все трое воен-
ных согласно покинули помещение, после чего бандиты
расправились с несчастными людьми, которые искали за-
щиты под знаком Красного Креста. На другой день бан-
дитов изолировали от массы заключенных и отправили из
лагеря в тюрьму, покойников снесли в морг, а врачи как
ни в чем не бывало продолжали работать.

(Окончание в следующем номере)

Павел В. ФЛОРЕНСКИЙ

Против кого мы водимся?

Предисловие

Отшумела предвыборная кампания. Прошли выборы. Завершился первый Съезд народных депутатов. Закончилась сессия Верховного Совета СССР. Наступили каникулы. Отдых. Осознание. Оценка. Отрезвление. Протрезвление? Перебирая вырезки из газет за апрель-июль 1989 года, неожиданно почувствовал оторопь. Вспомнились статьи о прошлых съездах. Много общего: сколько ликования, самоуверенности! Сколько чувств глубокого удовлетворения! Только теперь - самоудовлетворения. Шестое или уже седьмое чувство homo sovieticus'a. Раньше предметом шестого чувства был "тот человек, для которого все..." Теперь же - седьмого - мы сами. Продукты чувства самсудовлетворения равномерным липким слоем покрыли всех нас. Во всех газетах, во всех статьях: "Сколько же среди нас умных, хороших и интеллигентных людей!" В подтексте, конечно, "и я тоже!" А ведь в месяцы выборов и дни Съезда клочкотал Карабах, взорвался Тбилиси, ответными жертвами детонировал Сухуми, горел Новый Узень, чадила Фергана, дымила Уфа. А мы в это время смотрели, как многосерийный итальянский детектив то, что так правильно, зло и беспросветно мило обшутил М. Жванецкий.

Спокойно сошли с трибуны Съезда руководители грузинской компартии, так и не назвав имена отдавших приказ на убийство наших сестер. В страшные дни Ферганы того, кто обязан отвечать за порядок в республике, а потому - ответственного за гибель сотен людей (А. Голов-

ков, "Затмение", "Огонек", № 29, 1989 г.) - подавившим и подавляющим большинством голосов избрали председателем Совета Национальностей, а тем самым дали московскую прописку.

Что мы сделали в ответ на Фергану? Привычное: размагнитили видеопленку со словами народного депутата по Ташкентско-Кировскому территориальному округу № 598 муфтия Средней Азии и Казахстана Мухаммед-Юсуфа Мухаммед-Содика, который, говорят, молил, дабы избежать кровопролития, молил народных депутатов отдать приказ ввести войска в Фергану, чтобы сохранить жизни людей (из выступления народного депутата по Люблинскому избирательному округу Ю. П. Власова перед избирателями 16 июня 1989 года). Нишанова избрали председателем. Сохнут ли у голосовавших руки?

На той же трибуне седой академик, голодавший против афганской войны, с груди которого содрали золотые звезды, данные ему за создание ядерно-водородного щита Отчизны, был освистан после выступления инвалида той же афганской войны, который назвал героями тех, кто стрелял во имя исполнения "интернационального долга" и тоже был честен. Две недели спустя по всей стране ночами на могилах "афганцев" прошли шабаша - звезды и портреты погибших мальчишек трусливая и мстительная за академика рука мазала дегтем, аки ворота гулящих девок. Кто погибшие: герои или жертвы? Наши сыновья! Деготь с памятников смыли, но его брызги замарали и седины академика. (Велика страна советов - тесен мир. В "Литературной России" от 4. 8. 89 г. я опубликовал статью о планомерном разрушении памятников архитектуры "Победы и беды советской реставрации". Рядом опубликован крик о наших детях: Р. Фирсова, "Осквернители". Жуткое первобытное языческое надругательство над могилами. Кто прав, кто нет, кто виновен?)

В августе того же 1989 г. я был на семипалатинском ядерном полигоне. Под большим секретом Полишинеля в гостинице, с оглядкой на горничную, нас, человек десять журналистов и ученых собрали, чтобы показать видео-

запись рассказа 65-летнего бывшего бухгалтера колхоза Кара-аул Слямбаева, рассказа о том, как 12 августа 1953 года (так дана дата в БСЭ, а Слямбаев назвал 6 августа) 39 местных партийных и советских работников и одну продавщицу не эвакуировали, как большинство населения, а оставили невдалеке от горы Делеген, где взметнулся водородный - первый в мире - гриб. Попросили только выйти из домов - могли обрушиться... Тот же взрыв наблюдал и из укрытия его автор - тогда еще не доктор физико-математических наук, не академик и не многократный Герой социалистического труда (И. Шкловский, "Укрепи и наставь...", "Техника молодежи", № 8, 1989 г.). Был ли вообще - этот просмотр? Или это был кошмар после ночи в юртах на полигоне? Правда или провокация? Не ведаю... "Против кого мы с тобой дружим?.." Против кого метаем бомбы замедленного на десятилетия действия?

На том просмотре были и москвичи и много казахстанцев из Семипалатинска, Алма-Аты, Актюбинска, Усть-Каменогорска, снявшихся на телекамеру для передачи "Позиция" уехавшего из Кара-аула народного депутата от Советского комитета защиты мира Г. А. Боровика. Он писал ("За рубежом", 18-24. 8. 89, № 34, передовая "Невада и Семипалатинск, символы и проблемы"): "...при полном отсутствии какой бы то ни было информации о влиянии взрывов на жизнь человека люди, живущие в прилегающих районах, связывают с полигоном - иногда справедливо, иногда нет - все свои горести. Отсутствие овощей в сельской местности, головные боли, низкое медицинское обслуживание, возросшее число самоубийств, слишком большая жара летом и уж больно жестокие морозы зимой..." Что это? Ведь самоубийства у молодых чабанов и шоферов - это не страсти по Вертеру.

Что же с нами произошло? Вы ушли от нас. А мы-то с вами, "афганцы". С вами, потаенные караульцы. С вами, чернобыльцы, тифлисцы, ленинканцы, погибшие после упреждения Католикоса наложить печать на уста свои после событий на земле моих далеких предков, в Карабахе. С вами, ферганцы... Кто следующий?

Что же с нами произойдет?.. Если не можем сейчас ответить, то хоть сохраним материалы для тех, кто алчет и найдет ответ. Ибо мы в надежде, что горький урок наш пойдет кому-то на благо. Не это ли главный урок отчизны нашей многострадальной, как предрекал друг великого поэта, объявленный императором безумцем? Поэтому хватит. О деле. Не терять холодной головы. Не затыкать глаз, ушей и рта, как те три обезьяны на сувенирах аэропортов юго-восточной Азии. Вернемся же к началу, к выборам. Это был действительно взрыв запечатанной семь десятилетней энергии. Простим себе многое, ибо долгое терпение чревато истерикой и битьем головой о стены. Выборы выплеснули программы, речи, выступления, вопросы, листовки, мысли, слова, стоны. Говорят, что предреволюционную подпольную литературу и листовки собирала охранка. И, говорят, ее собрание уникально для истории. Говорят, что оно украшает то ли архив ЦК КПСС, то ли Музей революции, то ли ушло в США. А собрали ли современные листовки компетентные органы? Или проворонили их так же, как когда-то своего коллегу Пеньковского, а теперь Карабах, Тбилиси, Фергану?

Как же этот исторический момент - выборы - сохранится для будущего? Конечно, сохранятся газеты, журнальные статьи, обзоры, будут написаны воспоминания. Вместо многообразия кандидатов в народные депутаты, остались избранные, но нередко их программы оказывались забытыми на Съезде, как и листовки, отражая сиюминутные настроения инициативных групп. Первичное - главное - это избиратели, которые обозначили свое отношение голосованием, а до этого - на предвыборных собраниях и встречах, где присутствовала самая активная часть населения. К сожалению, протоколы собраний почти не велись.

Как начинались выборы

Будучи по роду работы собирателем-геологом, а по давнему, с детства, пристрастию - коллекционером-фила-

телистом, я собирал сначала листовки предвыборной кампании моего - Черемушкинского избирательного округа Москвы, - а когда был выдвинут на повторных выборах кандидатом в народные депутаты Загорского избирательного округа № 31, то не только листовки и газетные вырезки, касающиеся предвыборной кампании, но и письменные вопросы из зала ко мне на собраниях. Вот с этим фактическим, повторяю, фактическим источниковедческим материалом я и хотел бы вас познакомить.

Так как, по-моему, первичных факторов сохранилось, повторяю, немного, то я изложу материал, собранный в предвыборной кампании в 31-ом территориальном избирательном округе, куда входили Загорский, Талдомский районы и город Дубна Московской области (272.508 избирателей).

Старинный провинциальный Сергиев Посад, средоточие культуры и духовности. Промышленный Загорск с его заводами и тысячами рабочих, которые голосуют за "Загорск против Посада". Удивительно и совершенно неорганично собран наш 31-й избирательный округ. Поэтому Загорск и выбирает между "чужими" и "своими".

В Дубне почти все жители приезжие, это международный город с его всемирным престижем, институтами и заводами. И тяготеет он не столько к себе, сколько к Москве и ко всему миру.

Талдом. По угро-фински - "дом, домовитость", а по татарски - "усталость, остановка". Для меня это еще и город детства, кружковского, юннатского детства. Мы, юннаты московского зоопарка, ездили сюда смотреть журавлей. Журавлиная родина, такое название дали Талдому мои младшие товарищи по кружку, организовавшие в пойме реки республиканский заповедник. Двухэтажный деревянный дом городской гостиницы. "Вы - журавли?" Так встречала нас единственная сотрудница гостиницы. Журавли - это студенты биофака МГУ. Так что Талдомский район - одна из колыбелей зеленого движения. Удивительное место. Дожди, болота, сгнивший урожай, сумки с московских электричек. Еще Талдом славился тем, что сюда сго-

няли студентов московских вузов на картошку. Даже в названиях Талдом и Запрудное слышится берендеева древность, привязанность к земле, из-под которой теперь хотят выкачать воду, осушить, а поэтому и сжечь торфяные болота. В Талдоме выходит газета "Заря" и там один из самых экологических и патриотичных горсоветов. А еще много в округе деревень и дорог, которым по протяженности могут позавидовать иные государства.

Первый тур выборов в Народные депутаты я трудился в своем (по месту прописки) Черемушкинском избирательном округе, где в конечном счете боролись всемирно известный экономист, эксперт ООН по охране окружающей среды, эколог-трибун М. Я. Лемешев и бывший завкабинетом научного коммунизма моего Института нефти и газа, инициатор создания партийной группы при МГК КПСС по работе с неформалами и одновременно выступавший на выборах от имени Московского народного фронта - С. Б. Станкевич. Напомню, что у нас на выборах развернулась подлинная война листовок и митингов. Кампания в Черемушкинском районе была школой, хотя и школой со знаком минус: лозунг "Если выходишь говорить с народом, то обязан иметь открытое сердце и чистые руки" при недостаточном опыте борьбы с методами иными не привел нас к победе.

К выборам народ приступил неспешно и с недоверием - как и повсюду в стране, - не осознав еще поначалу ни своей ответственности, ни своих прав, ни своих обязанностей. Приступил, как к делу постороннему: "Будут приняты меры" - суется "Вперед" (4. 2. 89), говоря о пустующих общественно-политических центрах. Понимание важности происходящего, а с ним и активность приходили постепенно, в значительной степени - как реакция на несправедливость, нарушение воли избирателей, привычно этого не замечавших, и, особенно, на прямые директивные указания на желательных кандидатов газетой ("Вперед", 4. 2. 89): "Недочеты есть, но они исправимы". Позже я испытал эти незаметные сигналы в газете: "Этот не наш"!

Итак, в начале января в Талдомском округе выдвинули

доярку совхоза "Доброволец", депутата райсовета А. Я. Ломовцеву ("Вперед", 19.I. 89): "успешно справилась со своими социалистическими обязательствами, незаменима на скирдовании соломы и сена... добросовестно относится к своим обязанностям..." Далее агитация нарастает ("Вперед", 16.II. 89): "является представительницей рабочего класса и крестьянства (а, в связи с тем, что еще и женщина, то ведь она закрывает сразу три разнорядные позиции!)... надо накормить народ... возродить деревню... привлечь молодежь... завоевала сердца... - реконструкция мясокомбината и молокозавода". Она честно обещала то, что очень хорошо умела делать и делала всю жизнь; по Пушкину: "на весь крещеный мир приготовила б я пир", то есть решение продовольственной программы собственными силами.

"В обстановке полного доверия" ("Вперед", 26. 3. 89) - слова-то какие...!) в Краснозаводске выдвинут Н. А. Силин - директор НИИ прикладной химии: "...пользуется большим авторитетом... уделяет... социальному развитию поселка..." "Уважаемый человек ("Вперед", 9. 2. 89): "...человек опытный, мудрый... знает "болевые точки" нашего бытия... обязательный..."

Но активность избирателей нарастает и начинаются неожиданности. Были выдвинуты явно неформальные кандидаты.

В Загорске выдвинули С. А. Персианова, директора школы ("Легко ли быть директором?" - "Вперед", 9. 2. 89). Я увидел своего соратника-педагога: "...боюсь... случится ЧП... но...иначе нельзя... необходимо делать... выступить... школа - воспитательное учреждение...". "Преобладание централизации в аппарате... пресловутые "винтики"... Грешу пером: "пишу, в основном, рассказы". Но в отчете об окружном собрании уже видно ("Вперед", 16. 2. 89) давление извне: "...не просто ставит вопрос, а пытается найти ключ... гармоническое развитие личности... как получил квартиру (началось!) ...почему ушел из горкома... поступило письмо, якобы компрометирующее... кто-то упорно настаивал... соглашение..."

Второй неожиданностью было, по-моему, выдвижение в Дубне А. В. Беляева - депутата Дубнинского горсовета ("Вперед", 9. 2. 89): "...царила атмосфера энтузиазма... выступил со спокойствием... критически... реставрировал памятники архитектуры... соображения справедливости и нравственности... составил открытое обращение: "Церковь - верующим!" ...олицетворение политики перестройки не только на словах, а на деле". Позже ("Вперед", 16. 2. 89): "...неординарная авторская речь..."

Окружное собрание состоялось 10 февраля. "Вперед" (16. 2. 89): "Из пяти кандидатов - к регистрации - двое". Не считаясь с мнением избирателей и опираясь на дисциплинированность выборщиков, аппарат пошел традиционным путем, и в результате окружного собрания остались лишь два угодных ему кандидата. Пока ему было чему радоваться. Голосовали 1640 делегатов при отсутствии 37 так: за А. Я. Ломовцеву - 491, за Н. А. Силина - 482, за А. Л. Персиянова - 245, за А. Д. Сахарова - 219, за А. В. Беляева - 166. "Чувство глубокого удовлетворения" у начальства ("Вперед", 16. 2. 89) и мнение избирателя: "...мне, получается, голосовать нет смысла, за меня выбор сделали..." и, кроме того: "...давайте включим в список всех пятерых... дадим людям выбрать, решить...". Впрочем, оставив двух кандидатов, выборщики все-таки создали видимость хоть какой-то альтернативы, но и такой результат возмутил избирателя. Думаю, что взрыв активности вызвало окружное собрание Московского сельского национально-территориального округа № 2 РСФСР в феврале в Загорске. Уже началось соревнование городов и групп избирателей по выдвижению кандидатов. Их выдвинули небывалое, хотя и опасное количество - 13.

Однако перед самым собранием часть кандидатов сами сняли свои кандидатуры, а часть не были включены в голосование в соответствии с их выступлениями в печати (инженер В. Н. Бурков, ректор МГУ А. Л. Логунов, мастер-пекарь Р. А. Переверзева, продавец Л. И. Бусарова, экономист Н. П. Шмелев, академик А. Д. Сахаров, министр Б. Н. Ельцин, сотрудник института Международного рабочего

движения Ю. Ф. Карякин (с другим сотрудником этого института мы еще встретимся) и экономист Г. Х. Попов. Многие из них были выдвинуты в кандидаты и прошли в других местах.

Осталось четверо: инженер Г. А. Козлов, газорезчик В. Н. Луконин, слушатель ВПШ рабочий Н. И. Травкин и писатель Ю. Л. Черниченко. (Из них предпоследний никогда не был "простым рабочим", а последний стал лауреатом премии Минводхоза в самый разгар борьбы с "Переброской рек". Помню искажившееся лицо С. П. Залыгина, когда он сообщил на заседании ассоциации "Экология и мир" об этих избранниках.) Это собрание оказалось достойным "Крокодила", которое ославил Ю. Д. Черниченко и описал его. Приведу это описание полностью ("Крокодил" № 16, июнь 1989 г., с. 4, Юрий Черниченко "Дайте народу накормить себя"): "...местные власти повели дело так, что я даже поблагодарил их вслух за "возвращение в молодость" - ведь так же проходили, например, собрания партактива в Благовещенском районе Алтайского края в 55-м году... Собравшиеся в Загорске люди были настолько одинаковы, что я завопил с трибуны: "Ну кто же так подбирает публику? Возьмите самого захудалого режиссера с ЦТ, он вам и то сделает разнообразнее - один будет толстый, другой брюнет, тот лысый, тот красивый, будет хоть полифония типажей, а у вас тут однотипный партхозактив - все одного выпуска, в одинаковых костюмах, одного, кажется, цвета глаз, равно внимательно следящие за каждым моим жестом... Кто же так ставит спектакли? Внимательнее надо политмассовую работу проводить!" Ну, конечно, скрип зубовой, негодование, нас со строителем Николаем Травкиным оттуда с яростью выгнали, оставив, как подозреваю и намеревались, единственного кандидата.

Итог - "Впереди всех рабочих" ("Вперед", 25. 2. 89, статья Ю. Никонова), ибо остальные не набрали даже половины голосов "выборщиков", решивших за округ все сами.

Что же скажет от имени севера Московской области, например, газосварщик, делегат на XIX партконференции

В. П. Лукин? - "...забота о человеке... полновластие Советов... снять ограничения роста заработной платы... больше внимания детям - сиротам... пересмотреть статьи расходов на оборону... на космические исследования..." (последнее, по-моему, звучит, как "гони в шею науку!")

Но вокруг выборов по Загорскому территориальному округу № 31 развернулась война. Люди выступали не против оставленных в списке двух кандидатов, а выступили за свое гражданское достоинство, отнятое у них "выборщиками", рассортировавшими кандидатов по своему усмотрению, не считаясь с мнением народа, а народ - не безмолвствовал. Он уже почувствовал не только право, но и - что гораздо важнее - обязанность отвечать за происходящее. Однако, судя по газетам, тревоги начальство не испытывало, не подозревая, что люди уже не те, которые раньше "99,99% - единодушно"...

Стал продолжать обзор газет, составил перечень публикаций и вдруг понял, что он сам по себе красноречив и исчерпывающий. Рассказывают, что журнал "Плей-бой" однажды опубликовал обычную для него фотографию двоих, занимающихся любовью, и объявил конкурс на самую смешную к нему подпись. Неожиданно один юный читатель прислал очень остроумные подписи и не одну, а целую кучу. Премия! Но где же он их взял? - Да просто переписывал заголовки в районной газете. Вот и я приведу лишь заголовки из предвыборных номеров газеты "Вперед". Лишь две статьи посвящены только Л. Я. Лукомцевой, пять - выборам в целом, а остальные - Н. А. Силину. Итак. "Нужны не лозунги, а дела" (21. 2. 89); "Как работать дальше" (23. 2. 89); "Широко раскрыты двери" (28. 2. 89); "Советам - реальную власть", "Социальной сфере - главное внимание" и "В Дубне и Загорске" (4. 3. 89); "Его программа обоснована реально" (9. 3. 89); "Жизненность предвыборной кампании" и "Доверяем и верим" (11. 3. 89); "Вопросов было много" (14. 3. 89); "Только районное снабжение?", "Кандидатов принимают Березняки" и "Программа вызывает доверие", "Решая проблему в комплексе", "Я знаю, саду цвести" (18. 3. 89); "Мне важно, кто будет депутатом", "В общении

с избирателями”, “Голосуем с 7 до 20 часов”, “Все вопросы взяты на заметку” (21. 3. 89); “Роль советов незаменима”, “Перед городской аудиторией”, “Ее девиз - “народ накормить надо”, “Успех его дела - в связях с людьми” (23. 3. 89).

Действие рождает противодействие. Так оно и произошло. Раздражение выплеснулось и усилилось из-за неумения тов. Н. А. Силина держать себя с людьми, вести диалог на равных: он повышал голос на зал, был недоволен его реакцией и не считал нужным это скрывать.

Оба кандидата не прошли: из 270 избирателей 89,7% проголосовали так - за Н. А. Силина 36,5%, а за А. Я. Лукомцеву - 32,5%. Конечно, это поражение аппарата. Сделал ли он выводы? Сделал! Оптимистические! “...Несмотря на некоторые ошибки и невезение в проведении кампании, около 70 процентов избирателей отдали свои голоса за кандидатов, поддержанных ГК КПСС, а это - положительный итог” - именно так считает член ГК КПСС г. Загорска тов. К. Бобков (“Уроки выборов”, “Вперед”, 1. 4. 89). Более того: “Менее всего мы связываем эту ситуацию с деятельностью инициативной группы “Выборы-89”. Ею можно пугать, “повесить” на нее подпольную работу, связи, явки и т. д.” - так и написано тем же К. Бобковым.

Что же, даже если это и так, даже если вместе с тов. К. Бобковым верить написанному, то тем более ясно, что округ показал свой характер, осознал свою ответственность и, увы, свои разногласия с аппаратом. И задачи “Выборов-89” совпали с мнением избирателей. Итак, первый тур кончился, вызвав растерянность властей и уверенность в своих силах и правоте избирателей.

Моментальные фотографии кандидатов в народные депутаты

Создалось впечатление, что власти то ли махнули рукой на повторные выборы, то ли их опустили (руки, а не выборы, конечно). Памятуя волю избирателей, окружное

собрание при повторных выборах отменили. Поэтому в округе было выдвинуто 25 кандидатов. Выдвижение трех из них - И. М. Аникеева, Л. Г. Митрофанова и Н. И. Травкина - было признано недействительным по формальным причинам. Четвертый - юрист В. М. Савицкий - предпочел кунцевских избирателей, но, как оказалось, и там симпатия не стала взаимной, но уже со стороны избирателей. В листовке, приписываемой А. Расторгуеву, "Великолепное очко, или правила отбора", которая была отпечатана на компьютере и развешана в Дубне, говорится: "Итак, в округе 21 кандидат. После ухода Савицкого в другой округ перебора удалось избежать. Итак, очко."

Но почему так много? Зачем так много?

Некоторые объясняют размножение кандидатов происками аппарата, и эта точка зрения по-своему убедительна: Сидорова - в противовес Персиянову, Недачин оттягивает голоса Беляева, Савин - это Силин сегодня (и в противовес ушедшему в другой округ Травкину).

Но в целом приходится признать, что это результат пробужденной активности избирателей, процесс стихийный.

Перед избирателями теперь стоит нелегкая задача. Как выбрать из множества кандидатов, каждый из которых зовет нас - или почти каждый - к чему-то хорошему, говорит очень правильные и подчас смелые слова?.."

И здесь я хочу привести полностью один документ, который только добавил напряженности и без того накаленной обстановке:

"Председателю окружной избирательной комиссии по Загорскому территориальному округу № 31 тов. Ежовой В. П.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Об устранении нарушений ст. 45 Закона
"О выборах народных депутатов СССР"

Рассмотрев запрос окружной избирательной комиссии от 27. 04. 89 г. относительно соответствия программ кан-

дидатов в народные депутаты СССР Конституции СССР, информирую, что программы т.т. Березина Г. П., Дякина В. Н., Иванова А. С., Иванова Е. М., Козлова В. Н., Комкова В. П., Крутова А. Н., Недачина Ю. К., Нуждина Н. В., Персианова С. А., Романова С. В., Савина Ю. Н., Сидоровой О. В., Савицкого В. М., Стецовского Ю. И., Флоренского П. В., Чередилова А. К., Капитанского А. М. Конституции СССР не противоречат.

1. В программе т. Каракозова К. К. раздел "в области экономики", в частности о "денационализации" средств производства, противоречит требованиям ст. ст. 10, 11 Конституции СССР. Согласно ст. 6 Конституции, руководящей и направляющей силой советского общества является КПСС. Поэтому положение программы т. Каракозова К. К. относительно принятия закона о партиях не согласуется с указанной статьей.

2. В программе т. Беляева А. В. требованиям ст. 6 Конституции противоречит положение о многопартийности.

3. В программе т. Бовина А. Е. необходима конкретизация тезиса: "Надо отобрать власть у партийного и государственного аппарата". В связи с тем, что слово "революция" имеет несколько значений - коренное, качественное изменение, скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому, от старого к новому; переломный поворотный период в жизни общества и государства и др., полагал бы в целях избежания двусмысленности, правильного понимания гражданами (особенно недостаточно грамотными) программы кандидата в депутаты детализировать и эту её часть.

4. В программе т. Пияшевой Л. И. требует конкретизации тезис: "Суть перемен - разрушение монополюльно-мафиозной пирамиды власти и собственности". Её предложение о многопартийной системе противоречит ст. 6 Конституции. Та часть программы, где в качестве одной из форм собственности предлагается частная, противоречит ст. ст. 10 и 13 Конституции СССР, согласно которым в нашей стране допускаются государственная (общенародная), кол-

хозно-кооперативная (ст. 10) и личная собственность граждан (ст. 13).

Исходя из вышеизложенного и руководствуясь ст. ст. 1 и 25 Закона СССР "О прокуратуре СССР",

ПРОШУ:

устранить указанные нарушения Закона "О выборах народных депутатов СССР", о чем сообщить в прокуратуру.

Приложение: возврат программ.

Прокурор

советник юстиции

/А. Н. Кривоносова/

Этот "документ" высмеяли "Московские новости" в статье Е. Шарипова "Можно ли менять законы" и комментарии К. Лубченко ("Московские новости", № 22, 1989). Я приведу здесь отрывки из написанного - по моей просьбе - комментария моего соперника по выборам Ю. Н. Стецовского.

"1. Конституция СССР и Закон о прокуратуре СССР не дают прокурору права осуществлять надзор за выборами народных депутатов СССР. Этот вопрос решен в Законе о выборах народных депутатов СССР, согласно которому "Центральная избирательная комиссия по выборам народных депутатов СССР:

1. осуществляет на всей территории СССР контроль за исполнением настоящего Закона и обеспечивает его единообразное применение; входит в случае необходимости в Верховный Совет СССР с представлениями о толковании настоящего Закона..."

2. Городской прокурор взялся не только не за свое дело, прибегнув к представлению по поводу программы четырех кандидатов. Он, кроме того, незаконно изъясил в окружной избирательной комиссии программы, автобиографии и другие материалы *всех* 22 зарегистрированных

кандидатов. В разгар избирательной кампании граждане, обращающиеся в избирательную комиссию, не могли получить сведения о кандидатах. Выдавать упомянутые материалы избирательная комиссия не имела права. Следует отметить и то, что из-за допущенного произвола не была осуществлена намечавшаяся публикация красочных буклетов, содержащих сведения о кандидатах.

Указанные действия городского прокурора и избирательной комиссии препятствовали свободному ознакомлению избирателей со сведениями о кандидатах и агитации за них, что предусмотрено ст. 47 Закона о выборах народных депутатов СССР”.

Итак, кандидаты в депутаты и их программы.

Беляев Александр Васильевич. Из программы (“Вперед”, 25. 4. 89) и листовки: “Других не умалял - наш кандидат - Беляев. Кто он? - 41 год, системный программист (гор. Дубна), беспартийный, депутат горсовета. За что выступает? - Власть - Советам! Земля - крестьянам! - ...Рельсы рыночного регулирования - Отказ от догматизма... - Закон о политических партиях - ...повышение пенсий и пособий... - Обществу - духовность, храмы - верующим - Свободу слова, печати, собраний - Отмена смертной казни (возмущенное гудение зала на собрании. - П. Ф.)... Почему А. В. Беляев? - честность, принципиальность, целеустремленность, внутренняя культура - ...Борется за передачу верующим церкви Похвалы Богородицы - Думает о людях, говорит, что думает, делает, что говорит - Не поддается давлению «сверху»”.

В. В. Пальчик (“Дубна”, 17. 5. 89): “10 февраля заявление... А. В. Беляева о многопартийной системе было встречено репликами: “Как он не боится?” В весенней же кампании (“Вперед”, 25. 4. 89): “...многопартийность - необходимое условие политической демократии” - на что последовали протест прокурора г. Загорска в связи с нарушением Конституции СССР. “Великолепное очко”: “...честный, принципиальный, бесстрашный человек: “Мы уверены в нем, мы знаем, что он будет поступать именно так, как он говорит”. Его поддерживает сравнительно небольшая, но

верная до конца своему кандидату группа людей” (верность обязывает к взаимности - увы. - П. Ф.).

Все шло к самому лучшему, и то, что говорил А. В. Беляев, было нужно многим, однако 9 мая появилось: ”Заявление ...по моему глубокому убеждению... больше других достоин... Лариса Ивановна Пияшева - известный... ясно понимает... знает... за перестройку... может немедленно... принял решение... снять... отдать голоса... (Тираж ”Отречения”, как и листовки, - 5000). ”Дубна” (17. 5. 89): ”...моя программа по существу составляет часть программы Пияшевой...”. Голос из толпы на митинге: ”За это мы Вас выберем мэром!” А. В. Говорова, руководитель кружка юных техников (”Дубна”, 17. 5. 89): ”Я приветствую поступок А. В. Беляева, который...” (Мне совершенно непонятно, как свободные голоса свободных людей... передавать... призывать... Хотя в Дубне ему аплодировали. А ведь там, по-моему, он был лидером.)

Березин Геннадий Павлович, заместитель директора Запрудненского завода электровакуумных приборов, родился в 1940 г. в пос. Запрудня, член КПСС. Вся жизнь на заводе, где работали и его мать и отец. Овации поддержки в г. Талдоме, где на выборах он занял третье место - 6355 голосов (19,1%). Из программы (”Вперед”, 25. 5. 89): ”реформа правовых актов... разделение функций между советскими и партийными органами. Демократизация... увеличение пенсий, стипендий и пособий. Внимание экологии... Седьмое место (3,2%, 7150 голосов). ”Обращение: ...не вызывает сомнения... голосуйте за Бовина!” (Это второй тур: аутсайдеры во главе с Бовиным против лидера Крутова.)

Бовин Александр Евгеньевич, родился в 1939 г., член КПСС, политический обозреватель ”Известий” и один из самых популярных телекомментаторов: по мнению большинства, явный и недостижимый лидер, и всем было непонятно, почему его не пропустил до этого в Народные депутаты Союз журналистов. Повсюду видели его листовки, большие и маленькие, с текстом и с лозунгами, с хорошо узнаваемым характерным умным лицом Портоса из ”Десять лет спустя”. Личность!

Листовки: "ВЫ ЕГО ЗНАЕТЕ - ОН НЕ ПОДВЕДЕТ! А. Е. Бовин: ...о перестройке... о гласности... об экономической ситуации... о социальной политике... о создании правового государства..." "Об А. Е. Бовине: Р. А. Сагдеев... Л. М. Мухин... Рой Медведев... Виталий Коротич..." Из программы ("Вперед", 24. 4. 89): "...работал в журнале "Коммунист", и в аппарате ЦК КПСС (записка из зала: "Бовин, Вы получали паек, работая в аппарате?")... перестройка и революция. Революция означает смену власти. Надо отобрать власть у партийного и государственного аппарата (протест прокурора г. Загорска, квалифицировавшего эту мысль как "антиконституционную")... преодолеть отчуждение трудящихся от власти" (записка из зала: "Носит ли теперь тов. Бовин золотые часы, подаренные ему Л. И. Брежневым за хорошую работу и который на них час?"). "Великолепное очко": "Популярность Бовина понятна - это телевидение. Бовин привлекает тех, кто хочет перемен, но боится слишком быстро идти вперед, кто склонен к компромиссам, кому по душе левоцентристская позиция Бовина (записка: "Можно ли сохранить независимость журналиста, работая в "Известиях" и ТВ - органах парламента и Совмина? Что?"). К тому же при всей своей оттекаемости Бовин однажды вдруг проявил строптивость, за что на год был отлучен от телевидения". Из листовки: "...странная история... позвонили... извините... слухи... какому-то... послушаться боязно..." Из той же листовки: "...часто не мог, да и сейчас не могу писать все то, что хотел, что хочу. Но я и не пишу то, что считаю неправильным". "Не пишу" - характерно для Бовина. На собрании: "Я не писал и ничего не знал о подготовке статьи против моего конкурента кандидата в Народные депутаты Комкова, директора совхоза (статья в "Известиях" "Расплата за аренду", 28. 4. 89) - не могу же я отвечать за всю свою газету!"

Выборы, 14 мая, избирательный участок, голосование: "Бабушка, а ты за Сергиев Посад или за Загорск? - За Посад, сыночек. - Ну, так те, кто за Посад, пишут Бовина. Научить, как других вычеркивать? - Спасибо,

сын, помог". И позже: "Да не депутатов мы выбирали, а как город называть, так я за Посад голосовала!" (за достоверность ручаюсь. - П. Ф.). Это все-таки помогло; голосование: 33.054 голоса, 14,7%, второе после другого телекомментатора А. Н. Крутова место. Второе и в Дубне - 29,6% (после Л. И. Пияшевой) и в Талдоме - 19,8% (после Ю. Н. Савина).

Перед вторым туром: "Обращение... мы вполне сложили мнение... о качествах оставшихся... мы должны не эмоции, а ответственность за судьбу отечества (!!! - П. Ф.)... Голосуйте за Бовина!" И подписи: Берёзин Г. П., Дякин В. Н., Иванов Е. М., Каракозов Г. К., Козлов В. Н., Комков В. П. (и Комков! - П. Ф.), Пияшева Л. И., Сидорова О. В., Персиянов С. А., Чередилов А. К. ("Дубна", 17. 5. 89): "...в оставшемся дуэте я больше доверяю А. Е. Бовину". Избирателям осталось выбрать из двух телекомментаторов: один - "Свой человек, как мы", а другой - телеиндивидуальность. "Торговля" голосами не спасла, и А. Е. Бовин остался после повторного тура на втором месте - 27,5% голосов, что составляет практически треть - обычное свойство, логнормального (логарифмического) распределения при естественных процессах, близких к случайным.

Дякин Владимир Никитич, главный энергетик лакокрасочного завода, родился в 1946 г., член КПСС. Из программы ("Вперед", 24. 4. 89): "Осуществление предвыборной платформы КПСС - залог успеха перестройки... глашанность при решении экологических проблем... для женщин-матерей: трехлетний отпуск по уходу за ребенком". Девятнадцатое, предпоследнее место: 0,2%, 555 голосов. "Обращение... ответственность за судьбу отечества... голосуйте за Бовина!"

Иванов Анатолий Степанович, писатель, секретарь Союза писателей СССР, автор романов, лауреат премий и главный редактор журнала "Молодая гвардия", Герой Социалистического Труда, родился в 1928 г., партийность не указана. О его выдвижении: "М. Сорк. Альтернативный вариант" ("Вперед", 11. 4. 89). Из программы ("Вперед", 25. 4. 89): "...механизм исключаящий... новый культ лич-

ности, нарушения соцзаконности и необоснованности (так! - П. Ф.), осуждения людей... создание правового государства, в котором закон суров, без всяких снисхождений карал... и защищал... строгий контроль за ценами". Пятнадцатое место: 0,6%, 1348 голосов, из них лишь 28 - в Дубне. Записка из зала ко мне в г. Дубне: "Как Вы относитесь к выдвижению жителями Загорска реакционнейшего "застойного" писателя Анатолия Иванова?"

Иванов Евгений Михайлович, директор Краснозаводского техникума, родился в 1932 г., член КПСС. Листовка инициативной группы "За родной край" - тир. 5000: "Вы выбираете - человека, знающего Ваши нужды и живущего Вашими проблемами - достойное будущее Ваших детей - уверенность в завтрашнем дне - процветание родного края в своей отчизне". Другая листовка с портретом (тоже 5000): "Во всем видит человека... обновление школьной политики... главное лицо - учитель... мы затягиваем петлю на интеллектуальных ресурсах страны... приравнять воспитание детей к государственной работе... *Без повышения образованности, нравственности, углубления демократии не мыслю перестройку!*" Семнадцатое место: 0,3%, 755 голосов. "Обращение... мы сложили (так! - П. Ф.) мнение о политических и человеческих качествах... голосуйте за Бовина!"

Капитанский Александр Михайлович, начальник БРИЗа Запрудненского завода электровакуумных приборов, член КПСС, родился в 1952 году, "в 1987 году освобожден от должности секретаря парткома завода, так как не был согласен... с методами работы и кадровой политики..." Из программы ("Вперед", 24. 4. 89): "...изменение... системы распределения товаров... отмена всех льгот и преимуществ... роспуск всех министерств и создание новых..." Девятое место: 1,7%, 3923 голоса, из них в Талдоме - 3676 голосов.

Каракозов Георгий Константинович, начальник отдела Хотьковского предприятия, родился в 1926 г., русский, член КПСС. (О его выдвижении: М. Сорк. "Альтернативный вариант", "Вперед", 11. 4. 89). Из программы ("Вперед",

24. 4. 89) и из листовки: "Отец - член ВКП(б) с 1920 г., репрессирован в 1938 году и посмертно реабилитирован в 1958 г. ... В 1973 г. удостоен Государственной премии СССР... основой жизни общества является здоровая экономика... передача фабрик в коллективную собственность рабочим (на это - протест загорского прокурора)... за 71 год... не реализован лозунг "Фабрики - рабочим!"... зачем... нужен государственный план по выплавке стали? ... "денационализация" средств производства. Не реализован лозунг Октября "Земля - крестьянам!" ...Я не согласен с высказыванием товарища Лигачева... не нашел... воплощение лозунг "Вся власть Советам!" Прямые всенародные выборы Председателя Верховного Совета СССР... отраслевые министерства... ликвидировать. ...Закон о партиях... заседания Съезда Народных Депутатов и работу Верховного Совета СССР целесообразно проводить поочередно в столицах союзных республик... реконструировать предприятия в экологически чистые... прекратить промышленную вырубку... Загорск, Дубна и Талдом... не должны... в гигантов индустрии, а... как центра наукоёмкой продукции и интенсивного сельского хозяйства, как духовные центры... сделайте Ваш выбор. Будущее нашей родины в Ваших руках". Четырнадцатое место: 0,7%, 1552 голоса (из них 1459 - в Загорске). И потом: "Обращение... мы должны голосовать за Бовина Александра Евгеньевича!"

Козлов Виктор Николаевич, заместитель главного инженера головного ПО "Электроизолит". Член КПСС, родился в 1934 г. в г. Хотьково, один из его семи Почетных Граждан. Г. Н. Веркина ("Вперед", 11.V, № 56): "душой никогда не покривил...". Из программы ("Вперед", 24.IV, № 50): "...разделение власти... прямые выборы Верховного Совета, включая его Председателя... выдвижение только ...из региона, где живет кандидат... ликвидация министерств... сокращение аппарата управления, а не перемена вывесок и кресел... землю тем, кто ее обрабатывает... отмена должностных привилегий... экологические программы... прекратить вырубку лесов". Листовка: "...чтобы оставить след на Земле... деревьям... посадил штук 800... есть березовая роща

- санитарно-защитная полоса..." (на собрании я получил из зала записку: "На заводе "Электроизолит" заменяется технология, связанная с большим выделением фенола... По неофициальным данным то, что у нас выдается за новую технологию, за рубежом уже не применяется из-за ее токсичности... Козловцева Г. К."). У Козлова - тринадцатое место: 0,7%, 1578 голосов, из которых 1459 - Загорск. И - после 14 мая: "Обращение... За Бовина!"

Комков Владимир Петрович, директор совхоза "Константиновский", кандидат сельскохозяйственных наук, родился в 1940 г., член КПСС. Из программы ("Вперед", 24. 4. 89): "...накормить народ, вернуть уважение к земле... создание правового государства... Советам - реальную власть. Остановить рост цен... средства от сокращений военных расходов - на решение социальных программ... жесткий экологический контроль".

Из листовки инициативной группы: "...это думающий на перспективу руководитель, у него есть знания, он полон сил и энергии... это человек дела... он никогда не ждал команду сверху... в его программе нет пустых обещаний... построено 187 новых квартир, газифицируются деревни... пенсионеры ...получают прибавку... на Ваш стол поступят экологически чистые продукты питания (картошку по госценам совхоз продавал на рынке вместе с этой листовкой. - П. Ф.).

О единогласном выдвижении В. П. Комкова написал М. Кривенко ("Вперед", 15. 4. 89); он считался фаворитом даже у загорских властей, за что и поплатился в передаче "Сельским часом" 23 апреля (телевидение, ведомство кандидата в Народные Депутаты А. Н. Крутова) "В ход пускается (А. К. Чередилов в газете "Дубна" 17. 5. 89) эффективный телерепортаж". На этот телерепортаж тут же вышла статья В. Коновалова "Расплата за аренду" ("Известия", 28. 4. 89, где обозревателем работает другой кандидат в Народные Депутаты А. Е. Бовин): "...душа болит... мы позвонили в Московский обком партии... история вызвала серьезную обеспокоенность... обком занимается разбором..." А. К. Чередилов ("Дубна", 17. 5. 89): "...гну-

сний пасквиль..." Самодельный плакат на стене: "По телевидению, где зампарторга Крутов, была передача против Комкова. В "Известиях", где работает Бовин, статья против Комкова. Не слишком ли много совпадений вокруг имени нашего земляка?" В. П. Комков на собрании: "С февраля месяца - времени конфликта все уж давно и любовно улажено". (Жители совхоза были возмущены и поражены "оперативностью" - к моменту выборов, конечно, прессы. - П. Ф.) Голосование: пятое место, 11506 голосов, 5,1%. Но больше всего поразило меня: "Обращение... за Бовина Александра Евгеньевича... Комков".

Крутов Александр Николаевич, комментатор Центрального телевидения, 1947 г. рождения, партийность в газете не указана. Из интервью ("Вперед", 11. 5. 89): "...решил поехать завоевать Москву... играю в футбол..." С лозунгом: "Никто не может быть умнее своего народа!" проиграл в первом туре выборов в Октябрьском районе Москвы инвалиду Заславскому.

12 апреля в Гостелерадио СССР состоялось заседание парткома, одним из вопросов повестки дня которого была работа агитколлектива Гостелерадио. Обсуждалась неудача в предвыборной кампании Октябрьского избирательного округа, соперниками в которой был И. Заславский и комментатор телевидения Крутов. К агитколлективу Гостелерадио претензий не было. А неудача Крутова объяснялась, по мнению членов парткома, тем, что борьба, противником в которой был инвалид Заславский, именно по причине инвалидности, а народ Замоскворечья издавна милосерден и доверчив, была обречена. Кроме того, Крутов, будучи работником средств массовой информации, слабо, по мнению парткома, пропагандировался в газетах, дабы не вызвать нареканий и упреков. Неудачей сочли также наступательное выступление на теледебатах Крутова. Кроме того, неверно был избран образ: Заславский рисовался в прессе с человеческим лицом, среди инвалидов, с дочкой, в семейном кругу, а Крутов был несколько прям "по-парткомовски", прямолинеен.

Члена идеологической комиссии парткома Гостелерадио СССР Крутова на заседании парткома не было. В это время было начало предвыборного марафона в Загорске. Теперь, учтя ошибки первой избирательной кампании, пропагандистское ведомство блестяще, а поэтому почти незаметно - до каждого полушага срежиссировало облик "своего парня, как мы" - вплоть до беспомощности в ответах на вопросы, а особенно в передачах на ТВ и в газете "Вперед" (25. 4.; 9. 5.; 11. 5. 89). Из программы ("Вперед", 25. 4. 89): "...члены Политбюро ЦК КПСС... обязаны... отчитываться перед народом в своих действиях (по Уставу КПСС они отчитываются перед партией, знать надо. - П. Ф.) отмена... спецпайков... и так далее, вернуть женщину семье... засчитывать воспитание детей до семи лет в трудовой стаж". Из вопросов на собрании: "Тов. Крутов! Чем закончилось следствие по делу секретаря Вашего парткома гр. Сушкина, которому предъявлены обвинения по 18 пунктам? Ваше отношение как члена парткома ТВ?" Из интервью ("Вперед", 11. 5. 89): "...нынешний аппарат ни за что не отвечает. Он командует, призывает, отдает распоряжения, а кто несет ответственность? Мы. Мы расплачиваемся... меня обвиняли, что я подрываю авторитет коммунистов. Когда они воруют - не подрывают, а когда скажут гласно..." Записка на собрании: "Крутов! Вы работаете на ТВ Совмина. Как это сочетается с Вашей независимостью? Получили ли Вы на Вашу критику КПСС санкцию Вашего парткома?" Из листовки: "Вы с ним встречаетесь! Несколько раз в неделю на телеэкране в программе "Время", "Прожектор перестройки", передаче "120 минут". Во время предвыборной кампании две передачи А. Н. Крутова были посвящены Загорску. Улица города. А. Н. Крутов: "Что вы знаете об экологической обстановке в городе?" Отвечает удивительно угрюмый обыватель: "А пошел ты..." А. Н. Крутов: "Вот видите, никто не обеспокоен, никто не информирован", и т. д. и г. п.

Из интервью "Загорские проблемы стали моими" ("Вперед", 11. 5. 89): "...о Загорске... здесь боль... живут в ужасных условиях... на грани экологического кризиса...

начальники... используют город, как свою вотчину, где они хозяева" (цитата из телеспектакля "Вся королевская рать". - П. Ф.). Из листовки: "...его смелые бескомпромиссные слова зазвучат не только в эфире, но и с Кремлевской трибуны..." Газета "Говорит и показывает Москва" (5-11. 6. 89): "Доведется выступить, о чем? - Я уже пытался выступить, но пока доходила очередь, что хотел сказать, говорили предыдущие... моя тема... "гласность и экология"... "Великолепное очко": "...у него нет определенной программы, а люди, отдающие предпочтение Крутову, не имеют еще устоявшихся взглядов". Первый тур - 92278 голосов, 41,1%, первое место; второй тур - 150049 голосов, 69,7%. Народный Депутат! А. К. Чередилов ("Дубна", 17. 5. 89): "Народ заслуживает то правительство, которое выбирает". И правда: "Никто не может быть умнее своего народа". Записка после передачи "Сельский час": "Крутов, перестаньте травить нашего земляка Комкова!"

Недачин Юрий Константинович, заместитель директора приборного завода "Тензор", 1945 г. рождения, член КПСС, был секретарем Дубнинского ГК ВЛКСМ. Из программы ("Вперед", 24. 4. 89) и из листовки, где на оборотной стороне любезно напечатано "Небольшая житейская услуга" - расписание автобусов: "...заставить работать Закон о государственном предприятии; внедрять оптовую торговлю, все виды аренды. Конкуренция... ликвидация монополии аппарата... референдумы, приоритетность решения продовольственной, жилищной и экологической проблем Народными Депутатами". Одиннадцатое место: 1,1%, 2551 голос.

Нуждин Николай Васильевич, директор Загорского Центра научно-технического творчества молодежи "Нива", родился в 1958 г., член КПСС. Из программы ("Вперед", 24. 4. 89) и из листовки: "...разграничение функций полномочий... выборы... главы государства... Закон о печати... резкое сокращение числа министерств и ведомств... общественный контроль за экологическим состоянием... Закон об обороне... при участии молодежи... управление государством... решить проблемы..." 18-е место: 0,3%, 609 голосов.

Персиянов Сергей Александрович, директор школы № 4

г. Загорска, родился в 1964 г., член КПСС, один из лидеров города. Из программы ("Вперед", 25. 4. 89): "...отнять власть у чиновников... освободить экономику... отменить начальственные льготы... не жалеть средств на воспитание детей, здоровье и культуру...мы рискуем оказаться в тяжелом общенациональном кризисе..." Из листовки: "...В период предыдущих выборов проявил себя последовательным борцом против бюрократии, что вызвало серьезные противодействия со стороны официальных властей... когда его выдвижение в кандидаты было сорвано на окружном собрании". Во время предвыборной кампании ученики из его школы разносили по почтовым ящикам опубликованные ранее в газетах его острые статьи: "О чем мы молчали", "Холостые обороты", "Внедрение демократии" ("Советская культура", 18. 2. 89). "Великолепное очко": "...бывший инструктор Загорского горкома, сваливший второго секретаря, вдохновителя и организатора раблезианских пикничков с несовершеннолетними девочками". За него голосовало 9637 человек, шестое место, 4,3%. После первого тура: "Обращение... благодарим всех... мнение... количество... должны... за Бовина!"

Пияшева Лариса Ивановна, старший научный сотрудник Института рабочего движения АН СССР, беспартийная, 1947 г. рождения, фаворит г. Дубны. В 1979 году успешно защитила в Высшей партийной школе кандидатскую диссертацию. Название работы: "Государственное монополистическое регулирование занятости на современном этапе общего кризиса капитализма" очень забавно сочетается с каждым пунктом программы кандидата Пияшевой 1989 г. "Великолепное очко": "...свой секрет обаяния, причем это не просто женское обаяние... на первых встречах ее выступления проходили просто на "ура"... это профессиональная компетентность, это свободомыслие, это программа радикальных преобразований...". Из программы ("Вперед", 25. 4. 89): "...политический плюрализм... многопартийная система (привычный протест загорского прокурора - "Не конституционно!"), свобода... экономическая демократия..." Автор нашуемвшей статьи "Где пышные пироги?" ("Новый

мир", 1987, № 5), где обоснованно призывала выбирать или материальный достаток, или социалистические идеалы; статья была подписана Л. Попкова (на собрании: "Я же не могла рисковать. Ведь у меня две дочери и муж, Борис Пинскер. Он заведует кафедрой политэкономии. Мы с ним вместе работаем и сдали новую книгу в печать. Я не могла рисковать!") На собраниях читала длинные - часовые лекции-выступления о том, что и как у нас плохо (мыло, пенсии, жилье...), о спасении лишь в свободном рынке: "Давно нет ни капитализма, ни социализма. Забудьте эти названия! Меня и мою программу поддерживают Корякин, Сахаров, члены "Московской трибуны" - читайте мои листовки!" (а мои читатели пусть перечитают название ее диссертации. - П. Ф.). Доходчивость выступлений и кажущаяся доступность декларируемой "экономической модели" процветания в светлом рыночном будущем вызвали у неподготовленных слушателей состояние сопричастности науке и этому будущему. "Не бойтесь многопартийности, ибо она уже наступила; это хорошо! Компартия уже распалась на три фракции - Горбачева, Ельцина и Лигачева, есть еще беспартийная группа во главе с Сахаровым, и я к ним принадлежу. Это же совсем не страшно..."

Надо отдать должное группе поддержки Л. И. Пияшевой. Они работали блестяще. Г. А. Ососков ("Дубна", 17. 5. 89) "...доверенные лица... на своих машинах немало километров проехали вместе...". Видел я их - две машины, десять человек. Быстро рассеивались среди избирателей на собрании и в нужные моменты простыми рабоче-крестьянскими голосами дружно галдели из зала: "Мы не хотим (хотим)!", "Не мешайте ей говорить!", "Это нам интересно!". А когда кто-то вставал с грамотными возражениями, то уже орал: "Провокатор! Он из КГБ!" На каждом собрании Л. И. Пияшева получала груды записок, которые удивительно повторялись. Такие простенькие приемчики очень действовали. Наименее доверчивыми оказались избиратели в Талдоме, где все знают друг друга и "Мы" из зала не воспринималось как "НАШИ".

”Мы голосовали за Л. И. Пияшеву - обосновывают свои симпатии (”Дубна”, 17. 5. 89) В. И. Луговой, В. А. Говорова, Г. А. Ососков, В. В. Пальчик, кандидат в Народные Депутаты А. К. Чередилов и бывший кандидат А. В. Беляев; бывший, ибо 9 мая: ”Заявление... Беляев... узнал... достоин... Пияшева... понимает... осознает... знает... она - за... может немедленно... я принял решение... признать... отдать... за Л. А. Пияшеву...” Г. А. Ососков (”Дубна”, 21. 5. 89): ”...это существенно увеличило число голосов - за Л. И. Пияшеву”. В первом туре голосования - первое место в Дубне - 11.388 голосов, 30,9%, но лишь третье место по округу - 19.832 голоса, всего 8,8%. И после 14 мая: ”Обращение... сложили мнение... не вызовет сомнений... за судьбу отечества... за Бовина!”

Уже после выборов вышло интервью экономиста Ларисы Пияшевой ”Обещаниями сыт не будешь... Концепции светлого будущего нет места в серьезной науке” (”Комсомольская правда”, 25. 5. 89): ”...реальность дурного компромисса: создать изобилие, не разрешая рынка, пообещать экономические свободы, сохраняя ”социалистические завоевания”... совместить социалистическую идеологию с экономическим благосостоянием нельзя... Массовый террор начался в 1918 году... законы правового государства, направленные... на защиту личности от государства, а не наоборот... наше время... брать на себя ответственность...” Опубликованная тут же контрстатья Александра Афанасьева ”Изобилие не завезешь, как бусы папуасам, любой строй надо терпеливо строить самим” лишь подчеркивала убедительность аргументов нашего кандидата. Другая статья вышла в журнале ”Родина” (№ 5, 1989): ”Политический диалог. Экономическая реформа: пути и цели. Л. Пияшева. Не пора ли бить в набат?” В ответе Н. Петракова ”В окопах старого мышления” признается справедливость многих высказываний Л. Пияшевой, но ”...ход рассуждений прост... черное - белое... крестики - нолики... социализм - капитализм. Бунт Л. Пияшевой в перемене знаков плюса на минус... в рамках старой системы... экстремизм мысли... рождает экстремизм действия... вновь нейметя!” На

собрании: "Нет социализма и капитализма! Забудьте эти слова! Это не страшно!"

Романов Станислав Васильевич, директор Загорской грузовой автоколонны № 1128, родился в 1947 г., член КПСС. Из биографии ("Вперед", 25. 4. 89): "...трудился... рабочим... механиком... без отрыва... институт... директор... депутат Загорского горсовета". Листовка: "...принцип - меньше слов, больше практических дел. Платформа - за социальную справедливость, благосостояние людей и оздоровление окружающей среды". Календарик с портретом - спасибо, но зачем же вот такая листовка: "Восточный гороскоп и древние астрологи... о кандидате в Народные Депутаты СССР Романове Станиславе Васильевиче: обладает большой душевной чуткостью при развитом уме и сильном свободомыслии. Часто поражает окружающих своим ясновидением. Справедлив, искренен, сердечен, - прямолинеен, способен к самопожертвованию, наделен недюжинной силой, которую вкладывает полностью во все, что делает, - Его планета-покровительница - Луна - сильная, может влиять на все планеты, меняя их силы и действие; - Типичная черта характера: благородство, честность, справедливость; - По гороскопу 14 мая для него - счастливый день, год Змеи - период особенно удачных свершений, так называемый (! - П. Ф.) период взлета, творческого, производственного (так, вероятно, в восточном гороскопе. - П. Ф.), духовного подъема. Голосуйте за С. В. Романова. Подписано к печати 24. 4. 89 г. Мытищинская типография Упрполиграфиздата Мособлисполкома. Зак. 2366. Тир. 1000". Из интервью (П. Журавлева "Беспринципным не буду", "Вперед", 6. 5. 89): "Я не международный обозреватель, не доктор наук, не писатель... аудиторию они умеют покорять... Нам остается покорять наши беспокойные будни". Десятое место: 3568 голосов, 1,6%.

Савин Юрий Николаевич, председатель Московского областного строительного комитета, родился в 1931 г., член КПСС. Из программы ("Вперед", 25. 4. 89): "...гласность... борьба за мир... обеспечение... жильем... запрет на утилизацию радиоактивных (ошибка: надо - высокотоксичных. -

П. Ф.) отходов в пос. Шеметово". Листовка (тираж 150.000, на что вопрос на встрече в Загорской милиции "На чьи деньги?"): "...увеличение жилищного строительства в Загорском, Талдомском районах и городе Дубне за счет... домостроительного комбината в Загорском районе... (Вопрос из зала: "А откуда будете завозить сырье и рабочих? - снова лимитчики?")... построить откормочные животноводческие помещения (Вопрос из зала: "А корма откуда?" - Накосите в районе! - гул в зале), ...продукция... будет реализовываться на месте... интересы жилищного строительства *нашего* района..." "Великолепное очко": "Савин - это Силин сегодня (отвергнутый избирателями в первом туре кандидат, директор НПО "Радон". - П. Ф.) и противовес перешедшему в другой округ Травкину... мастер дела... предусмотрено построить в округе два мясоперерабатывающих завода" (! - до этого - животноводческие помещения. - П. Ф.). Весь округ, все столбы обклеены его листовками, которые возобновляли ежедневно. (О его рекламе читайте: "Вперед", 11. 5. 89.) Четвертое место - 16.078 голосов, 7,1%, а в Талдоме - первое место (8591 - 25,8%).

Савицкий Валерий Михайлович, заведующий отделом законности Института государства и права АН СССР, доктор юридических наук, родился в 1930 г., член КПСС. Из программы ("Вперед", 25. 4. 89): "...защищать права и свободы... проекты... законов... получение информации... отменить привилегии... пенсии... отпуска..." Заранее, до выборов снял свою кандидатуру и баллотировался в другом округе, где не прошел.

Сидорова Ольга Васильевна, директор Загорской средней школы № 14, родилась в 1948 г. в Загорске, член КПСС. Из программы ("Вперед", 25. 4. 89): "Здоровье общества определяется тем, как в нем чувствует себя женщина, старики, дети". "Великолепное очко": "...кто боится радикальных перемен, кому присущ здоровый консерватизм, пусть не упустит из виду... главный лозунг - не навреди!". Шестнадцатое место, 848 голосов, 0,4%, из них 712 - в Загорске. "Обращение... вашим выбором... Бовина!"

Стецовский Юрий Исаакович, юрист, адвокат, профессор Московского института инженеров железнодорожного транспорта, родился в 1927 г., беспартийный. Из программы ("Вперед", 25. 4. 89): "Деятельность в сфере прав человека... добиваться отмены несправедливых и незаконных решений". Из листовки: "...все советское законодательство в полное соответствие с Международными Пактами... право обращаться в Международный Комитет по правам человека". Последнее двадцатое место, 175 голосов, 0,1%. Предвыборную кампанию он, к сожалению, не проводил...

Флоренский Павел Васильевич, доцент Московского института нефти и газа, 1936 г. рождения, беспартийный. О себе написал ("Вперед", 25. 4. 89), что я педагог, эколог, активист природоохранных объединений, участник борьбы против "переброски рек", член Научной комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры. Основа моей программы - борьба за правовое государство, конкретное направление - экология, образование, культура. Ряд моих листовок был подписан Зеленым движением и Социально-экологическим союзом. Материал обо мне есть в газете "Вперед" (8. 4; 18. 4; 25. 4; 9. 5; 11. 5 и провокационная 13. 5. 89, где перепутав инициалы П. В. вместо П. А. Флоренский, газета сообщила о нехорошем обществе имени П. В. Флоренского, которое пропагандирует плохого В. В. Розанова; общества такого не существует). Восьмое место - 5590 голосов, 2,5%.

Чередилов Александр Константинович, первый секретарь ГК ВЛКСМ г. Дубны, родился в 1957 г. в Дубне, член КПСС. На предвыборном значке: "Дорогу молодым. Голосуйте за Чередилова". "Великолепное очко": "...его задача - сплотить комсомольцев". Из листовки (тир. 5.000): "...не-совершенны наши Конституция и Законы о выборах. Ответственность за ошибки прошлого должна нести вся правящая партия... демонополизация в политической и культурной жизни... Вся власть Советам! ...реформа цен... остановить эмиссию денег... Проблема отцов и детей была актуальна во все времена... главное... материнство и детство... учи-

телям... условия... стыдно... за наши родильные дома... молодежи... доверять строительство будущего. Хватит петь песни типа: "Сегодня не личное - главное, а сводки рабочего дня"... вернуть реальное нравственное учительство, почитание родителей, возродить славянскую культуру". Двенадцатое место - 1893 голоса (0,8%), из них 1459 (40%) - в Дубне. Интервью ("Дубна", 17. 5. 89): "...благодарен коллективу... пройти... политическую школу и сбросить 6 кг веса". Записка из зала ко мне: "...уступите мандат депутата (откуда он у меня? - П. Ф.) своему соседу Чередилову. Он еще многое может сделать для молодежи. У него светлая голова, глубокие мысли" (женский почерк и неразборчивая подпись).

Судьбное заключение

Ночь с 14-го на 15-ое мая 1989 г.; скоро будет светать. Уже давно, в 20.00, закончилось голосование, а в 22.00 прошла по программе "Добрый вечер, Москва" телепередача о моем деде - священнике Павле Флоренском, в которой мы с моим братом отцом Андроником говорили о том, какой славный Сергиев Посад, а в заключительных кадрах отец Андроник звонил в большой колокол (передача намечалась раньше, но так как телевидение не делает подножки своему телекомментатору и члену своего парткома, кандидату в народные депутаты, то передачу перенесли на день, когда она уже не могла повлиять на результаты голосования).

Я собрался идти в Избирательную комиссию, куда должны начать стекаться результаты голосования. Тихо, пытаюсь не беспокоить близких, вышел из дома, где вырос и с которым связаны первые в жизни впечатления. Он такой же, да и мало что изменилось на нашей улице. Осторожно закрыв дверь, подумал, что именно через эту дверь я когда-то самостоятельно "убежал на улицу", дверь хлопнулась, и я тогда испугался, оказавшись "отрезанным" от своих. На углу Вифанской (Комсомольской)

улицы вспомнил, как летом 1941 года здесь проходили колонны красноармейцев. Мы, дети, пытались совать им цветы, а они, не замечая детских рук, печатали шаг, прижимая трехлинейки образца 1891 года. Помню их взгляды мимо нас, то ли назад, к дому, то ли в неизвестное будущее войны? Помню баррикады, перегородившие улицу, с амбразурами для пушек. Помню, как мы мечтали, что тут произойдет бой, когда (в этом мы были уверены) на наших глазах красноармейцы полностью победят фашистов.

Вдали мерцают золотые купола Лавры, дважды бухнул колокол, отмечая время и напоминая мне, как совсем недавно на Пасху звонил я на колокольне Лавры, а на воротах висел плакат: "Лавра и Семинария голосуют за Флоренского". Спасибо... Продирают голоса грачи. В расцветшей в полкисти черемухе пробуют голоса славки и распеваются малиновки. Я думал, что знаю город, где рос и который очень люблю. Но сколько нового открылось мне в нем за последний месяц!

На улице еще висят плакаты: громадные - Ю. Н. Славина; с портретами на машине, дома и на работе - С. В. Романова; разнообразные - А. Е. Бовина. Кое-где сохранились и мои: на одном надпись от руки - "Он борется против могильника". Спасибо! Плакаты уже начали срывать, и ветер гонит их по улицам, а они бегут, продолжая наше соперничество.

Все ли я сделал так, как ждали от меня мои доверенные лица и избиратели? Все ли сделал я правильно? Наверное, нет... можно было и больше. Сел против лаврской стены и стал перебирать события прошедших недель. Избирателей беспокоила справедливость и отношение к нам, кандидатам, "отцов города": "Чувствуете ли вы поддержку номенклатуры аппаратом?" Применялись ли ко мне силовые приемы аппарата? Уверен, что если бы мы стали разворачивать кампанию, опираясь на недоразумения с начальством, на скандалах, то получили бы больше голосов. Так делали многие кандидаты в других округах. Однако все местные кандидаты избирательные кампании вели удивительно кор-

ректно и патриотично, и мы не поддавались соблазну. Напротив, в отличие от нас, кандидаты в депутаты - работники центрального пропагандистского аппарата - их двое среди нас - позволяли себе "весьма смелые", как казалось слушателям, выпады в адрес правительства и партии, в которой они функционировали, за что получали аплодисменты и вопросы: "Получили ли вы разрешение вашего парткома на высказывания, нарушающие Устав КПСС?" А. Н. Крутов ("Вперед", 11. 5. 89): "Меня обвиняли, что я подрываю авторитет коммунистов. Когда они воруют, то не подрывают. А когда скажут гласно..."

Однако напряжения в моей предвыборной кампании были. Я расскажу о некоторых. Мои доверенные лица обратились в парткомы крупнейших загорских заводов - ЗОМЗа и ЗЕМЗа - с просьбой дать возможность встретиться с рабочими. Но получили категорические отказы, а пленку с моим выступлением, наговоренную в радиостудии ЗОМЗа размагнитили. Отказ мы получили и в Московской Духовной Академии. В ответ я решил пикетировать: делать - так по-крупному! Первого мая во время демонстрации я пикетировал ВЕСЬ город. Художники приготовили большой плакат: "Я - Флоренский Павел Васильевич, ваш кандидат в народные депутаты, я хочу с вами говорить. Задавайте мне вопросы". Повесил этот плакат на грудь моего племянника Сережи Никитина, и мы пошли по главной улице навстречу колоннам демонстрантов. Навстречу шел С. А. Персианов во главе своих "разбойников" - школьников, среди рабочих ЗЕМЗа - А. Н. Крутов с женой и сыном, выполняя указания своего парткома. Милиционер попытался было меня взрывать, но махнул рукой. Так как весь город, как, впрочем, и вся страна, видали пикетирование только в телепередачах о забастовках в Японии, то меня не все правильно поняли, и на собрании я получил такую записку: "Ваше поведение на демонстрации в Загорске 1-го мая раскрыло Вашу суть не как борца за молодежь - наше будущее, а как нечестного человека, рвущегося к мандату депутата. 11. 5. 89. Лазко". - Единственное, что было нечестно, - это то, что я не брал разрешение на пикети-

рование всего города. Впрочем, приравнивание пикетирования к уличным шествиям шло уже после выборов.

В последние дни кампании я поочередно пикетировал оба завода: встал с плакатом и мегафоном против проходной и говорил с людьми. Около ЗОМЗа меня "глушили": поставили агитмашину, которая играла рок-музыку. Я вывесил новый плакат, написанный от руки: "Я не Голос Америки. Не глушите меня!" и продолжал интереснейшую беседу с рабочими. Около ЗЕМЗа меня "критиковали" воровцы. Но народ принял мою сторону, и они не решились "связываться". Итак, я пикетировал весь город, а потом поочередно два самых больших его предприятия. Впервые в истории города. Все-таки я сначала педагог, а "нечестный человек" уже потом.

Второе. Мы провели 2-го мая 1989 года первый в истории города неформальный митинг. Мы своевременно дали заявку в горсовет о проведении митинга на Летней эстраде около Дворца культуры. Горсовет сначала разрешил, а в последний момент нас начали перегонять в душный клуб Трикотажной фабрики. Но народ уже собрался, несмотря на сбор картошки и похмелье, принесли и развесили плакаты и транспаранты (спасибо художникам!), усилители наладили. Конечно, было соблазнительно пройти всей колонной, со всем хозяйством, мегафонами - через весь город по автостраде, по которой спешили в Москву автомобильные дачники. Было бы лестно стать первоорганизатором и первой неформальной и несанкционированной демонстрации в городе, где и советская власть-то установилась лишь в 1918 году, тогда, когда ее уже начали трансформировать. Я уже собрался сыграть наивняка и подчиниться секретарю горсовета Егорушкину, но подошел майор милиции, представился и просто умолял остаться: "Вам же переходить главную улицу, там машины могут задавить, пожалуйста, не надо". Увы... Первая несанкционированная демонстрация в городе - пока дело будущего.

Вокруг летней эстрады кроме жителей сосредоточилось несколько "природоохранников" в штатском и в форме. Сначала они вроде бы случайно стояли за кустами и пе-

реговаривались по рациям, а потом, когда увидели, что мы ведем себя мирно, стекла не бьем и даже рассказываем что-то интересное, их кольцо начало стягиваться, постепенно они оказались не только среди нас, но и с нами. Думаю, что после митинга милиция сильно "позеленела" и в понятие "порядок" будет больше вкладываться и "экологический порядок". (Однажды на одном экологическом митинге я сказал лейтенанту милиции, который что-то строил в свою тетрадку, о том, что все и так записывается на магнитофон. "Не мешайте, - отмахнулся он от меня, - я сыну, для школы...".)

Быть может, с точки зрения предвыборной кампании мы неверно построили митинг, считая главной не шумно пропагандистскую, а просветительскую задачу. Выступавшие рассказывали о зеленом движении, об экологической обстановке в области и округе, выступали ученые, публицисты, выступил даже настоящий "зеленый" ирландец. Спокойный стиль митинга несколько нарушил стремительно заявившийся со свитой мой соперник А. Н. Крутов, который в Москве выступал как борец за инвалидов, а здесь его темой стала "гласность и экология". Он стал говорить, что пусть-де ученые готовят материалы, а уж по телевизору то показывать это будет он. (Во время предвыборной кампании против И. И. Заславского, А. Н. Крутов провел телепередачу, посвященную инвалидам. Там он говорил о том, что пусть-де, И. И. Заславский будет инвалидом, а бороться за его права и здоровье будет он, А. Н. Крутов. Но в Москве проголосовали за инвалида, а не за футболиста. В Загорске же вышла листовка: "Земляки, москвичи нам подсунули кандидата лихого, но дутого. И теперь все их телевидение пропагандирует не нас, а ковбоя Крутова".)

Впрочем, на митинге был действительно "острый момент", когда микрофон взял секретарь горсовета, а его окружили участники митинга и говорили ему всё, что наболело. Я уже переглядывался с милиционерами (все же отвечали за эксцессы мы), но обошлось без кровопролития.

Долго после митинга не уходили загорчане от эстрады,

осененной гербами древних городов. Разлился царский звон колоколов; в Лавру приехал Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Пимен, и католик "зеленый" Питер Эмерсон из Северной Ирландии, впервые попавший в Загорск, - видел встречу Патриарха и был принят в трапезной Лавры. Отчет в газете о митинге (Л. Николаева "Митинг в Загорске". "Вперед", 9. 5. 89) был написан так, как будто даже мои доверенные лица призывали голосовать за А. Н. Крутова. Случайность?

Третье напряжение в газете - тревожное. "Вперед" (11. 5. 89) в канун выборов опубликовала "Письмо встревоженного читателя, пропагандиста с 30-летним стажем", М. Козлова "За какое наследство мы боремся?" В письме рассказывалось о вечере, прошедшем еще в феврале месяце (!), посвященном жившему и умершему в Сергиевом Посаде замечательному мыслителю В. В. Розанову. По мнению автора письма, В. В. Розанов был "не нашим" философом. Кроме того, звучавшие на вечере призывы вернуть городу его историческое имя автор письма тоже не одобрял. Сообщалось, что вечер был организован во Дворце культуры Загорска "Обществом имени П. В. Флоренского". То есть моего имени. Но такого общества нет и быть не может. Что это? Или команда против меня: "Этот не наш". Или просто опечатка и автор тревожится о моем деде, П. А. Флоренском. Впрочем, общества и его имени тоже нет... Хотя как идея... Надо подумать... Поэтому записка из зала: "Не считаете ли Вы, по крайней мере, нескромным использовать в предвыборной борьбе имя своего деда?" - Как видите, использовал его не я, а другие. Против меня.

И все-таки серьезного противодействия я не встретил. Напротив. Отношение ко мне, личное отношение, и властей, и сотрудников газеты и радио было подчеркнуто доброжелательным. Кстати, этот же вопрос задали мне сотрудники английского принца Эдуарда, "прорубавшие окно" из Европы к нам для своей матери, Ее Величества королевы Англии, Елизаветы II. Интервью я давал в перерыве между предвыборными собраниями, не успев еще перестроиться от

разговора с рабочим к разговору перед троном. Я так и сказал: главное - перестройка идет в наших душах, и она-то необратима; отвечал, помня бескомпромиссные вопросы избирателей.

Конечно, не все так уж безобидно, как и всюду в мире, во время предвыборных кампаний. В дни, когда я разбирал свои заметки, я услышал по радио, что где-то в Тропической Африке полицейский, сторонник одного из кандидатов на выборах, поймал и убил доверенное лицо кандидата-соперника - по верованию, печенка сторонника врага способствует победе. Их нравы...

Мы не такие. Можно съесть не печенку, а программу конкурента средствами массовой информации, то есть тоже коллективно. Сделать, например, телепередачу в защиту инвалидов, конкурируя с инвалидом И. И. Заславским, или по экологии, конкурируя с П. В. Флоренским. Но конечно, надежнее все-таки отдать "на съедение" самого кандидата. Например, сделать телепередачу о неладах, скажем, директора совхоза В. П. Комкова с кооператорами (отношение к кооперации - оселок предвыборной кампании), а потом ("дожевать" остатки этого кандидата, разложенные на листах "Известий" - 28. 4. 89). Так что, центральный пропагандистский аппарат для поддержания двух своих кандидатов рыл землю под их конкурентами. А округ дружно пошел по прорытой траншее, затаптывая в нее В. П. Комкова. И все-таки избирательная кампания в нашем округе - там, где она касалась жителей и местных кандидатов, - была очень корректной, я бы сказал, бесхитростной (маленькая оговорка касается обоих лидеров, которые работают ведущими функционерами центрального пропагандистского аппарата и которые вдвоем сделали "мокрое" дело, уничтожив арсеналом своих ведомств кандидата В. П. Комкова.)

Уже стало светло, я встал и пошел в горсовет, в Избирательную комиссию, где собрались члены избиркома и некоторые активисты: доверенные лица Л. И. Пяшевой, генерал, командир гарнизона, отец Федор Мушинский и другие. Председатель комиссии Е. Ежова, как всегда, соз-

давала домашнюю обстановку; при ее стальном - где надо - характере ректора техникума, она это уверенно позволяет себе (я видел ее во гневе и поэтому знал, что на шею Комиссии никто не сядет).

Уже предварительные результаты голосования меня поразили и, по-моему, других присутствовавших тоже. Хотя чему, собственно, удивляться? Все было ясно после опросов на предвыборных собраниях, следовавших за телепередачами. Но головой не получается понимать то, что, как и всякое плоское, лежит на поверхности. Голосуют за тех, кого знают, но знают издалека. А знают "ящик"-телевизор. И голосуют в первую очередь за него, главное - лишь бы за "не своих". Все лидеры - абсолютно чужие округу - заняв первые четыре места - забрали 71,1% голосов. И лишь за ними идут загорчане, дубнинцы, талдомцы. Что это? Неужели мы почти "не дружим"? Неужели не нашлось среди жителей округа людей, вызывавших доверие избирателей?

Увы, это так, предпочли не своих, а чужих, не реальных, а телевизиорных. Впрочем, всё это эмоции. А я взялся рассказывать о выборах, коли трудно их пока объяснить и почти невозможно (я в этом убежден) дать точный прогноз распределения голосов на будущее.

По роду научной работы мне приходится анализировать распределение по природным объектам той или иной их естественных характеристик.

Привычным путем я нанес на график распределение голосов среди кандидатов в народные депутаты. По горизонтали я отложил места, которые каждый из них занимает, а по вертикали логарифм числа отданных за каждого из них голосов. (Можно оперировать процентами голосов, это не принципиально.) Построил и, хотя втайне был готов к этому, не поверил себе: та же прямая! В принципе на аналогичную прямую легли распределения голосов избирателей и по Загорскому, Талдомскому и Дубнинскому районам, и по всему округу в целом. Более того, распределение голосов в Москве - в Люблинском, Пролетарском и Кунцевском избирательных округах - точно такое же.

Точно такое же, как и распределение энергии землетрясений, массы метеоритов, населенных пунктов в зависимости от населения и многих других явлений. Что же из этого следует? Во-первых, то, что прошедшие выборы не искусственный, а естественный процесс, судя по естественности распределения голосов. Поэтому наши предвыборные кампании, выступления, листовки, телепередачи, статьи в газетах - естественное явление, позволяющее, помогающее раскрыться этому процессу. Конечно, разговор идет не об отдельных кандидатах, их достоинствах, корректности и т. д., а о противостоянии двух единых явлений, двух единых коллективов: с одной стороны, - двадцатиглавого кандидата в народные депутаты, а с другой, - многотысячного избирателя. И то, как понравился первый второму - степень симпатии, ее распределение, ее характер - ничем не отличается от других естественных процессов.

Итак, голоса 224.257 избирателей (82% от общего числа) легли на прямую в логарифмическом масштабе; то есть число голосов, поданных за одного кандидата, отличается от числа голосов, поданных за другого, в 1,5-3 раза. В среднем. Другими словами, число голосов, поданных за любого кандидата, больше суммы голосов, поданных за кандидатов, набравших меньшее число голосов, занявших следующие места. Так что "складчина" голосов смысла не имеет. Нет, есть много случаев, когда два лидера имеют близкое число голосов, еще чаще мало отличаются аутсайдеры. Но общая тенденция налицо. Это мог увидеть компьютер, который видит только цифры, а я знаю предвыборную кампанию изнутри, помню лица и избирателей, и кандидатов, и посмотреть, как распределились голоса, особенно интересно.

Лидеры - это обязательно чужие люди. Я бы сказал, чуждые округу люди. Но - увы - им отдали четыре первые места: А. Н. Крутов, А. Е. Бовин, Л. И. Пияшева, Ю. Н. Савин собрали 71,1% голосов, при соотношении: 41,1% - 14,7% - 8,8% - 7,1%. В районах, взятых отдельно, это лидерство москвичей не столь абсолютно, но уж два-то места "варягам" отдано обязательно. И лишь из остатков

получили свое лидеры жителей. В каждом городе нашлись два своих, местных лидера: в Загорске В. П. Комков и С. А. Персианов (7,1% и 4,6%), в Талдоме - запрудненцы Г. П. Березин и Л. М. Капитанский (19,1% и 11,0%), а в Дубне - Ю. К. Неделин и А. К. Чередилов (5,9% и 4,6%); думаю, что А. Беляев изменил бы пропорцию в пользу своего города.

Выборы в 31-ом территориальном округе - абсолютная победа центрального пропагандистского аппарата. За его кандидатов проголосовало 55,8% избирателей. Тут что-то не сходится. Ведь избиратели не хотели выбирать аппаратчика. Они показали это на первых турах выборов (Ю. Черниченко, см. начало), беспокоились об этом в своих вопросах. Тем не менее, на повторных выборах из 21 кандидата округ избрал именно работника аппарата. Хотели "борца", а избрали работника партаппарата пропагандистского ведомства. Ничего страшного. В Италии в парламент избрали звезду порношоу Илону Сталлер. Но в 31-ом округе выбирали борца, "который против «могильника»".

И тут вспоминается маленький конфуз, "Александр Николаич, как, вы уже против атомной энергетики?" - всплеснула руками сотрудница телевидения, оказавшаяся на собрании. С непосредственностью, свойственной работникам этого ведомства, она вышла на трибуну и поведала о том, как Крутов на встрече с западногерманскими "зелеными" рьяно защищал советский мирный атом. Эта история широко известна советским "зеленым": наши западногерманские соратники приехали в тот год в Москву с очень опасной миссией: они привезли данные о готовящемся соглашении, "Коль - Горбачев", как они его называли, между СССР и ФРГ о захоронении радиоактивных отходов ФРГ на территории СССР. После возражений А. Н. Крутова довольные западногерманские "зеленые" закрыли папки и уехали домой. Отдача нашей территории для "помойки" ФРГ развязала руки их атомной энергетике, а "зеленые" не хотели иметь потенциальный Чернобыль на своей земле. Еще через год заместитель Госкомприроды СССР Е. В. Минаев на учредительной конференции "Зелено-

го движения” заявит, что такое соглашение готовилось, но благодаря вмешательству Госкомприроды (Бог простит, тов. Минаев Е. В., поделим лавры!) оно не состоялось. А. Н. Крутов даже не стал опровергать слова партайгеноссе от телевидения и сказал, что он-де с тех пор перестроился, так как узнал о том, что есть еще четыре реактора типа чернобыльского, которые могут в ближайшее время взорваться.

Все-таки я ожидал большего патриотизма в избирателях, чем они показали своим выбором. Что это значит? - То, что мы сами на себя не надеемся. Мы ждем помощи извне: ”Вот покажут нас по телевизору, и грязь пропадет!” ”Вот научит нас столичный экономист торговле (а не работе), и всего будет много!” Так думают 71,1%. Верят не в себя, не себе. Во время Съездов эта тенденция прозвучала очень определенно: одолжить, купить, продать, получить в подарок, спонсор, займофонд и т. д. Удивительно такое неуважение к своим, мы не только не ”за них”, мы против них (”Против кого мы с тобою дружим?”). И, напротив, вспоминая то, как держали себя кандидаты - уроженцы округа, вспомнив их программы, я убежден, что были выдвинуты хорошие и достойные люди. Парад донкихотов. И немного горько, что по правилам игры сблизиться друг с другом было неудобно. Но, верно, никогда не забыть своих соперников, с которыми провел несколько самых значительных дней своей жизни: четыре предвыборных собрания.

Теперь признаюсь, что я понимал, что мои доверенные лица и вся инициативная группа, выдвинувшая меня кандидатом в депутаты, рассматривала меня не только как свою собственность, но и как нечто вроде игрушки, в которую они бережно и заботливо играли. Я всеми силами старался им не мешать. Да и какие у меня были доверенные лица!

Тетка (простите, Павел) Куприянович Турухин, в прошлом летчик-афганец, а теперь поэт, один из членов общества ”Старый город”. Помогал мне вместе со своим сыном-первоклассником, который раздавал листовки сверстникам. Афганцы города состояли в моей инициативной группе.

Отец Федор (Игнатьевич) Мушинский - один из пламенных борцов против произвола и за порядок на выборах. Один из тех, кто возглавил движение за возвращение городу его исторического всемирно известного имени. (Его письмо: "Когда-нибудь он возвратится" опубликовано в "Правде", 15. 7. 89). Он писал (Н. Старшинов и другие - десять фамилий - в статье "Вернуть городу имя", "Московский литератор", 30. 6. 89): "...был украден у русской истории город Сергиев Посад, переименованный в Загорск - в честь человека, к городу не имевшего отношения и ни разу не посетившего его". (На выборах тоже лидировали кандидаты, "к городу не имевшие отношения". Неужели это просто совпадение?)

Александр Умарович Греков, искусствовед, специалист по народному искусству и истории города, борец за Сергиев Посад.

Евгений Петрович Журухин, Борис Ильич Краев, Иван Иванович Харченко и другие - почти все художники города мне помогали, подготовив гигантские плакаты, листовки. А Иван Иванович даже пострадал: он вывесил из окна своего дома искусный плакат, видимый с главной улицы города, Проспекта Красной Армии "Голосуйте за Флоренского!" В день выборов к нему пришел участковый и составил акт. Не знаю, оштрафовал ли. Еще два доверенных лица были у меня в Дубне - Виктор Николаевич Первушин - физик-теоретик и философ, и другой, но уже "зеленый" - Эрнст-Ахмед Закиевич Тагиров. В чужом мне городе они сумели организовать мне ощутимую поддержку.

Итак, на выборах за меня проголосовало 5590 человек - два с половиною процента. Я занял среди кандидатов восьмое место. Так как голоса - это сердца, а ценность человеческого сердца бесконечна, то я стал богачом: я обладаю 5590 бесконечностями. Спасибо Вам, земляки. Спасибо тем, кто доверил мне свое сердце. Эти голоса - снова и снова - 5590 раз - укрепили мою сыновью привязанность к городу моих предков, моего детства и моей юности. Спасибо.

Виктор БЕСКРОВНЫХ

Экологический кризис в СССР

Причины. Следствия. Поиск выхода

Кризис, смертельно поразивший систему социализма, вспорол Советский Союз сразу в трех направлениях: в экономике, в политике, в национальных отношениях и обрушил на нас огромное множество вопросов, требующих немедленного ответа.

Но есть, однако, кризис четвертый, столь же мощный и разрушительный, глубина которого, увы, не столь очевидна пока большинству населения в стране, - кризис экологический, стремительно перерастающий в мировую катастрофу.

И если на фоне относительного благополучия политических систем развитых стран Запада несостоятельность социалистического способа ведения хозяйства и решения политических проблем выглядит особенно удручающе, то кризис экологический, принявший в странах социалистического лагеря значительно более опасный для планеты, а, тем более, для жителей соцстран характер, на фоне общего неблагополучия, переживаемого планетой, не оценивается по достоинству ни внутри России, ни ее внешними наблюдателями.

Необходимо совершенно ясно понимать, что, кроме присущих всякому кризису характеристик, экологический кризис обладает и качественно иным свойством: из него невозможно выйти в короткий срок даже после принятия сколь угодно верных законов, решений или постановлений. Можно давлением, демонстрациями, забастовками вынудить

дить правительство произвести в конечном итоге самые радикальные, самые демократические преобразования, которые рассеют, наконец, душную атмосферу семидесятилетнего застоя, но не вздохнет народ с облегчением. Не вздохнет. Ибо сегодняшнюю реальную атмосферу, а также воду и продукты питания долго еще придется вкушать и поколению нынешнему, и грядущему - будем реалистами. Нельзя враз выбросить все отравленные химическими токсикантами продукты питания, закрыть все заводы, отравляющие всё живое вокруг, заткнуть пробками реки, сбрасывающие в наши и не наши моря миллионы тонн опаснейших соединений. Нужны иные, хотя и тоже радикальные меры. Какие?

Чтобы найти их, оценить верно их эффективность, давайте пройдемся еще раз по этой, уже изрядно истоптанной аналитиками всех мастей цепи - истории Советского государства и посмотрим на нее глазами эколога, вычленив лишь те звенья, которые являются несомненной причиной кризиса среды обитания.

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА

Первая причина заключена в абсурдности самой идеи о возможности *управления* законами развития общества. С точки зрения любой естественной науки эта абсурдность совершенно очевидна, ибо во все века ученые не изобретали законы Бытия и, тем более, не управляли ими, а лишь открывали и использовали их для удовлетворения потребностей человека. Если бы Маркс принес эту идею, скажем, в физику - предложил бы физикам в угоду потребностям изменить закон тяготения и обязать яблоки падать отныне и навеки не вниз, а вбок, мы бы, наверное, никогда не узнали этого имени. Но Маркс бросил эту идею не ученым, а в общество, законы развития которого почему-то и поныне далеко не всем представляются *объективными*, т. е. независимыми от нашего сознания.

В результате, как только после Октябрьского переворота власть принялась проводить в жизнь созданный

Марксом механизм развития общества, большевики столкнулись с проблемой краха экономической системы, поскольку вместо изобилия он повел страну в совершенно ином направлении, причем с тем большей силой, чем точнее следовала власть учению классика. Ожидания, что реализация постулатов марксизма не может иметь никаких последствий, кроме самых приятных, не оправдались: яблоки падают сообразуясь лишь с законами Бытия, но не постановлениями власти.

В массовом сознании абсурдность этой идеи проявилась прежде всего в жесточайшем противопоставлении всего, что создается в стране, созданному на Западе, в "царстве капитала".

Полистайте подшивки старых газет и журналов, посмотрите, чем чаще всего, какими фото украшала пресса 20-50-х годов свои страницы? Заводами и комбинатами с непременными кучерявыми облаками черного дыма - грандиозными "салютами", уходящими ввысь и за горизонт, туда, в коммунизм, в светлое будущее, то бишь прямёхонько к нам с вами. Противопоставление этих наших, отечественных труб западным было настолько естественным, что мы не только не видели в них никакой угрозы своему будущему, но совершенно привыкли к виду этих облаков, долгое время даже любили их, гордились ими и, конечно, мало обращали внимания на то, что они, мягко говоря, припахивают. Подумаешь - припахивают!

Вторая причина. Ее условно можно назвать географической. На фоне огромных, необъятных пространств дымы эти казались нам не толще сигаретного, когда закуришь в поле. В результате мы спохватились тогда, когда осознали, что пространства наши хоть и велики, но не бескрайни и что страна более походит не на поле, а на дом, где накурено так, что не продохнуть, и форточки в доме нет.

Предвижу тут же возражения некоторых читателей. Действительно, кивок на географию, как на причину, было во все годы легко критиковать, но что, как не огромность наших просторов, сделало возможным столь длительное

существование социалистической модели хозяйствования, если учесть, что основной экономический способ ее существования - это экстенсивное ведение хозяйства? И надо ли доказывать, что экстенсивный путь ведения хозяйства и экологические требования - понятия совершенно несовместимые?

Третья причина - это проникновение вышеупомянутой идеи Маркса в биологию.

Казалось бы, куда как далеки от политики законы развития пшеничного зерна в колос - нет, и он был "послушен" воле советских генетиков, перевоспитывавших его то в рожь, то в рис. Какое, кажется, дело идеологам до особенностей регуляции обмена веществ в человеческом организме? Нет - единственно верным объявляют учение Павлова, а ученых, открывших гормоны - химические регуляторы обмена, преследуют за внедрение в советскую науку буржуазных измышлений.

Идеологизация биологии в те годы привела к формированию предельно идеологизированной теории и практике определения степени опасности отходов производства для окружающей среды и человека в ней. Теория эта, естественно, противопоставлялась западной и объявлялась завоеванием социализма. Невероятно, но эта теория, неизбежно ведущая к истреблению живого в окружающей среде, дождала не только неизменной и не тронутой критиками, но сегодня является "научным" основанием дела охраны природы и нас в ней. Вот ее аксиомы:

1. Опасность или безвредность любого вещества можно определить только экспериментально, т. е. на животных, только такое определение является материалистическим и, следовательно, научным. Иные способы применяются только в буржуазной науке и практике. Это уже не история, это я цитирую смысл аксиомы по новейшим учебникам и пособиям по охране окружающей среды!

Из этой аксиомы вытекает одно очень важное для нас следствие: она начисто отменяет все иные, кроме определяемых в эксперименте, показатели неблагополучия среды для человека, даже такие очевидные, как рост заболеваемости

и смертности населения после начала эксплуатации того или иного предприятия и связанных с его деятельностью токсических выбросов.

В 1975 году в городе Киришах Ленинградской области был пущен первый в стране завод по производству кормового белка, который шел на подкормку скота. Уже в следующем, 1976 году, количество аллергических заболеваний в городе, включая самые тяжелые, увеличились в 35 раз.

Из первой аксиомы следует, что администрация этого завода могла спать спокойно: доказать, что именно ее завод повинен в болезнях и смертях, строго говоря, невозможно и сегодня, т. к. опасность выбросов определяется у нас в стране не на данных статистики, а лишь в экспериментах на животных. Не существует даже метода учета и работы с такой статистикой.

2. Вещества становятся опасными лишь по достижении определенного порога; ниже порога они совершенно безвредны. Порог этот именуется Предельно Допустимой Концентрацией, сокращенно "ПДК". Теперь эту аббревиатуру можно встретить едва ли не в каждой статье об охране окружающей среды. И именно это понятие сбивает с толку кажущейся очевидностью многих из тех, кто решает в конце концов разобраться, почему все-таки болен человек, если ПДК не выше нормы? И действительно, этим понятием надежно прикрыты многие трагедии среды обитания. Как?

Во-первых, конкретное значение ПДК ничего не сообщает населению о степени опасности. В самом деле, кому, кроме специалистов, видна разница между, скажем, 3 и 7 ПДК? Что такое 300 ПДК? Это много или мало? Если "много", то чего "много"? Вещества - да, много, в данном случае в 300 раз больше некой исходной величины. Но во сколько же раз возрастает *опасность*? Тоже в 300 раз? Конечно же нет - во много раз больше.

Иначе и быть не может, ибо ПДК - несомненно одно из самых удачных изобретений тоталитарной системы в смысле сокрытия правды. Схватить насморк или умереть - это, согласитесь, все-таки разная степень опасности...

Во-вторых, понятие "допустимой" ПДК, т. е. "безопасной", постепенно, но неизбежно сместилось на практике в сторону "допустимой", т. е. "разрешенной", и теперь уже открыто сдвигается в любую сторону, в зависимости от спроса основного пользователя понятием - предприятия, загрязняющего окружающую среду. Но иного было бы наивно ожидать от теории, рожденной не для определения опасности вещества для человека, а для оценки концентрации вещества, допустимого к сбросу.

"Самые жесткие в мире" нормы давно уже живут только на бумаге, а в жизни правят бал нормы "временные", не вносимые ни в какие справочники, не объявляемые в печати для сведения населения. Но и нормы в официальных источниках, вряд ли можно сравнивать с таковыми на Западе, поскольку в Советском Союзе ПДК определяют на городской улице, за пределами "санитарной зоны", а западные аналоги - в метре от источника загрязнения.

Наиболее опасное следствие второй аксиомы - это само признание существования порога, некой предельной концентрации, ниже которой вещество почему-то перестаёт быть ядом для человека. На практике это означает, что убившие или приведшие к инвалидности или болезни допороговые дозы или концентрации просто не рассматриваются как причины гибели или болезни.

Около 600 тысяч человек прошли через особую зону Чернобыля. Они там не отдыхали - занимались важнейшей для нас работой. Теперь эти сотни тысяч больны и очень серьезно, многие уже ушли из жизни. Но специалисты-радиологи не находят у них заболеваний, связанных с облучением. *Нельзя находить* - их пациенты не набрали дозу выше допустимой. А "допустимой", как известно, до катастрофы была доза 25 БЭР, во время катастрофы она с легкой руки члена Правительственной комиссии медика-академика Ильина мигом выросла до 75, теперь остановилась на 35 БЭРах.

Для сравнения: в ФРГ для населения разрешенная доза не должна быть более 3 БЭР.

Но вернемся к понятию о пороговой дозе. Как она со-

гласуется с законами биологии? Почти никак не согласуется. Любое сообщество организмов одного биологического вида или, как говорят биологи, популяции, а в нашем случае - это популяция людей, отвечает на действие яда вначале гибелью небольшого числа членов, тех, кто в силу разных причин оказался более других чувствительным к действию этого вещества. По мере нарастания концентрации токсиканта, т. е. давления на популяцию, число жертв непропорционально возрастает. Проще говоря, слабейший гибнет первым, сильнейший - последним. Именно поэтому допороговые концентрации яда не менее опасны для населения, чем послепороговые. Они тоже убивают. Это не так заметно лишь потому, что сначала гибнет слабейшая часть населения - больные, старики, дети - те, которым до смерти не хватает, образно говоря, крохотного толчка. Таким образом, введение в обиход каких-то допустимых норм выброса отходов производства или облучения населения по сути определяют количество жизней, которым общество позволяет себе расплачиваться за те или иные блага цивилизации.

Объем статьи, увы, не позволяет более подробно рассмотреть понятие о ПДК, поэтому далее я приведу лишь наиболее очевидные его пороки.

- ПДК ничего не сообщает о разной чувствительности к ядам взрослого, старого, детского организма, хотя это различие очевидно. Так, если взрослый человек может как-то справиться с дозой 150-200 мг нитратов в сутки, то грудной малыш - лишь с 10-ю мг и то, понятно, не каждый.

- Утверждая определенные к сбросу концентрации яда, Минздрав "забывает", что многие яды способны накапливаться в растениях и животных вдоль цепочки питания, заканчивающейся, естественно, человеком.

- Совершенно не выдерживают критики приёмы определения вредности воздействия одновременно нескольких токсикантов. Согласно правилам, каждое предприятие имеет право сбрасывать, скажем, в Ладогу любой яд, если его концентрация в сбросах не выше предельно до-

пустимой. Вода в Ладоге при этих условиях будет считаться безопасной. Иначе говоря, если мы растворим в стакане воды 3-4 десятка разных ядов, концентрация каждого из которых не слишком опасна, то стакан этот можно без вреда выпить...

Кто, где и как разрабатывает нормы ПДК? Что за странный вопрос - конечно же, министерства, наиболее активно загрязняющие окружающую среду! Их институты и лаборатории и разрабатывают, и одобряют, и изменяют, если надо. Говорить ли, что сечь самих себя у них нет ни малейшего желания?

Определяют, как уже было сказано, экспериментально и на редкость бесхитростно. Берут дюжину лабораторных крыс и в течение 4-х месяцев, а теперь, с развитием математики, - месяц дышат эти крысы воздухом с добавкой яда и, если не подышают, не обнаруживают при вскрытии сколь-либо значительных повреждений органов, то найденную концентрацию уменьшают для надежности в 10 раз и объявляют безопасной *для человека*.

Вряд ли надо обладать особенными познаниями в биологии, чтобы заметить, что не всё подходящее для крыс сгодится для человека, даже после умножения, но вот что отметить, видимо, нелишне: на практике сложилось так, что двадцатикратное превышение ПДК считается вполне терпимым. Иными словами, человек страны Советов полагается в 2 раза живучее крысы. А, может, правда?

Четвертая причина. Создавшейся ситуации в немалой степени способствовал лозунг, весьма неприкрыто выражавший наши отношения с окружающей средой: "Нам не надо ждать милостей от природы. Взять их у нее - наша задача". Собственно, лозунг этот вполне естествен и логичен, если вспомнить ленинское "Грabbь награбленное". Если нравственно *грабить*, то чего уж церемониться с природой. В этой системе координат вопросы вроде "Природа - храм или мастерская?" просто не существуют.

Гносеологически этот лозунг, по-видимому, вытекает из понятия о человеке, как о венце творения, о царе природы. Но как бы то ни было, понятие это начисто вытес-

нило из нашего мышления ту простую мысль, что мы - тоже часть природы, тоже - окружающая среда и потому вполне уязвимы и подвержены всем законам биологии. Это заблуждение уже нельзя целиком отнести к феноменам, сопутствовавшим исключительно истории Советского государства. Оно довольно широко было распространено во всем мире, не исчезло и сегодня.

Пятая причина целиком заключена в особенностях социалистического способа ведения хозяйства, тех самых, которые вынуждают нас заменять слово "природа" термином "окружающая среда".

При Сталине думать об охране природы и строить очистные сооружения было и некогда, и небезопасно, т. к. стране нужно было срочно давать металл, станки, оружие, зерно, кирпич и т. д. Вопрос о цене социализма тогда не стоял.

Первые при социализме очистные сооружения в стране были построены лишь в пятидесятых годах.

Как известно, Н. Хрущеву не удалось переделать созданную Сталиным машину управления промышленностью, перестроить ее аппарат, сконструированный для исполнения воли вождя. Не удалось, потому что аппарат этот и при Сталине понимал некоторые свои преимущества, позволяющие выжить при любой модификации тоталитарного режима. Лишенный в годы Брежнева всякого давления сверху аппарат этот открыто взял власть в свои руки. Не Политбюро - Совет Министров, задуманный некогда как орган *исполнительной* власти, а вернее, Совет Монополистов, ибо что есть наши министерства, как не монополии в самом точном смысле этого слова, именно они взяли в свои руки реальную полноту власти от Политбюро до райкома партии, от Верховного до местного Совета депутатов, взяли, формально на власть не претендуя.

Давайте еще раз вернемся к трагедии в Киришах, к тому, как она решалась.

В 1986 году очистные сооружения завода по производству кормового белка перестали работать вовсе. Стали умирать дети, начались волнения среди населения. Воис-

тину: гром не грянет - мужик не перекрестится! Но так или иначе - люди добились, что в июне 1987 года завод был остановлен. Временно, правда, только на реконструкцию. Сведения об опасности использования такого белка для откорма скота уже проникли в печать, и министерство медицинской и микробиологической промышленности столкнулось с аналогичными трудностями в эксплуатации и строительстве таких заводов в других регионах страны.

Вот тогда и обратился министр к надежному способу раз и навсегда решить проблему: отправился с докладом в Политбюро, где и обрисовал крайне удручающую картину того, как глупый народ мешает ему, министру, решать Продовольственную программу. Конечно как специалист министр знал, что полученное на кормовом микробиальном белке мясо крайне опасно для здоровья, знал и то, что давно уже во всем мире отказались от производства белка из нефти.

Знал об этом, но помалкивал, а более нажимал на трудности и несознательность отдельных крикунов, вредящих процессу перестройки. До того он, понятно, уже использовал все способы джентльменской борьбы: организовал статьи в центральной печати, дал бой на телевидении, подстегнул к делу мнение ученых, не постыдившихся замарать себя участием в творимом. Короче, было с чем идти к власти имущим. Понятно, добился желаемого результата.

21 мая 1988 года в ЦК КПСС состоялось совещание, на котором были рассмотрены ход выполнения Продовольственной программы и других решений на ту же тему. Открыл совещание член Политбюро Н. Слюнков. Выслушав жалобы министерства, он в заключительном слове сказал: "Важнейшая задача - удвоить мощности по производству кормового белка за счет строительства новых предприятий в Оренбургской, Павлодарской, Саратовской областях, Коми АССР и других районах страны".

Секретарь ЦК КПСС О. Бакланов развил эту мысль глубже: "Возрастающие задачи по строительству объектов глубокой переработки нефти и микробиологического белка

предстоит решать почти всем республикам, краям и областям. Необходима широкая и постоянная разъяснительная работа о значении химии в народном хозяйстве. Нельзя ссылаться на якобы непреодолимые препятствия при размещении новых предприятий, проводить местническую политику в ущерб государственным интересам. Местные партийные органы должны давать принципиальную оценку фактам срыва установленных заданий”.

Смысл этой угрозы, думаю, разъяснять не надо. Обратите, однако, внимание, как ловко пристёгнуты тут интересы министерства к государственным, но именно таков механизм принятия в стране важнейших правительственных решений в области развития экономики и хозяйства.

Описанный механизм устраивает обе стороны. Партийные органы тешат себя ощущением власти, министры этому ощущению не препятствуют, поскольку оно никак не мешает им заставлять партийную верхушку работать на их интересы. Провалы государственного размаха этому механизму также не страшны, т. к. все убытки покрываются из бездонного государственного кармана, никак не задевая виновников. Перестройка пока не коснулась этого механизма. 9 ноября 1989 года "Правда" опубликовала статью о заседании Политбюро и ЦК КПСС, посвященного проблеме обеспечения населения лекарствами. Министр медицинской промышленности В. Быков повел себя на нем в полном соответствии со сценарием: показал, насколько стары и изношены его заводы. Но они и должны быть изношенными и никуда не годными. Кто же даст деньги и погладит по головке, если заводы будут новые, оборудование новейшее, а лекарств нет? А деньги министру нужны не на ремонт, не на оснащение их оборудованием - этого делать нельзя по указанной только что причине. Деньги ему нужны... на строительство новых предприятий, которые строить будут стараться подольше, чтобы они уже и состариться успели, и вид потерять. Тогда опять можно требовать денег на... новое строительство и т. д. Классический экстенсивный путь развития, изруганный всеми на всех уровнях деятелями партии, включая Горбачева.

А вот из других выступлений.

А. Бирюкова: "Отечественная фарминдустрия сегодня являет собой зрелище довольно-таки жалкое: странные, зачастую аварийные и полуаварийные здания предприятий, износившееся оборудование..."

Г. Колбин, пред. Комитета народного контроля: "Советы ни в какую не хотят прописывать у себя предприятия по выпуску медикаментов. Из 21 объекта удалось "развязать" только восемь. Нужны решительные меры. Прежде всего - увеличение масштабов строительства..."

М. Горбачев: "Вопрос дефицита лекарств перешел в разряд политических. Ответственность за его решение должны принять на себя партийные организации на местах. Надо взять под жесткий контроль выполнение постановления по увеличению производства (читай: строительства. - В. Б.) лекарственных препаратов".

Вот так. Судите: много ли власти у Президента сегодня в решении вопросов, поставленных перед ним министерствами.

Вспомним, сколько гнева было вылито на министерство мелиорации, рожденного, кстати, весьма сомнительной мыслью о том, что можно и нужно решительно вмешиваться в экологическое равновесие, сформировавшееся за миллионы лет в каждом регионе, что можно и, более того - нужно обильно поливать землю там, где солнце воду эту всегда стремительно испаряло, оставляя лишь соль взамен, и будет испарять всегда; что можно осушать землю там, где природа положила быть озеру или болоту. Осушают. Но стекается вновь вода на это место или, хуже того, уходит вовсе и подтопляет землю там, где никогда прежде не бывала. Но само это министерство, рожденное в сталинские годы, непотопляемо и сегодня, как и многие другие. Исчезнув под одной вывеской, они появляются под другой в прежнем, если не большем размере.

Срастание монополий с партийным аппаратом позволило министерствам создать глубоко эшелонированную защиту от всякого вмешательства в их деятельность, что особенно заметно при попытках как-то контролировать их дея-

тельность в области отравления окружающей природы. Я уже говорил, что именно ведомственные институты создают и определяют нормы выбросов токсикантов в окружающую среду. Правительство же контролирует прессу. Но и контролирующие органы - также всецело подчинены Совету министров. Можно ли всерьез говорить о возможностях всевозможных комитетов и комиссий типа Госкомприрода, если они управляются Советом министров?

Лишенные всякого контроля министерства, естественно, прежде всего заботятся о собственной стабильности. Добиться же стабильности в условиях тоталитарного устройства общества можно только одним способом, который действительно надежен: экстенсивный путь развития экономики. Именно закопанные в землю, на строительство, не приносящие отдачи деньги позволяют министерствам указывать на них как на государственное добро, которое нельзя бросить недостроенным, и получить в итоге новые средства. Эта же логика толкает их не тратить деньги на строительство дорогостоящих очистных сооружений, т. к. очистные сооружения лишь удорожают производство.

Лишенные всякого контроля эти "исполнительные" органы, естественно, прежде всего заботятся о собственной стабильности и, надо отметить, это им прекрасно удается все пять лет "перестройки". Все страсти в печати и на телевидении вокруг рынка, самостоятельности предприятий, передачи власти Советам не привели пока ни к малейшим переменам в работе министерств, не изменили принципиально их задач и функций, как не изменили их и все принятые до сих пор законы.

Нижние же этажи министерств - предприятия - поставлены ими в такие условия, при которых они и не заинтересованы в охране окружающей среды и лишены реальных возможностей эту охрану осуществлять.

Шестая причина. Ее можно сформулировать кратко. Ныне всё человечество вступило в пору совершенно иного отношения с окружающей средой, иных масштабов, иных следствий, требующих иного мышления - мышления не на уровне государства, но планеты.

Развитие цивилизации привело к возникновению на Западе более двухсот суверенных государств. Вся суша поделена на так называемые государственные территории. Незыблемость существующих границ гарантируется военной мощью стран, многочисленными международными договорами и обязательствами. Неподделенными оказались разве что воздух да отдельные труднодоступные области вроде Антарктиды, вода и дно океанов за пределами 200-мильной зоны вокруг суши.

Подобное положение казалось естественным и, действительно, долгое время неплохо разрешало многие проблемы, возникающие между государствами, но его не могла не использовать и промышленность, которая в этих условиях стремилась производить товар найдешевейшим, т. е. экологически грязным способом: в "ничей" воздух, в "ничью" воду морей и океанов, в реки, впадающие в эти моря, полились и льются до сих пор миллиарды тонн опасных для природы и человека веществ. Таким образом промышленность развивается и сегодня - в кредит, а лучше сказать, в грабёж будущего, ибо нельзя, разумеется, представить себе, что такое положение могло оставаться вечно. Можно только удивляться тому удивительно долгому сроку, который природа оставила нам для раздумий о судьбе планеты.

Ныне, однако, такое положение уже нетерпимо. Экологическая катастрофа, охватившая Советский Союз, является лишь частью планетарной катастрофы, вызревающей, по оценкам специалистов, в такую угрозу человечеству, на фоне которой всё атомное оружие, хранимое в многочисленных арсеналах государств, кажется не опаснее новогодней хлопушки.

*

Как видим, причины экологической катастрофы, охватившей Советский Союз, весьма неоднородны. Одни определяются целиком особенностями уклада социалистического

способа ведения хозяйства, другие - следствие, сопутствующее всякому тоталитарному государству, третьи лежат в области психологии и мировоззрения и т. д.

Однако причины эти настолько тесно сплетаются с политической, экономической и социальной жизнью общества, а экологические их следствия столь неожиданны, что сводить всё к чисто экологическим проблемам - значит сознательно закрывать глаза на происходящее.

НЕКОТОРЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Дать сколь-нибудь исчерпывающее описание размеров экологической катастрофы, охватившей страну, в одной работе совершенно невозможно, поэтому я сразу ограничусь лишь приведением некоторых ее параметров, таких, размышление над которыми может дать читателю представление о ней. Все приведенные далее данные взяты, к сожалению, из официальной печати и в силу этого могут неточно отражать реальное положение дел, иначе говоря, положение, несомненно, еще более опасное, нежели представлено здесь.

Земля. В настоящее время в эрозионно опасном состоянии находятся две трети всех посевных площадей и половина имеющихся сенокосов и пастбищ. Каждый год эрозия уносит 1000-1500 квадратных километров пашни, стремительно увеличивается площадь засоленных, кислых, переувлажненных, заболоченных, засоренных, опустыниваемых почв. Лучшие, пойменные земли - 100.000 км² - это 5% всей посевной площади, оказались под водохранилищами. Сложившаяся концепция интенсификации развития сельского хозяйства, основанная на мелиорации, химизации и механизации, начисто отрицает экологические требования. Природоохранные меры никак не учитываются ни в конструкциях агротехнических машин, ни в огромном объеме проводящихся мелиоративных работ. В частности, непосредственная опасность нависла над землями Севера в связи со строительством Туруханской ГЭС.

Вода. Санитарно-экологическим нормативам не отвечает более двух третей водных источников страны. В 600 городах не обеспечена необходимая очистка вод. Затраты на строительство очистных сооружений ежегодно фактически уменьшаются, не осваиваются даже выделяемые на их строительство суммы. Так, в 1987 году было введено в строй на 34% меньше таких сооружений, чем в 1986 году. Введение же этих сооружений в работу еще ничего не говорит об их действительной эффективности. Например, очистные сооружения Байкальского целлюлозно-бумажного комбината - лучшие по стране в этой области промышленности - сбрасывают в 4 раза больше солей на тонну целлюлозы, чем в США. Вот только несколько примеров.

В начале века Волга давала 600 млн. голов ценных рыб. Сегодня - 120 тыс. севрюг, 320 тыс. осетров, 7 тыс. белуг. В результате строительства ГЭС вода добегаёт от Рыбинска до Волгограда за 1,5 года, ранее - за 30-50 дней. Из-за плохого течения, малой проточности от 70 до 100% рыбы заражены глистами.

Одесса сбрасывает в море до 93% неочищенных вод. Содержание микробов даже в питьевой воде в несколько раз превышает допустимые пределы. В ней также есть ртуть, свободный хлор, пестициды, бензопирен. Сточные воды с большим содержанием фосфора и азота способствуют бурному размножению в море водорослей - цветению воды. Гниющая масса этого планктона образует глубоководную сероводородную зону, уровень которой в последние годы в Черном море стремительно повышается. Разлагающиеся водоросли становятся причиной вторичного загрязнения воды, ибо выделяют аккумулярованные при жизни кадмий, ртуть, бензопирен и хлорированные бифенилы, которые накапливаются затем в моллюсках, ракообразных и в конце концов попадают на стол человеку.

Интенсивно загрязняется самый крупный в мире водоем чистой пресной воды, содержащий 20% ее мировых запасов - Байкал.

Одно перечисление мест, опасных для жизни человека, потребовало бы многих страниц. Приводимые в печати как

экологически безопасные источники воды на деле такими не являются, поскольку Министерство здравоохранения, Госкомгидромет, Госатом и другие организации, оценивающие уровень безопасности, в критических случаях попросту скрывают пределы допустимых норм.

Временные нормы разрешают жителям Приаралья пить воду, содержащую до 3 граммов сульфатов и хлоридов на литр, количество же многих пестицидов в ней вообще никак не ограничивается.

Воздух. Официальный список городов, атмосфера которых содержит не менее, чем в 10 раз больше предельно допустимого количества токсикантов, содержит 103 города с населением более 50 млн. Это не значит, однако, что воздух остальной территории Союза ССР не представляет опасности для жителей. Не будем забывать, что, как бы высока ни была труба, всё, что она выбросила, рано или поздно обязательно опустится на землю и, значит, на нас с вами, где бы мы ни находились. Тем не менее, разбавление воздуха (или воды) до приемлемого уровня, а не очистка является основным способом "борьбы" с загрязнением воздушного океана. Всего же страна выбрасывает в год в воздух не менее 100 млн. тонн токсикантов, преимущественно, естественно, над городами. (Цифру эту привел 10. 10. 89 г. в "Известиях" А. Яблоков. Надо думать, не с потолка взял это число заместитель председателя комитета ВС СССР по экологии. Госкомстат СССР в газете "Советская культура" от 28 октября 89 года сообщает лишь о 62 млн. тонн. Вообще говоря, таких расхождений в печати множество, поэтому оставим пока эту тему до другой главы и пойдем дальше.)

В 1980 году в стране вышел закон "Об охране атмосферного воздуха". В 1983 году создана соответствующая инспекция. Но до сих пор ни закон, ни инспекция не работают: нет методики исчисления ущерба от выбросов токсикантов в атмосферу.

ГОСТы никак не реагируют на более чем 200 опасных соединений, содержащихся в выхлопных газах; учитывают лишь 2-3 простейших - окись углерода и азота. Но и по

ним большинство автомашин в городах превышает допуск в десятки раз. До сих пор не запрещен выпуск бензина со свинцом, хотя хорошо известно, что свинец обладает способностью накапливаться в организме и приводить к тяжелым нарушениям психических способностей.

Продукты питания. Это - тоже наша окружающая среда, ибо иных, кроме тех, что растут на нашей земле, мы не имеем. Поскольку 80% поступающих на наш стол продуктов сельского хозяйства не проходит санитарный контроль вообще, то об их безвредности мы можем только гадать. Об остающихся 20% также нельзя сказать ничего утешительного, поскольку нормы на содержание токсикантов в них из года в год растут. Скажем, по содержанию нитратов они за 5 лет выросли в 6 раз. Ежегодно в одной из крупнейших житниц страны - Кубани встает вопрос: принимать или не принимать кубанскую пшеницу, содержащую недопустимые количества пестицидов. Из года в год вопрос этот остается риторическим. Есть данные, что более половины населения Кубани (сколько - более, мы пока не знаем) страдает гиповитаминозом. Это значит, что мы имеем на четверть больше простудных заболеваний, чем могли бы иметь, теряем 6-7% рабочего времени и столько же свободного и 1,5 млрд. рублей в год на больничных листах.

Неуклонно увеличивается смертность от болезней желудочно-кишечного тракта, включая смерть от ракового поражения пищеварительной системы. Существенно возрастает ежегодно заболеваемость детей раннего возраста вследствие микробialного заражения через молоко, яйца, кефир и т. п.

Нельзя забывать, однако, что сведения о болезнях отражают не всё, что может случиться с человеком, потребляющим экологически грязные продукты.

Свинец, содержащийся в бензине, попадает с выхлопными газами на растения, растущие до 400 метров от дороги. Не удивительно, что картофель, растущий на поле вдоль, может набрать свинца, и набирает, до 20 раз больше допустимого количества. Как я уже писал, свинец

обладает способностью накапливаться в организме, а именно, в костях. При переломе кости или иной их травме в кровь может поступить сразу очень много свинца и вызвать отравление вплоть до смертельного. Понятно, случай этот не попадет в статистику отравлений свинцом, а появится в статистике несчастных случаев. Увы, схема эта не умоглядная.

Важно не упускать из виду другое: окружающая среда не действует на человека "поочередно". Напротив, отрицательные последствия потребления продуктов питания, воды или воздуха, содержащих опасные для человека вещества, усиливаются при их сочетании более, чем при их изолированном действии.

Жилище. По данным Минздрава СССР рост насыщенности жилищ полимерными материалами при одновременном снижении высоты квартир с 3,5 до 2,7 м, а также исключение приточно-вытяжной вентиляции из жилых комнат и помещений привел к крайне неблагоприятному климату для человека. Находясь в наших квартирах, мы вдыхаем более 100 вредных химических веществ, обладающих канцерогенным, аллергогенным и токсическим действием, отрицательно воздействующим на дыхательные пути. Причем содержание формальдегида, окислов азота, бензола, этилбензола, стирола, метанола - наиболее опасных для нас соединений - в десятки и сотни раз превышает их ПДК в атмосферном воздухе.

Только один полихлорвиниловый линолеум выделяет в воздух не менее 17 опасных мономеров, а при его старении миграция этих веществ еще более увеличивается. Поэтому число заболеваний у детей с 1965 года подскочило в 5(!) раз и продолжает расти.

Минздрав, однако, не стремится кардинально изменить работу своего Госсаннадзора - единственного по сути барьера на пути вредоносной продукции. Во всяком случае, 2 года, отведенные Госстроем СССР для пересмотра действующих ГОСТов и ТУ (технические условия) на выпускаемые полимеры, уже упущены. Вся кампания свелась к переиндексации. Никаких анализов и исследований сан-

эпидстанции не проводили. Все старо-новые небезопасные для здоровья полимеры переключали в новый "Перечень полимерных материалов", разрешенных Минздравом к применению. В итоге комбинаты и заводы стройиндустрии, выпускающие материалы группы повышенного риска не обязаны иметь заключение санэпидстанции на выпускаемую продукцию.

Чернобыль. Из всех доступных сведений о Чернобыле меньше всего известно о временных рамках этой трагедии. Исследования, проведенные генетиками, в частности пациентов, пострадавших от взрывов в Хиросиме и Нагасаки, выявили удивительный феномен. Оказалось, что опасность генетических повреждений не уменьшалась от поколения к поколению, но возрастала. Отчасти это явление легко объяснимо: вступающие в брак дети бывших жертв атомного поражения неизбежно несли и размножали в будущее груз генетических дефектов, полученных от родителей.

Расчеты показывают, что последствия Чернобыля с наибольшей силой проявятся к 6-7 поколению, т. е. этак, через 120-140 лет, и исчезнут лишь к 13-му поколению, т. е. через, примерно, 260 лет.

Мутации, повреждения генов организма, вызываются, увы, не только радиационными причинами, гораздо чаще их вызывают химические вещества, загрязняющие природу, такие, как, например, диоксин, образующийся при сжигании пластмасс на мусоросжигающих заводах, как бензопирен, содержащийся в выхлопных газах автомобиля, и множеством других.

Случай с Чернобылем - особый, когда мы можем как-то рассчитать во времени проявление генетических заболеваний, потому что весьма подробно исследовано это явление после Хиросимы и к тому же имеется уже несколько поколений после нее. О том же, как во времени действуют те или иные химические выбросы на население, даже ученые чаще всего не имеют никаких данных, не говоря о "практиках", вещества эти в окружающую среду сбрасывающих. Конечно, лет через пятьдесят, собрав данные о

нас, наших детей и внуках, специалисты смогут кое-что сообщить и на эту тему...

*

Как вы обратили внимание, в этой главе в приведенных данных я совершенно не касаюсь привычных, традиционно входящих в сферу внимания прессы вопросов, связанных с вымиранием лесов, растений, гибелью животных вследствие загрязнения окружающей природы отходами промышленности, хозяйственной и военной деятельности человека и делаю это по двум причинам.

Первая заключается в убеждении, что человек - совершенно такая же часть биологической природы, как и прочие ее обитатели и вследствие этого в полной мере испытывает на себе тот гнёт, который он создаёт для прочих обитателей планеты. Преимущество наше в этом смысле только одно: нас больше, чем, скажем, китов или медведей, поэтому запас прочности у нас больше. Но, к счастью, он не беспределен, иначе мы бы, скорее всего, и сегодня не слишком озадачивали себя проблемами охраны природы.

Поэтому вычлняя из всей доступной нам информации по экологии лишь то, что непосредственно затрагивает жизнь и здоровье человека, мы можем достаточно точно представить себе и степень поражения окружающей природы. И наоборот: восстанавливая нормальную экологическую среду для человека, мы тем самым очень многое делаем, хотя, конечно, и не всё, для спасения природы как таковой. Это неизбежно.

Вторая причина. Не отрицая некоторого заложенного в ней эгоизма, скажем: нам ближе, понятнее, естественнее-таки прежде думать о собственной жизни, о своем здоровье и здоровье наших детей и близких. Это - в первую очередь. Потом, конечно, можно думать и о рыбах, птицах, деревьях.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЗДОРОВОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Неотложные меры

Итак, анализ, казалось бы, такой далекой от политической борьбы области, как проблемы окружающей среды, привел нас к выводу о том, что решить их изолированно, без кардинальной ломки существующей модели построения государства, без политической реформы невозможно.

Ключевым моментом решения является вопрос о власти. Без передачи власти местным органам самоуправления, будь то Советы или земства, ведомственно-монополистическую систему использования природных ресурсов не разрушить, не преодолеть диктат министерств, не создать подлинно свободные самоуправляемые предприятия, способные к диалогу. Только получив реальную власть на местах, можно организовать свою территорию не только как место проживания, но и как среду обитания людей, по-хозяйски распоряжающихся землей, недрами, природными водами, животными и растениями.

Необходимо, однако, иметь в виду, что в условиях существующей системы выборов передача власти местным Советам едва ли будет способствовать решению экологических проблем, но может привести лишь к размножению большого государства на точные уменьшенные копии того же образца.

Разрушение отжившей государственной модели идет очень неравномерно в силу разных причин, среди которых не последнюю роль играет осознание людьми важности разрушения определенной, именно этой или той стороны общественного уклада, а также ясное представление того, что хочется иметь взамен. Прекрасное тому подтверждение - огромное количество статей на экологические темы, которые затрагивают лишь второстепенные детали и оставляют нетронутыми ее основные узлы.

С чего же начать конкретно, чтобы люди видели реальные плоды восстановления окружающей среды? Хотелось бы написать - С ПРАВДЫ.

1. С правдивой, полной и точной информации об экологической обстановке в стране. Мы должны знать точно, где мы живем, чем дышим, чем болеем, от чего умираем. Крупицы правды, добываемые журналистами всеми правдами и неправдами с министерских столов, - это еще далеко не правда. Но иной правды нам при существующей модели хозяйствования не получить.

Гриф "Для служебного пользования" или "Секретно" на информации об окружающей среде и здоровье людей - это по сути лицензия на право преступления. Без этой информации в виде книг, таблиц, справочников, карт, регулярных обзоров правильной стратегии и тактики выхода из экологической катастрофы нам не создать. Не парадокс ли, не черный ли юмор - публиковать эти данные запрещают сегодня именно те ведомства, которые призваны заботиться о нашем здоровье: Минздрав, Медбиопром, Госагропром, Госкомгидромет! Не парадокс, ибо они подчинены Совету министров. Поэтому до сих пор описание глубины поражения окружающей среды идет в печати более на качественном, чем количественном уровне: Приаралье, юг Украины, Белоруссия - это районы катастрофы, северо-западная часть Чёрного моря - это пограничное с катастрофой состояние, Байкал - начальная фаза заболевания и т. д.

Более того, неполная информация нередко, если не всегда, служит целям умышленной дезинформации, уведения внимания людей от сущности или глубины проблемы.

Например, в начале 60-х годов Ленинградский НИИ радиационной гигиены проводил исследование на территории Чукотского автономного округа. Оказалось, что общая дозовая радиационная нагрузка у аборигенов Чукотки в два раза выше средней по СССР и примерно равна средней дозе облучения людей, проживающих на территориях, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы. Удельная активность свинца-210 в костной ткани олене-

водов превышает таковую в 10-20 раз у людей, не употребляющих оленину, а общее содержание цезия-137 - в 100 (!) раз. У них же - самая высокая в мире заболеваемость раком пищевода, в 10 раз выше среднего уровень заболеваемости раком печени. Добавим к этому, что почти 100% аборигенов болеет туберкулезом. Конечно приведенный выше пример не объяснишь влиянием газонейфтеразаботок, проводившихся на Севере, и, конечно же, Главатом за-прещал публикацию исследований ленинградских медиков. Они и сейчас под запретом, по-видимому, потому, что очень наглядно показывают, чего нам стоили открытые испытания атомного оружия, которые правительство проводило на Севере в конце 50-х годов. Но без этих сведений судить о подлинных причинах вымирания народностей Севера просто невозможно, как невозможно в силу этих же причин узнать, что ждет наших граждан, пострадавших от Чернобыля.

Не следует думать, что добиться публикации правдивых сведений о состоянии окружающей среды можно принятием соответствующего постановления. Борьба будет долгой, поскольку творившие экологические преступления люди еще живут и здравствуют среди нас, а нередко и обла-дают немалой властью над нами. Другая причина - правда о нас обернута столь многократно ложью, что распуты-вать этот клубок предстоит с очень многих сторон.

Вот другой пример. На XIX партконференции бывший министр здравоохранения Е. Чазов объявил, что по уровню детской смертности СССР занимает 51-е место в мире вслед за Маврикием и Барбадосом. Так ли это? Смотри-ка, как считать. В Советском Союзе смерть ребенка, не достигшего 1 кг веса, считается естественной и не вклю-чается в статистику. В мире же принято не включать в статистику плод весом менее 500 г. Поэтому, когда министр говорит, что смертность в Чечено-Ингушетии достигает 60, а в Туркменистане и Приаралье - 90 детей на 1000, верить ему нельзя, на самом деле эта смерт-ность намного выше. Отсюда следует, что намного ниже и средняя продолжительность жизни советского гражданина

и занимаем мы по ней не 32-е место в мире, а много дальше.

Особенности советской статистики - это совсем еще почти нетронутая и страшная тема, ибо создана она была тоже не для того, чтобы знать, но для того, чтобы скрыть.

Разъяснение центральной военно-врачебной комиссии МО СССР от 8.07.1987 г. № 205: "При составлении свидетельств о болезни лиц, ранее привлекаемых к работам на Чернобыльской АЭС и не перенесших острую лучевую болезнь, в пункте 10 *не отражать* факт привлечения к указанным работам и суммарную дозу облучения, не достигшую лучевой болезни".

О том, что в результате Чернобыльской катастрофы более всего пострадала Белоруссия - заражена треть ее территории, 7000 квадратных километров, на Украине - 1500, в РСФСР - 1000, мы узнали только три года спустя. Точных же данных о болезнях и смертях мы не получим уже никогда. Вот документ: "В Киевской области, в Полесском и Авановском районах вскрытия умерших не проводятся в связи с отсутствием в районах патологоанатомической службы. Из 353 умерших в 1987 году не вскрыт ни один человек. Не проводятся вскрытия также умерших в Славутиче. В Житомирской области создан межрайонный патологоанатомический центр, но вскрываются только умершие в лечебных учреждениях".

Вот "Перечень сведений по вопросам аварии на Чернобыльской АЭС, которые не подлежат опубликованию в открытой печати, в передачах по радио и телевидению". Утверждены *правительственной комиссией* за № 514 от 29. 02. 88 под председательством Б. Щербины: "Засекретить сведения об уровнях радиационной загрязненности по отдельным *населенным* пунктам, превышающих допустимый уровень, и сведения о показателях ухудшения физической работоспособности, потери профессиональных навыков эксплуатационного персонала, работающего в особых условиях на ЧАЭС, или лиц, привлеченных к работам по ликвидации последствий аварии".

Из документа с грифом "Секретно" от 12 июня 1989 года: "В соответствии с указаниями Госкомгидромета СССР направляется информация о состоянии радиационной обстановки в Лугинском районе Житомирской области по результатам дополнительных обследований. Приложение: сведения о радиоактивном заражении Лугинского района. *Секретно*".

Иного, однако, трудно ждать от науки, которая превратилась в служанку политической системы. Обстановка секретности вокруг Чернобыльской катастрофы привела к тому, что вместо локализации радиации ей дали и продолжают давать расползаться по всей стране. И сегодня в радиационно грязных районах производят мясо, масло, молочные продукты, которые развозятся по всей стране, как правило, подальше, где люди вряд ли подумают, что их может коснуться Чернобыль.

Но секретность - это не только сведения об авариях и катастрофах, это и отсутствие сведений о составе колбасы на ее этикетке, о составе всех пищевых продуктов, о составе красок, шампуней, кремов, лимонадов, удобрений, пестицидов - о составе всего того множества, которое лежит на прилавках и достаётся из-под прилавка. Что, например, говорит вам название "Сатурн" на препарате для протравы земли от насекомых-вредителей? Ничего. Оказывается - опаснейший хлорорганический яд, вызывающий, как и его аналоги ялан, ордрам, Stamm Ф-34 и т. д., раковые заболевания даже у еще не родившихся детей. Конечно, повинен он и в иных тяжелых расстройствах организма.

2. Вторая неотложная мера - немедленное закрытие наиболее опасных химических производств, и в первую очередь хлорного производства. Опасность хлорной продукции для человека определяется не только острой и хронической токсичностью такой крупнотоннажной продукции, как гексахлоран, полициклодиены и другие; значительно большими последствиями, как выяснилось, обладают полихлорированные полициклические соединения (ПХПС) типа диоксина, образующиеся в виде примесей во многих процессах, использующих хлор и хлорсодержащие вещества.

Особая опасность этих веществ обусловлена их высокой стабильностью в природе и живых организмах, чрезвычайной биологической активностью и способностью к биопереносу. Даже в ничтожных количествах ПХПС подавляют иммунную систему организма, нарушают механизм защиты человека от низкомолекулярных токсикантов. Резкое возращание ПХПС в окружающей среде вынудило промышленно развитые страны создать национальные программы. Из крупных производителей и потребителей хлора и хлорной продукции только наша страна не поставила проблему ксенобиотиков типа ПХПС в рамки национальной программы и не участвует в международном сотрудничестве по этой проблеме, несмотря на то, что обострение экологической и медицинской обстановки в ряде регионов страны, напряженное состояние экосистем Балтийского моря, Волго-Каспийского бассейна, катастрофическая ситуация в Аральском и Азовском морях во многом обусловлена действием хлорной продукции и производств, поставляющих в природу ПХПС. Например, только на территории Узбекской ССР в течение последнего десятилетия было рассеяно на полях более 6000 видов хлорсодержащих пестицидов, давно запрещенных к применению за рубежом. В стране создано громадное производство полихлорвинила и изделий из него: линолеум, плитки, пленки и т. д., эксплуатация и уничтожение которых не контролируется. В стране функционирует множество устаревших целлюлозно-бумажных производств, применяющих хлор для отбеливания бумаги, но не имеющих эффективной очистки сточных вод.

3. Эвакуировать население из районов экологической катастрофы Белоруссии и Украины, пострадавших от взрыва ядерного реактора в Чернобыле; из некоторых районов Приаралья, где невозможно выращивать неотравленные пестицидами сельскохозяйственные продукты, где негде взять безопасную для питья воду.

4. Запретить строительство новых гигантов химии, энергетики, металлургической промышленности, а высвободившиеся в результате деньги, составляющие до 70% средств министерств, пустить на восстановление окружаю-

щей среды и обеспечение людей товарами и продуктами. Как показывает мировой опыт, строительство гигантов экономически не оправдало себя нигде.

5. Упразднить скрывшееся под новой вывеской старое Министерство мелиорации, рожденное в эпоху гигантомании и антиэкологического мышления нелепой мыслью о том, что можно и нужно вмешиваться в экологическое равновесие вместо того, чтобы использовать его особенности. Как показал мировой опыт, экономически и экологически наиболее эффективными оказываются методы сухой мелиорации, т. е. соблюдение правил агротехники, таких, как чередование культур на поле, применение лесозащитных полос и так далее - меры эти, как известно, не требуют создания на то специального министерства.

СОЗДАНИЕ МЕХАНИЗМА

1. Приведенные выше неотложные меры несомненно ослабят напряженность экологической обстановки в стране, но отнюдь не являются достаточными. Поэтому после этих "пожарных" мер необходимо перейти к ряду более глубоких преобразований существующей модели хозяйствования, таких, чтобы, во-первых, они неизбежно выводили нас на экологически разумное отношение к окружающей среде, и, во-вторых, имели бы механизм, обеспечивающий поддержание здоровой среды обитания.

Известно, что правительство неоднократно предлагало и предлагает различные программы выхода из экологической катастрофы. Однако все эти программы, по мнению специалистов, обладают одним существенным недостатком: отсутствием четкой концепции, опираясь на которую можно вывести страну из экологического кризиса.

Предлагаемая нами концепция вывода из кризиса основывается на осознании человека как равноправного члена экологического сообщества земли, имеющего в этом сообществе собственную экологическую нишу и включенного через нее в общую цепь питания и кругооборота веществ и

потому испытывающим на себе все последствия изменения окружающей среды в любом направлении.

Поэтому восстановление естественных параметров экологической ниши человека - воздушной среды, воды и продуктов питания неизбежно повлечет за собой в значительной степени и общее восстановление окружающей среды, многих ее естественных экологических ниш, которые сегодня значительно деформированы для многих обитателей биосферы.

Практически до последнего времени отношения человека с окружающей средой строились лишь в одном направлении: мы хотим что-то изъять из нее, что-то построить в ней, что-то сбросить в нее. При этом полностью игнорируется существование обратной связи, обратного давления окружающей среды на человека. Осознание человека как *равноправного*, а не главенствующего члена экосферы прежде всего означает осознание существования этой обратной связи, признания ее собственной роли в системе "человек - окружающая среда". Иначе говоря, сила разрушающего действия человека на окружающую среду вызывает по меньшей мере такое же, а чаще куда более мощное противодействие, направленное против человека как биологического вида и, следовательно, против каждого из нас в отдельности.

Из этой концепции вытекает важнейшее следствие: каждое наше взаимодействие с окружающей средой, будь то строительство нового завода, конструирование автомобиля, сброс отходов производства или внесение удобрений или химикатов; каждое внесение или изъятие нового компонента из окружающей среды должно начинаться с вопроса об обратной связи, о том, какое последствие может иметь в окружающей среде наше действие. Не следует обманываться отсутствием видимой обратной связи между гибелью каких-то обитателей этой среды и здоровьем человека. Политика развития, оторванная от экологических условий, потерпит неизбежный провал. Успех начинается с разработки экологически приемлемой стратегии развития. Лишь после разработки экологических рамок возможно

станет определять экономически жизнеспособную политику и проекты.

2. Надо признать, однако, что сегодня природа живет уже не сама, а в сожительстве с человеком, вмешательство которого в нее отнюдь не только вредное. Человек давно уже живет в окружающей среде, где есть не только "чистая" природа, но и созданные человеком искусственные виды, не только водопады, но и фонтаны и где опасность исчезновения нависла не только над творениями природы, но и творениями рук человеческих, нашим культурным наследием.

Не случайно поэтому экологическое движение тесно смыкается с теми, кто защищает памятники культуры, человеческое прошлое, традиции. Все эти люди, по сути, защищают наш Дом, где экологические проблемы - лишь часть забот о нашем Доме.

Человек должен иметь достойное жилье, достойную среду обитания. А она будет достойной только тогда, когда мы будем к ней достойно относиться. Такое отношение к окружающей среде, как к Дому, где мы живем, пока еще непривычно на уровне повседневной жизни, и это понятно. До сих пор у нас была в ходу только одна проблема - отношения людей друг с другом, теперь их стало две, теперь надо постоянно помнить о присутствии природы в нашей деятельности, но без внедрения такого осознания экологии на самом широком уровне - на уровне каждого человека, вряд ли можно всерьез надеяться на успешный выход из кризиса.

3. Отношение к природе, к культуре, к истории как к Дому, в котором нам суждено жить, неизбежно выводит нас на новый уровень сознания, имеющий далеко идущие последствия.

В самом деле, реки, несущие миллионы тонн ядов в "нейтральные" воды, сами эти воды и воздух, ставший свалкой для отходов, - всё это стремительно превращает нашу планету в опасную для жизни сегодня и полностью непригодную для жизни завтра. В условиях этой зримо надвигающейся на жителей Земли катастрофы разговоры о

суверенитете, независимости и невмешательстве в дела отдельных государств в традиционном понимании начинают выглядеть опасным анахронизмом. Планета становится слишком мала для сохранения традиционного смысла этих понятий. Ситуация же сложилась такова, что государства фактически ведут сейчас химическую войну друг против друга, все против всех и все сообща - против грядущих поколений. Число жертв этой войны - инвалидов от экологии и умерших, уже давно превышает число официальных жертв всех действительно военных химических атак, имевших место в истории.

Кислотный дождь, принесенный в Прибалтику из Польши; эскимосы Канады и Аляски, заболевшие в результате испытания атомного оружия на Севере Советского Союза; рыба, содержащая ртуть и кадмий, пойманная в Балтийском или Черном море - чей это кадмий? Виноград из Азербайджана, полный пестицидов, на московских рынках, - сводки с этой войны мы читаем в газетах каждый день.

Можно ли надеяться в таких условиях решить экологические проблемы в одной отдельно взятой стране, даже такой большой, как Россия? Осознание Земли как нашего общего Дома, где нам надо нормально жить, - вот та идея, которая должна выходить сегодня на первый план в отношениях между государствами и которую никак нельзя упускать из виду при строительстве здоровой экологической политики внутри страны.

4. Понятно, что при нынешней модели хозяйствования наполнить жизнью приведенные выше положения - задача нереальная, т. к. носители реальной власти - министерства в их традиционном советском понимании, заинтересованы прежде всего в реализации своих монополистических интересов. Следовательно, необходимо, как минимум, отделить экологический контроль от министерств, сделать его независимым от правительства и имеющим собственное время на телевидении и радио, собственную печать и власть не пустить в жизнь тот или иной экологически опасный проект.

Сделать это можно, как показывает мировой опыт, од-

ним способом, а именно сделать предприятия самостоятельными в вопросах предпринимательства - создать социально-рыночное хозяйство. Министерствам в этих условиях возвращается та функция, которую они утратили, - функция подрядчика, проводника, исполнительного органа власти, но не заказчика. В результате не только значительно уменьшится число министерств, но и высвободятся огромные материальные средства, могущие быть использованными на восстановление среды нашего обитания.

5. Наиболее болезненным моментом перестройки системы хозяйствования в стране несомненно явится разрывание прочно сросшейся связи между партийными и хозяйственными органами, но без разделения власти на законодательную, исполнительную и поддерживающую баланс между ними столь же независимую судебную власть решать экологические проблемы невозможно. Необходимо вывести страну из того абсурдного положения, когда государство и издаёт законы, и исполняет их, себя же "наказывает" за их неисполнение.

Итак, разделение власти, многопартийность, социально-рыночное хозяйство, включение государства в мировое содружество как в общий Дом - вот те детали, располагая которыми можно сконструировать механизм, позволяющий нам выйти из катастрофы. Собственно, иначе и не могло быть, поскольку экологические проблемы Советского Союза - это неизбежное следствие тоталитарной, государственно-монополистической системы.

Конечно, экологические проблемы, и даже очень серьезные, существуют и в демократических странах. Разница заключается в том, что в этих странах есть также все структуры власти и рынка, в рамках которых решать эти проблемы возможно и они действительно решаются, тогда как в условиях тоталитарного государства выйти из экологического кризиса *принципиально* невозможно.

Приводимые ниже дальнейшие преобразования государства, вообще говоря, являются неизбежными следствиями из предложенных выше. Тем не менее, я рискну их привести, во-первых, чтобы избежать упреков в чрезмерной

общности суждений, и, во-вторых, потому, что, по крайней мере некоторые из них, еще очень непрочно вошли в обиход требований, предъявляемых зеленым движением к реализации.

1. Представляется очень важным ввести в Конституцию право гражданина на здоровую окружающую среду как одно из основных прав человека и привести в соответствие с этим положением Основы гражданского, трудового и уголовного законодательства.

В частности:

- отменить государственную монополию на обвинение, предоставив право отдельным гражданам и их объединениям возбуждать иски в защиту окружающей среды и ухудшение ее в любой форме, создающей угрозу здоровью. Любой гражданин страны вправе предъявить иск на любую сумму губителям природы и здоровья населения, будь то государственное, коллективное или частное предприятие или орган;

- ввести в уголовное законодательство раздел об экологических преступлениях, как преступлениях против Конституции; ответственность за сокрытие данных о состоянии экосферы или присутствия в ней опасных веществ химического, биологического или ядерного происхождения, взрывчатых веществ, боеприпасов и т. п.;

- ввести в социальное законодательство понятие "заболеваемость и инвалидность от экологических причин", которые свойственны или встречаются у жителей данной местности чаще, чем в других районах, и связаны с последствиями хозяйственной деятельности. Минимальные пенсии по инвалидности от экологических причин, причинения взрослому, ребенку или потомству вреда здоровью в связи с нарушением законодательства и прав граждан, а также пенсии по случаю потери кормильца от этих причин и минимальные пенсии инвалидам-военнослужащим и инвалидам с детства должны выплачиваться полностью нетрудоспособным в размере 100% средней зарплаты в стране в соответствующем году, но не меньше размера, возмещающего нанесенный здоровью вред в полном объеме,

учитывая все побочные заработки, трудовые доходы и условно оцененный морально-психологический ущерб.

Полная ответственность юридических лиц перед потерпевшими работниками и жителями за причинение вреда здоровью должна наступать автоматически даже в тех случаях, когда вред здоровью возник вследствие непреодолимой силы, в результате специфических условий производства и независящим от предприятия, владельца источника повышенной опасности причинам, от аварий на транспорте;

- ввести статус экологического беженца для лиц, покидающих место жительства в связи с явной угрозой для жизни или здоровья, возникшей вследствие высокого содержания опасных веществ в окружающей среде.

2. Необходимо ввести цены на все природные ресурсы, которые ныне фактически принадлежат министерствам, не стоят им ничего и поэтому эксплуатируются, уничтожаются, загрязняются, затапливаются, высушиваются и т. д. Однако сам по себе этот шаг не обеспечит бережного использования ресурсов. Необходимо также ввести в закон определенный уровень траты этих ресурсов. Беспорядочная трата ресурсов - это не только грабеж поколений, идущих нам на смену, но и угроза будущему благополучию страны. Промышленно развитые страны Запада давно уже сделали этот разумный шаг. Например, в Японии трата природных богатств составляет не более 1-2% в год.

Плата за пользование природными ресурсами должна поступать в бюджет местных органов власти. Местные же органы должны иметь право заказывать строительство тех или иных предприятий или отказываться от них. Сегодня местная власть не имеет никаких рычагов воздействия на гигантское предприятие союзного подчинения, кроме как жаловаться в различные инстанции центра. Попробуй местный Совет сегодня вступить в противоборство с администрацией предприятия-гиганта, - быстро выяснится, что у них разные "весовые категории".

3. Возмещение ущерба, нанесенного природе или здоровью граждан возложить на предприятия по принципу "загрязнитель платит".

4. Необходимо введение курса экологии с элементами токсикологии как обязательного предмета для изучения в школах, техникумах и ВУЗах. В школах экологическое образование детей может идти на уроках биологии, в ВУЗах - вместо курса истории КПСС, поскольку подавляющая масса студентов не является членами этой партии.

5. Необходимо отказаться от существующей системы определения опасности токсикантов и загрязнителей окружающей среды, т. е. отказаться от понятия о ПДК, заменив его на принципиально иную систему: систему определения Общественно Допустимого Риска - показателя, связывающего увеличение концентрации токсиканта с увеличением заболеваемости и смертности населения, с уменьшением резерва здоровья жителей. Чувствительность статистических методов к всякому ухудшению/улучшению окружающей среды в сочетании с гласным обсуждением ситуации в независимой печати будут служить достаточно надежным критерием для оценки ухудшения/улучшения состояния окружающей среды. При этом существующие методы определения ПДК займут, наконец, надлежащее им место - место инструмента для приблизительного определения опасности токсиканта для человека и критерия для определения опасности токсиканта для животных.

Введение шкалы Общественно Допустимого Риска означает, во-первых, признание безпороговости действия токсиканта и, следовательно, признание опасности даже незначительных выбросов токсиканта в окружающую среду. Во-вторых, абстрактные значения ПДК будут заменены в этой системе на ясное каждому человеку понятие риска, которое также может быть выражено как риск умереть, заболеть, потерять столько-то лет жизни и т. д. Зная реальную степень риска, люди сами смогут решить для себя, допустима ли она на предприятии, в городе, в регионе, можно ли спокойно жить, так рискуя своим здоровьем и здоровьем детей. В предлагаемой системе не будет,

таким образом, выражений типа "концентрация токсиканта в воздухе города составляет 10 ПДК", а будет сказано прямо: "вследствие данной концентрации токсиканта в воздухе, в городе ежемесячно болеет, умирает на столько-то человек больше обычного".

Признание беспороговости действия загрязнителей окружающей среды означает, что предприятия должны стремиться не к доведению выбросов в конечном итоге до какой-то величины, а к созданию замкнутых циклов производства. Таким образом введение понятия Общественно Допустимого Риска означает также, что допустимая сегодня величина риска является величиной временной, стремящейся к нулю, поскольку несет в себе осознание того факта, что мы платим за те или иные удобства здоровьем и жизнью собственной и окружающих.

Предложение отказаться от определения ПДК не означает, конечно, что мы должны выбросить всю существующую систему критериев определения вредности вещества. Какие-то пределы, допуски и границы будут существовать, по-видимому, еще очень долго, если не всегда, и начальные прикидки долго еще будут делаться на животных - другого пути пока нет. Но пользоваться сегодня только понятием ПДК - уже недопустимо.

ГДЕ ВЗЯТЬ ДЕНЬГИ?

В последнее время в отечественной печати всё чаще можно прочитать о катастрофических дырах в государственном бюджете, о его всё растущем дефиците и т. п. Всё это, несомненно, верно, но верно лишь... для существующей системы хозяйствования, основанной на экстенсивной экономике и грабеже природных богатств. Верно еще и потому, что система эта отчаянно сопротивляется своему уничтожению и в последнее время всё более открыто переходит к прямому саботажу перестройки и увеличению потерь от нее. Так случилось, например, при уборке летнего урожая зерновых, значительная часть которых осыпалась на полях из-за нехватки горючего для транспорта.

И все-таки деньги есть, и немалые. Вот лишь некоторые их источники.

- Перестройка министерств, их демонополизация и передача предприятий коллективам и частным лицам позволит получить до 70% средств, закапываемых сегодня в землю и уходящих неизвестно куда.

- Сокращение армии и производства оружия до минимально достаточного для обороны страны. Не чудо ли - постоянно имея в дефиците всё, что можно иметь, государство никогда не жаловалось на нехватку оружия и боеприпасов к нему! Как показывают расчеты, средства, полученные от сокращения армии, могут не только избавить страну от многих дефицитов, но и существенно улучшить окружающую среду. Ведь каждый завод Министерства обороны - это или химическое, или металлургическое производство, т. е. именно то, которое наиболее опасно экологически.

- Введение цен на природные богатства, платы за их пользование.

- Введение в жизнь принципа "загрязнитель - платит".

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Все описанные выше преобразования останутся благими пожеланиями, не приведшими к сколь-либо заметному изменению экологической обстановки в стране, если правительство не будет находиться под непрерывным и неослабевающим давлением и контролем со стороны самых широких слоев населения, настаивающего на проведении в жизнь мер, направленных на вывод страны из экологической катастрофы.

К настоящему времени в России создано около 10 тысяч неформальных групп и организаций, считающих своей главной задачей борьбу за улучшение окружающей среды как естественной, так и культурной. Экологистам удается собирать десятки тысяч подписей под письмами протеста против загрязнения воздуха, строительства новых элект-

ростанций, за закрытие опасных химических производств. Десятки тысяч участвуют в демонстрациях и митингах. Тем не менее, сложилась удивительная ситуация: власти почти не слышат этих голосов, они чаще всего просто дают людям выговориться, а министерства и вовсе игнорируют общественное мнение на местах.

Государственный аппарат, противостоя общественному мнению, использует не только власть, находящуюся в его руках, но и информационный и научный потенциал, т. е. без информации, сообщаемой государственными органами, инспекциями и иными "формальными" организациями, "неформалы" чаще всего не в состоянии вести никакой кампании протеста, не говоря уже о том, что не в состоянии также и проверить достоверность сообщаемых публике сведений.

В связи с этим в стране встает новая задача, представляющаяся нам и неизбежной и решающей: задача объединения разрозненных структур в организацию, способную вынести движение за рамки локальности, за пределы города, района и области. Важно подчеркнуть, что это должна быть организация независимая от государства, но имеющая собственную печать и доступ на телевидение, имеющая собственные деньги и способная не только координировать действия отдельных общественных экологических групп, но явиться, по сути, независимым, постоянно работающим механизмом контроля общества за деятельностью правительства и предприятиями в сфере экологии.

Других сил, способных на это, кроме общественного движения, нет. Сказанное не умаляет, конечно, роли депутатов, избираемых народом, роли правоохранительных органов.

Как показал опыт развитых стран Запада, именно там, где население сумело быстро осознать опасность уничтожения окружающей среды и включиться на самом широком уровне в ее спасение, там сумели правительства за сравнительно короткий срок существенно восстановить естественную для человека среду обитания.

"Память общей беды..."

"Век мой, зверь мой..."

О. Э. Мандельштам

"Гласность" вернула в русскую литературу творчество многих замечательных поэтов-эмигрантов, большинство из которых не по своей воле покинуло родную землю. Вернулись уже в Россию стихами Юрий Кублановский и Ирина Ратушинская, Лев Лосев и Бахыт Кенжеев, Иосиф Бродский и Дмитрий Бобышев.

Настал черед и для Лии Владимировой. Вышла из печати ее книга, появилась большая публикация из 52 стихотворений в альманахе "Laterna Magica"^{*}, вобравшая в себя почти целиком сборник "Связь времен" - издатели сняли лишь несколько стихотворений из раздела "Судный день".

Все книги поэтессы изданы в Израиле, где с 1973 г. живет Лия Владимировна.

В сборник "Стихотворения" вошли стихи из 3-х книг: "Связь времен" (1975), "Пора предчувствий" (1978), "Снег и песок" (1982); новые и старые стихи, не вошедшие в вышеупомянутые книги, составили раздел "Четвертая книга".

"Стихотворения" являются репринтом вышедшего в 1988 году в Израиле сборника под тем же названием.

Долгожданная встреча с читателем наконец-то произошла.

Во многом благодаря издательству "Советский композитор", выступившему в роли спонсора и выпустившему книгу тиражом 50 тысяч.

Лия Владимировна - поэт столь же замечательный, сколь и мало известный на своей Родине, поэтому все газетные киоски Москвы оказались буквально заполнены ее сборником, что невольно вызывает в памяти замечательные цветаевские строки:

* Владимировна Л. Стихотворения. М., изд. "Союз композиторов", 1990; Владимировна Л. Связь времен. - В литературно-художественном, историко-культурном альманахе "Laterna Magica". М., изд. "Прометей", 1990, сс. 173-201.

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам – как драгоценным винам
Настанет свой черед.

Впрочем, дело сие поправимо и нет сомнения в том, что к моменту выхода этого обзора любители поэзии воздадут должное новому для многих из них автору и книга разойдется.

Несколько слов о судьбе поэта для тех, кто не знаком с ее творчеством и биографией.

Лия Владимировна (Юлия Владимировна Дубровкина-Хромченко) родилась в 1938 году в Москве. Окончила сценарный факультет ВГИКа.

В результате своей правозащитной деятельности встала вместе с мужем-кинорежиссером перед выбором (в подобной ситуации оказался и Галич примерно в то же время) – или идти в тюрьму, или уезжать.

Поэтесса, скрепя сердце, выбрала второе. Так что, ни о каком отъезде по своей воле и речи не было.

Ностальгия от разлуки с любимой Родиной стала с момента отъезда нередко гостьей во многих стихах поэта.

Стихи и проза Лии Владимировны широко издавались в самых разных русскоязычных печатных органах, выходящих вне России, в том числе и на страницах журнала "Грани" (см. №№ 89/90, 92/93, 100, 106, 114, 117, 118, 122, 123, 140 и 155). В эмиграции Лия Владимировна занималась переводами с иврита; в 1985 году вышла книга прозы, включившая повести "Страх" и "Письма к себе".

С выходом публикации в альманахе "Латерна Магика" и книги "Стихотворения" многим стало ясно, что в русской литературе существует глубокий и тонкий религиозный лирик, поэт милостью Божьей.

Много самых разных мыслей вызывают "Стихотворения". И печальных, о превратностях жизненной и творческой судьбы поэтессы, многие годы вынужденной жить в эмиграции и лишь на 52-ом году жизни выпускающей первую книгу на Родине. И радостных – от сознания того, что наконец-то книга настоящего большого поэта все же увидела свет в СССР.

Впрочем, превратности жизни и судьбы не делают стихи ни лучше, ни хуже, чем они есть.

Так что обратимся к самому сборнику.

Когда-то О. Э. Мандельштам в одной из статей определил настоящей поэзией те стихи, которые невозможно пересказать прозой.

И мыслимо ли пересказать презренною прозой такие, например, строки?

Ты подошел.

Я медленно молчала.

И рук не отнимала от лица...

Так иногда рождается начало

Из смутного предчувствия конца...

Или вот это восьмистишие, перекликающееся с тютчевским "Не плоть, а дух растлился в наши дни, и человек отчаянно тоскует".

И даты вспять бежали, как солдаты,

И падали, вмерзая в черный снег...

И встанет век на век, как брат на брата,

И в Боге усомнится человек.

Огонь погас, но дух самосожженья,

Как душный хмель, ещё гуляет в нас,

И как полки в слепом дыму сраженья,

Сошлись века невидимо для глаз.

Бесспорно, что в поэзии Лия Владимировна является ученицей Ахматовой и по праву может быть отнесена к кругу поэтов "ахматовской плеяды", таким как Наталья Крандиевская-Толстая и Надежда Павлович, Мария Петровых и Инна Лиснянская, Зинаида Миркина и Лариса Миллер...

Главное, что всех их отличает: это приверженность идеалам и ценностям христианства, а также следование строго классической форме, в то же время много вошедшей в себя от поэтики самой А. А. Ахматовой и некоторых других поэтов "акмеистической школы".

Экспрессия, большое внутреннее напряжение стиха, необычные ракурсы и эффектные концовки – здесь не самоцель, а неотъемлемые составляющие того духа трагедии, который неотделим от истории России, истории новейшего времени в особенности.

В основах своих русская поэзия всегда трагична.

Трагедия ее проистекает из осознания поэтом глубинного внутреннего несовпадения замысла Божьего о человеке и тем, как осознает и воплощает человек этот замысел Господень о себе, а также из осознания противоречия между мессианским призванием России и той произошедшей 73 года тому назад всероссийской Катастрофой, которая предсказывалась еще Достоевским в "Бесах" и которая погребла под обломками рухнувшей Империи и призвание, и мессианизм, и старую Россию – Святую Русь старцев, праведников, предстателей и молитвенников перед Господом.

Трагизм этот поэтом глубоко осознан и внутренне пережит.

Одна из основных тем творчества Лии Владимировны –

это тема России, России страдающей и распинаемой, страны, одновременно идущей на голгофскую муку за смертный грех Октября и казнящей в то же самое время лучших своих сыновей.

Поэтесса вопрошает:

Россия, долго ль будешь виновата?
Иль впрямь, многоповинная, права ты
До лучших дней – до Страшного Суда?

Вот стихотворение, которое невозможно не процитировать целиком:

И вниз глядит она с мученьем,
И вверх глядит она темно...
Каким лихим предназначеньем
Ее лицо омрачено?

Каким униженным химерам
В дыму она теряет счет,
Когда расстриженную веру
К ногам насильников кладет!

Стоит, глаза уставив в землю,
Отмщения не зная срок...
Ей в небе – человек не внемлет,
А на земле – не слышит Бог.

За годы отрыва от России поэтесса не утратила памяти о ней, не возненавидела, не озлобилась по отношению к своей Родине – падшей Матери, ставшей злой мачехой для своих любящих детей.

Сколько любви и сострадания к распятой Отчизне сквозит в этих словно бы кровью сердца продиктованных строках:

О чем она безмолвно просит?
Каких неожиданных ждет вестей?
А безвременно косит, косит
Ее детей, ее детей.

Морщин пожизненных насечки.
В мороз, в распутицу, в пургу
Она стоит у Черной речки
На занесенном берегу.

Чернее зим осатанелых
Накидка черная на ней,
И два крыла – белее белых
Ильменских северных церквей.

Патриотизм, не имеющий, конечно, ничего общего с "квасным патриотизмом" национал-большевистствующих литераторов, естественно присущ многим стихам Лии Владимировой - и этим, и многим другим, цитировать которые просто нет места.

Впрочем, любовь к России чаемой, России - не существующей в действительности, ничуть не устраняет также присутствующего во многих ее стихах (особенно в написанных до отъезда) ощущения ирреальности бытия в России большевистской, стране, словно бы воплотившейся из воспаленного воображения Кафки - но увь! - более чем реальной.

Который век несешь покорно
Двойной судьбы нелегкий крест:
Днем - пишешь ордер на арест
И ждешь ареста ночью черной.

Не гору двигаешь плечом -
Колотишься плечами в стены,
И быть умеешь палачом,
И казни ждешь одновременно.

Разъятость и расколотость того исторического времени, в котором выпало жить поэтессе, - постоянно гнетет и мучает ее. И недаром же первый поэтический сборник был назван ею "Связь времен".

В "Гамлете" - стихотворении, для Лии Владимировой во многом программном, она вопрошает:

Но песня, песня, песня,
связь времен!
Или распад?..

- давая положительный ответ на этот вопрос всем своим творчеством.

Это перекликается с мандельштамовским:

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.

Сладкозвучная флейта поэта призвана Творцом связать ткань разъятого времени, времени, расколотого напополам Катастрофой Октября и десятилетиями пришедшего затем кошмара и распада.

И эта задача оказывается поэту по силам.

Творчество поэтесс "ахматовской школы", и Лии Владимировой в том числе, по сути своей духовно, это всегда разговор с Богом, Собеседником строгим и требователь-

ным, но в то же время милосердным, Собеседником, от Которого не ждут ответа, но всегда его получают.

Душа, преображаясь, постигает Истину через Слово, данное свыше. Вдохновение претворяется в Откровение.

Подлинная любовь всегда прикровенна; и Господь, проявляющий Себя в мире на каждом шагу, вовсе не жаждет, чтобы в Него то и дело тыкали пальцем, без конца поминая Имя Его всуе.

Лирика Лии Владимировой, целиком построенная на полутонах, вся "полусвет и полутень" (лучшие стихи ее все импрессионистичны), чрезвычайно интимна в своих соприкосновениях с Божеством.

И давнишняя наша дорога,
С ветром, листьями, снегом, песком,
Вдруг кольнула предчувствием Бога,
Этим легким в груди холодком.

Упование на Создателя и вера в Него открывает душе тот путеводный Свет, который помогает и спасает в расколоте и падшем мире.

Ну что ж... Я в прошлое гляжу,
Туда, где белая дорога;
Я падаю... Но вижу Бога.
Я поднимаюсь... Я скольжу.

Самоуничтожение Духа приводит к катарсису и ещё большему взлету Его.

Обманчивы, смутны и тяжелы
Моей души тревожные прозренья.
Уйми, Господь, мои стихотворенья,
И обрати их в горсточку золы.

Дай мне понять, что этот темный жар -
Всего Твоя божественная шутка.
Яви, Господь, великодушья дар:
Верни мне ясность воли и рассудка.

.....
О, укажи, всевидящий Господь,
Пути души от тьмы к преображенью!

И молитвенное состояние души поэта, без которого невозможно подлинное творчество, претворяется в то "долговечное царственное слово", которое, как известно, прочнее стали и выше пирамид.

В условиях тотальной несвободы царственным правом быть свободным среди немногих других обладает только поэт.

Он живет в созданном им самим мире, и мир этот за-

крыт от всех и всяческих попыток проникнуть в него. В этом мире, построенном на внутренней свободе, существенны и значимы лишь сам поэт и лист бумаги перед ним, заполненный строчками. И созданное поэтом становится залогом его внутренней свободы.

Ну что ж, берите, Бога ради,
О чем бы кто ни попросил..
И лишь со строчкой из тетради
Расстаться не хватает сил.

Не случайно же автономность этой свободы вызывает такую ярость у тоталитарной власти.

И недаром же столько русских поэтов оплатило свою внутреннюю свободу годами несвободы, изгнанием или гибелью.

Словно о Лии Владимировой написал М. Волошин эти строки в поэме "Путями Каина":

Совесьть народа - поэт.
В государстве нет места поэту.

Одним из лучших в сборнике (он вошел и в альманах) является цикл "Соль-минорная симфония" из 10 стихотворений, написанный вскоре после отъезда и посвященный одному из арестованных друзей поэтессы.

Частный факт судьбы одного человека претворился в трагический реквием всему диссидентскому движению - 60-х, 70-х, да и 80-х со всеми его многими жертвами и загубленными судьбами.

"Я вам Моцарта привез,
Я приеду через час".
Полночь. Улица. Мороз.
В мутных окнах свет погас.

Не пришел он через час,
Не пришел он через день,
Не пришел он через год,
Не пришел он никогда.

Там, в пути, на полпути,
Кто-то черный поджидал,
День мой белый, отпусти
Во Владимирский централ!

В "Соль-минорной симфонии" от чистой лирики поэтесса поднимается до эпизодических высот и обобщений, а этот небольшой цикл становится в один ряд с ахматовским "Реквиемом".

Уйди. Уйдите. Дай забыть,
Не знать, не чувствовать, не видеть...
Ты слышишь? Дайте отлюбить.
Вы слышите? Отненавидеть.

О Русь моя, мой бедный дом,
Прости меня, как мать простила,
За то, что скорбью и стыдом
Одну себя перекрестила.

"Симфония" подобно колокольному звону над необозримыми русскими пространствами рождает в одних скорбь о погибших, в других – ненависть и презрение к палачам, третьих же напрямую подвигает на борьбу с угнетателями и ненавистниками России.

Как сказал Юрий Галансков, поэт трагической судьбы, погибший в лагере:

Но эпоха рождала поэтов,
А поэты рождали солдат.

Поэты же лирические, заметим мы, переходили к не слишком им свойственному эпическому жанру.

И трудно сказать, сколько сделали песни Галича и Высоцкого для того, чтобы русское общество – прореженное чистками, подвергнутое селекции и запуганное террором, наконец осознало всю невозможность продолжения того недостойного человека существования, в котором пребывало многие годы и которое решило все-таки изменить.

То не скорбная страна
Пробуждается на час,
То последняя вина
Надвигается на нас.

И цветет чертополох
По раздольям вековым,
И не верит светлый Бог
Темным свечкам восковым.

И кадит, кадит, кадит
Над пожарищами дым...
Слышишь, колокол гудит
Не по мертвым, по живым.

Этот небольшой цикл (или, вернее, маленькая поэма) стал тем запечатленным в стихе "памятником общей беды" России, повторение которой во всех смыслах было бы губительно для нее и чревато лишь новыми, большими бедами.

Исполненная глубокой веры и неподдельной надежды на благость Бога и возвращение Его к падшей России, завершающим аккордом "Симфонии" звучит эта поэтическая молитва:

Так за потерей потеря
Под завыванье пурги.
Верю я или не верю -
Боже ты мой, помоги!

Что нам до шумного света -
Шепот любви и вражды -
Было бы горе согрето
Памятью общей беды.

То же, всё то же и то же,
Вечные те же шаги.
Если я верую, Боже,
Боже, сейчас помоги!

Бесспорно, творчество Лии Владимировой слишком наполнено и многогранно для того, чтобы быть определено в нескольких словах.

И небольшой этот обзор вовсе не претендует на полноту. Надеемся, что выйдут в СССР и другие ее книги, включающие и стихи, и прозу. Появятся, вероятно, и подробные статьи, посвященные ее творчеству - на наш взгляд, творчеству одного из наиболее значительных русских поэтов, не по своей воле покинувшего Россию.

Лия Владимировна много лет уже живет вне Родины, но ее творчество ближе стоит к русской жизни и Судьбе, чем творчество многих живущих в России литераторов.

И в этом видится нам залог долговечности и нетленности ее поэзии.

Москва. Май 1990 г.

Константин Боголюбский

Черная кошка в "темной комнате"

А через год эта книга* (т. е. в 1989 г. - *Ред.*) выдвинута этим же Союзом на соискание Государственной премии РСФСР за 1990 год. Редкая оперативность, если

* Л. Петрушевская. "Песни XX века". Союз театральных деятелей РСФСР. Москва, 1988 г.

участь, что у нас принято давать премии, действительно достойным, преимущественно посмертно – Шукшин, Высоцкий, оба Тарковских, Ахматова... (скоро, как говорят, Вольф Булгакова на Ленинскую пробьет).

Как литератор Людмила Петрушевская в профессиональной среде известна давно, "Такая девочка" (вошедшая в книгу) приносилась автором еще в "Новый мир" Твардовского. Не напечатана, но оценена редактором.

Почему не напечатана? Ну, сами посудите, какая "такая девочка" могла появиться в конце 60-х? Во-первых, Раиса, Равиля, татарка – что за национальный намек? Во-вторых, проститутка по профессии – да, что вы, у нас вообще такой профессии быть не может. И семейка у нее будь здоров: отец – пьяница и инвалид, малолетняя Равиля клеет за него коробочки, а он, после смерти матери, в открытую приводит к ним в комнату женщин. Да еще колония, да притоны... и дальше всё в том же духе, сплошное моральное разложение всех вместе взятых и по отдельности героев и ни слова про, я не знаю, электрификацию и химизацию всех полей. Куда же такое печатать? Будь ты хоть самым прогрессивным, но никто же не поймет.

Потом, уже в 70-х, пошли газетные разговоры о пьесах, которые не печатали и не ставили. В начале 80-х стали эпизодически печатать (что поспокойнее) и долго-долго готовить к сдаче спектакли...

Впрочем, у нас только общественные формации быстро строятся, а всё остальное... и говорить как-то даже неудобно. Такая получается банальность, но все же удивляет.

Предваряя книгу, известный и авторитетный театральный критик А. Смелянский пишет: "Право открыть драматическую серию Л. Петрушевская завоевала прежде всего своим уникальным дарованием. На протяжении последнего десятилетия не было у нас в театре более сильного и ярко выраженного драматургического таланта" – далее, после дифирамбов: "Автор сам отобрал пьесы для книги и сам определил ее композицию. На редакционном совете некоторые разделы, прежде всего... "Темная комната", вызвали дискуссию. Шла даже речь о том, печатать или не печатать пьесы, вошедшие в этот раздел. В конце концов было принято принципиальное решение: талантливый автор должен предстать... в том виде, в каком он считает для себя необходимым".

Ну, наконец-то! Уж это по-большому счету – "новое мышление"! Это мы всем показали, открыв Америку!

"Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа".

Что же так напугало некоторую часть редсовета, слава Богу, что меньшую, судя по поименному, наверно, голосованию?

В раздел "Темная комната" входят четыре небольшие по объему пьесы: "Казнь", "Свидание", "Стакан воды", "Изо-

лированный бокс". Лишь одна "Казнь" состоит из трех сцен, в которых участвуют по два персонажа. В первой сцене это 1-й и 2-й - два палача, которые готовятся расстрелять преступника-убийцу. 1-й, новичок, он еще ни разу не расстреливал и не "тренировался", 2-й, опытный, все никак не может понять, на ком же можно "тренироваться" в расстреливании. На обезьянах или мышах? И больше всего переживает, что перед расстрелом заболел опытный напарник, а к нему приговоренный уже привык, тут же увидит новенького - начнет психовать, под ноги кидаться. 2-й, вообще, выдвигает вопрос "правомерности казни". Как же так, - недоумевает новичок, - он человека убил и труп расчленил. Доказано следствием. А может, следствие ошибается? В конечном итоге: подчиняясь приказу, - они идут убивать.

Во второй сцене, в докладе врача майору рассказывается, как был произведен расстрел. После двух попаданий приговоренный "загружался" (термин такой у врача - умирал) 18 минут, а врач пульс держал. Майор не верит новому врачу. "Но хоть не живого расчленил?"

ВРАЧ. Что вы?

МАЙОР. Нашли тяжелораненого. Тоже мне. Добили бы по-человечески. А то столпились и ждали. Зрители какие. Не на пятерку сработали, не на пятерку. Вы объясните конвою, куда что везти. Машина есть, слава Богу, хоть машину дали.

Третья сцена. Новый шофер отказывается "загружать" трупом машину. Он шофер и не нанялся "загружать". А 1-й его уговаривает, так как 2-й не может помочь, приговоренный ему руку "погрыз в бессильной злобе".

После обычных русских препирательств (за бутылку, майору скажу, будь человеком) шофер нехотя соглашается "загружать" и везти: голову в крематорий, туловище в мединститут.

Конечно, это не "сталинский конвейер", это уже 60-е годы, драматург дает единственную сноску на время (2-й палач видел фильм "Двенадцать разгневанных мужчин"), но постоянным упоминанием эпитета "новый" - палач, врач, шофер, автором как бы раздвигаются рамки круга причастных к "официальному" убийству.

Вторая пьеса - "Свидание" - поставлена автором после первой, хотя, по одной детали (приговоренный в первой и во второй пьесах убил пятерых, а не одного, как говорил 1-й палач), "Казнь" как бы следует за "Свиданием", но, может, это другой убийца?

Мать приходит на свидание к сыну, - приговоренному за убийства, и, как всякая мать, надеется, что сына помилют и освободят. Встреча происходит в присутствии "чурбана", на которого в разговоре кивает мать или даже обращается, не получая ответа, что это за "чурбан", мы можем только догадываться, то ли это охранник, то ли

переговорное устройство (в тексте "чурбан" пишется с маленькой буквы, но вынесен в действующие лица).

Узнаём, что у сына увели невесту с зачатым от него ребенком. Увели родители и подруги, к другому жениху (не чета ему - офицер), да еще уговорили сделать аборт. Но он все же разыскал квартиру, где шла свадьба, и убил родителей, подруг и жениха...

"Они-то хотели моего сына убить! Они же убить-то хотели? Аборт это что? Подруги в день по тридцать аборт-тов делают. Я ведь убил же пятерых! Это не сравнить!" - кричит сын, узнав от матери, что аборта и не было и его возлюбленная родила сына, а встречать ее из роддома и некому.

"Боже мой, мучают, убивают каждый день... Каждый день, не остановишь. Что же, всех под суд? Не возьмут... Боже мой, смилуйся над убитыми детками..." - просит сын.

И мать воспринимает его слова с радостью, она кричит "чурбану", - "Слава Богу, слава Богу, я давно ждала! Я знала! Его на экспертизу срочно, он же с ума сбесился, на экспертизу больного человека, а не казнить. Не казнить, а изолировать..."

Но безмолвный "чурбан" не отвечает.

"Все?" - спрашивает его мать. - "Свидание закончено? Спасибо вам".

Следующие две пьесы "Стакан воды" и "Изолированный бокс" образуют другой сгусток боли и несправедливости. В первой пьесе полупомешанная больная женщина вспоминает свою жизнь, рассказывая ее более молодой, но тоже жестоко несчастной и обездоленной женщине.

Психику пожилой (в пьесе она названа "А") подорвала смерть ее недоношенных двойняшек - мальчика и девочки. Если бы не их смерть, то ее жизнь, она так считает, была бы другой - счастливой. Но пришедшая к ней за помощью "М" рассказывает свою историю, историю брата и сестры - близнецов, и эта безрадостная история как бы проигрывает, что было бы, если умершие двойняшки "А" остались живы.

В изолированном боксе находятся две обреченные раковые больные: шестидесятилетняя "Б", отчаянно переживающая смерть своей внучки и боящаяся пережить дочь, - "не полагается матери раньше ребенка".

Вторая, 42-х лет, "А", мечтает протянуть еще хоть "два годочка", чтобы сыну, растущему без отца, исполнилось 16 лет...

В этих четырех аскетичных по форме пьесах сконцентрированно выражен художественный метод, которым драматург Петрушевская исследует жизнь человека в стране материального и духовного краха.

Может быть, лаконизм и беспощадность анализа взбудоражили редсовет?

Еще совсем недавно, в годы официального упоения жизнью в "развитом социализме", когда пьесы (также вошедшие в сборник) "Три девушки в голубом" и "Уроки музыки" пробивались на сцену, драматургия Петрушевской была для большинства "советских" простых людей (лишенных "сам" и "там"-издатом) одной из отдушин правды, почти единственной до конца честной художественной литературой.

Драматург говорила о нравственном кризисе общества, о черной кошке, пробежавшей между людьми. И это требовало от нее смелости и гражданского мужества. В первом своем интервью "Литгазете" Петрушевская сказала, что выбрала свой путь после знакомства с творчеством А. Вампилова, его: "Писать нужно о том, от чего не спится по ночам" - дало ей путь.

Прошли годы. Сейчас, когда газеты, журналы, ТВ и радио заполнены сообщениями о росте преступности, о нищете и бедственном положении во всех сферах нашего существования, может показаться, что творчество драматурга теряет актуальность. Что же искусство проиграло? Каков прок от него? Если оно не сделало людей чище, совестливей, милосерднее.

Среди множества высказываний об искусстве и его предназначении, на мой взгляд, наиболее верными являются слова Эжена Ионеску: "Театр бесполезен, но необходим. Театр ничему не служит и никому. Он свободен от каких бы то ни было обязательств и обязанностей, но именно эта его свобода и необходима людям, чтобы помочь им обрести собственную свободу духа".

Театр Людмилы Петрушевской обрел свободу и, надо надеяться, побуждает людей прогнать черную кошку и осветить комнату.

Москва

Евгений Крохмаль

Воспоминания о сталинской России и Второй мировой войне"

"Нинино путешествие"* или, м. б., "Нинин путь" - книга, над которой невозможно не задуматься и не вспомнить многое из нашего сравнительно недавнего прошлого.

* Nina Markovna. "Nina's Journey - A Memoir of Stalin's Russia and the Second Worlds War". Regnery Gateway, Washington, 1989.

На английском языке это, пожалуй, первый опыт описания лично пережитых событий, непосредственно связанных с судьбой русских людей, покинувших родину во время Второй мировой войны. Книга эта – не перевод с русского, не роман и не исследовательский труд историка или журналистические наблюдения со стороны. Повествование Нины Марковны (для русских несколько неуклюжа замена фамилии автора ее отчеством) является исключительно добросовестным воспроизведением происшедшего. В описанных ею событиях скрестились многие факты, противоречия и конфликты. (Эпиграфом к книге взяты строчки А. Хаксли: "Факты не перестают существовать из-за того, что их игнорируют".)

На суперобложке с картой Советского Союза помещена фотография миловидной девушки с серьезным выражением лица. Гладко причесанные волосы разделены пробором посередине, косы стянуты лентой к затылку. Молоденькая девушка очень типична. Она могла быть дочерью друзей моих родителей, могла быть моей сестренкой или моей подружкой в детстве, которое, как писал поэт Иван Елагин, было "ранено навывлет". (В детстве и в юности автора происходят все, описанные ею события.)

Для иностранного читателя автор разъясняет русские обычаи, говорит о еде, о ласкательных и уменьшительных именах, делает небольшой экскурс в историю. (По отцовской линии Нина Марковна потомок стрельцов.) "Нинино путешествие" – первая ее книга, однако по ней можно судить, как хорошо эта писательница владеет повествовательной речью, я бы даже сказала, – певучестью речи. На многих страницах ее книга звучит по-русски. Она прислушивается к звучанию слов, оригинально объясняя семантику и фонетику их, – например, такие страшные слова, как СМЕРШ, изнасилование...

На протяжении всего повествования четко определены две линии. Первая – очень сильное у этого автора чувство кровной близости родной семье: мать, отец (затем навсегда исчезнувший в лагерях для военнопленных – его памяти посвящена эта книга), брат и близкие семье люди. Вторая – разрушающая сила преступного государства, неумолимо и безрассудно жестокого до войны и такого же карающего и разрушающего после окончания ее. Третья линия сложна и трудно осмысливаема. Немцы – враги и они же в какие-то моменты являются друзьями. Освободители и друзья – американцы – во времена насильственной репатриации становятся врагами, посылающими людей на гибель.

Книга разделена на две части: "В пределах советских границ" и "За пределами советских границ". Содержание обеих частей прочно связано с русской глубокой традицией почитания родителей, а не осуждения их, как зачастую принято сейчас на Западе. Судьба Нины Марковны, т. е. судьба ее небольшой семьи, вдвинута в историю всей

страны, прошедшей через страшный гнет сталинского террора и сразу же потерпевшей военные поражения первых лет войны. Новый этап "путешествия" – странствования по гитлеровской Германии, – там тяжелый труд на заводе, на ферме, на швейной фабрике. Всё это – на фоне воздушных налетов и страха надвигающейся встречи с советскими войсками. Но благодаря здоровому инстинкту самосохранения и присущему этой семье чувству жизнеутверждения и жизнелюбия, она проявляла исключительную сопротивляемость всем выпавшим на ее долю бедам.

В начале книги показан быт семьи, с ее прочным домашним укладом, где, можно сказать, символом очага был самовар, который так умело ставила мать для своей семьи, ценившей ритуал чаепития. За стенами этого семейного уюта простирался враждебный и чужой мир. Там была тяжелая работа, очереди за пищей и одеждой, процветающая антирелигиозная пропаганда и доносы. И оттуда в дом просачивался страх ночного стука в дверь, предвещавшего обыск и арест. Дети росли напуганные страхом родителей. Хотя почти у каждого ребенка есть свои защитные механизмы. У Нины, например, рано пробудилось здоровое влечение к плодоносящей земле, – она любовно обрабатывает отведенный под огород, разрешенный клочок земли в ее родном городке, расположенном в 90 км от Москвы. Затем, спасаясь от арестов (арестован был близкий родственник), семья, с помощью медицинского свидетельства от сердобольного врача, перебирается в Феодосию.

А дальше шла война. Антинемецкая пропаганда сменяет предшествовавшую ей пронемецкую ориентацию. В школе показывают фантастические картинки: вот стоящие в очереди изможденные люди ловят ворону и съедают ее живьем. Вот немилосердно расправляются с евреями. Люди не верили ни в съеденную ворону, ни в уничтожение евреев, увы. Вводится "ворошиловский закон" непризнания военнопленных. Караются члены семьи "изменников", "гитлеровцев".

Феодосия встречала немцев хлебом-солью, за что люто потом поплатилась. Временное освобождение города представляло сплошной кошмар: расстрелы, массовые изнасилования, отравление колодцев... А оккупанты все же проявляли человечность, когда действовали не по приказам, а по движению человеческого сердца. Было всё: страшные расстрелы невинных, оставшихся в городе евреев (эта трагическая участь постигла близкую подругу Нины), безнадежное положение русских военнопленных (в их рядах пропал без вести отец Нины), и вместе с тем немцы поддерживали какой-то порядок, открыли церкви и для многих дали возможность не умереть с голоду. Когда объявили добровольную запись на работу в Германию – вместо 1000 требовавшихся рабочих записалось 3000. Среди них была и Нинина мать, говорящая по-немецки уроженка Риги со своими двумя детьми: Ниной и Славой. Таким образом,

тогда не предполагая этого, семья навсегда покинула Россию.

В Германии добровольцы очутились на положении "ост-арбайтеров" со всем неравноправием, связанным с этим статусом. Конечно немного помогало знание немецкого. Мать, лишенная опоры мужа, употребила все усилия на то, чтобы семью не разделили. Ей удалось это сделать, но не удалось уберечь сына. Зверски избитый заводским надсмотрщиком (вообще же - бить "остовцев" не полагалось) - он стал на всю жизнь инвалидом.

Когда пришли освободители-американцы, молодежь вспомнила, что она молода, что можно потанцевать, хорошо одеться и сытно поесть. Но надвигалась новая беда: ялтинское соглашение, и во всех зонах побежденной Германии стали орудовать отряды СМЕРШа. Сталин вдруг вспомнил и о военнопленных, существование которых еще недавно отрицал. Очень хорошо описала Нина Марковна смятение людей, попавших в ловушку. (В русской зарубежной литературе об этом прекрасно написал Л. Ржевский во второй части романа "Между двух звезд", изд-во им. Чехова, 1953.) "Мы готовы были ехать в черную Африку, - пишет Нина Марковна, - в джунгли Южной Америки, в бельгийские рудники, - только не обратно к Сталину" (с. 349).

Недавно мать умоляла немецкого фабриканта не разделять семью, теперь она молила американского офицера избавить ее от репатриации. То было время трагического непонимания Западом жестокой сущности своего восточного союзника. Тогда же наблюдательная Нина заметила особенный характер лица одного из американских офицеров: "...какое действительно у него плоское и отвлеченное лицо. Однако такое лицо не может вызвать враждебности. Приятное, открытое, - чистое лицо. Только в выражении глаз - специфический оттенок уверенности, будто бы эти глаза знают всё, что нужно знать, и не хотят знать ничего больше. Хорошие, честные глаза, но какие безразличные" (с. 351). Покуда не закончилась навсегда та страшная пора, для многих спасение заключалось в добыче фальшивых документов и в подаче неверных о себе данных.

Автор книги живет сейчас во Флориде с мужем-американцем. Счастливый конец ее "путешествия" заключался в этих нескольких строчках, полных вполне понятного чувства радостной благодарности: "Пароход равномерно плыл к берегу. Только несколько часов отделяли меня от американской земли. А находящемуся во мне ребенку суждено было родиться на благословенной земле - быть американцем! Многими извилистыми и непредвиденными дорогами шла я, покуда судьба не привела меня, наконец, в страну, где так много света и надежды" (с. 3). Так начинается книга. Строки эти сразу же напомнили мне другие, затрагивающие проблему чувства обязанности "пришельцев", т. е. эмигрантов, по отношению к приютившей их стране.

Недавно в Советском Союзе в серии "Роман-газета для юношества" вышел роман "Семья" писательницы первой эмиграции Нины Федоровой. Впервые книга ее была напечатана по-английски в 1940 году (Little, Brown Co), а в 1952 году - по-русски в издательстве им. Чехова. Послесловие к советскому изданию "Семьи" написал известный автор и редактор Дмитрий Урнов. Он говорит о своих долголетних стараниях опубликовать в России полюбившуюся ему книгу Нины Федоровой. Заканчивается послесловие воспоминаниями автора о встречах с тоскующими зарубежными соотечественниками. Приведу почти весь конец послесловия: "Приходили и рассказывали о своей судьбе, о своей тоске, а тоску эту не может вытравить и уничтожить никакой успех и никакое преуспевание, потому что это болезнь, поражающая весь организм и действующая приступами. Она, эта тоска, как выражаются испытавшие эту тоску на себе, поистине "грызет" и может, как нам тоже рассказывали, "заесть" человека... Так и говорят: "тоска его заела". Тоска по родине. В "Семье" это прекрасно описано на примере Пети: как он в конце концов бросается через границу - на родину. Это порыв органический. Этого вся натура требует. Иначе человек, что бы ни случилось с ним в дальнейшем, и не представляет себе жизни. /.../ "О, горек чужой хлеб и тяжелы чужие ступени", как сказал оказавшийся изгнанником великий поэт Данте. Когда я читал последние страницы "Семьи", касающиеся судьбы Лиды, дочери, собирающейся замуж за американца и в этом нашедшей свою судьбу, то мне все время вспоминался реальный документ - письмо, которое я, вернувшись домой, получил из Америки от сестры выдающегося русского авиаконструктора Игоря Ивановича Сикорского. С ним в незапамятные годы встречался мой другой дед, Борис Николаевич Воробьев, инженер и редактор одного из первых русских авиационных журналов, и когда я попал с рюкзаками в Америку, то связался с Сикорским, а потом уже мне написала его сестра. Сколько же раз на протяжении письма она (как и Нина Федорова) кланялась в сторону американцев! И это - Сикорские, занявшие в США видное положение. Ничего плохого об американцах сказать не хочу. Это проблема не для американцев, это проблема для пришельцев, это их участь - чувствовать себя всю жизнь обязанным тем, кто тебя приютил.

Читателей "Семьи", вероятно, заинтересует судьба Пети, племянника, молодого человека, решившегося на исключительный шаг - вернуться домой. Виктор Порфирьевич Петров (зарубежный писатель, известный путешественник Виктор Петров. - В. С.) мне говорил, что в нашем альманахе "Сибирь" появился очерк о трех русских из Харбина, в том числе о нем. Сам Виктор Порфирьевич как жил, так и остался в Харбине, потом уехал в Америку. Двое его друзей, как Петя из романа "Семья", отправились к нам. Шесть и

восемнадцать лет заключения выпали на долю соответственно одного и другого... А сам Петя? Как рассказывается в романе "Дети" (тоже Нины Федоровой. - В. С.), он попал в лагерь где-то на Урале..." (с. 392-393).

Мне не совсем понятна логика автора, удивленного благодарностью Сикорских, занявших в США "видное положение". По-моему, наоборот, - им *особенно* есть за что чувствовать признательность. Но суть в другом. Автор видит проблему для "пришельцев" в их участии "чувствовать себя всю жизнь обязанным тем, кто приютил". Я не вижу здесь никакой проблемы. Способность быть обязанным за добро и чувство благодарности - качества хорошие, не отягощающие порядочного человека. Говорю это из собственного опыта. Это же сказала бы и Елена Ивановна Сикорская, моя дальняя родственница, упомянутая Д. Урновым, будь она сейчас жива.

Проблему я вижу совсем в ином. В какой стране возвращение домой называется "исключительным шагом"? Но главное: "Шесть и восемнадцать лет заключения выпали на долю соответственно одного и другого". За желание вернуться домой!!! Вот где проблема. И о ней написать бы в двадцатичетырехстраничном послесловии хотя бы одну строчку.

На фоне "шести и восемнадцати лет заключения" так понятны благодарные строчки, обращенные к новой стране, автора ценной книги "Нинино путешествие". И понятна радость за судьбу Лиды из романа "Семья". И понятно письмо Елены И. Сикорской.

Валентина Синкевич

Ариадна Евгеньевна ШИРИНКИНА

(1917-1990)

18 июля с. г. во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) после тяжелой болезни скончалась Ариадна Евгеньевна Ширинкина, один из старейших членов Народно-Трудового Союза российских солидаристов. Старейших не столько по возрасту (она родилась 3 декабря 1917 года в Харькове), а именно по стажу пребывания в НТС. В середине 30-х годов, совсем еще юной студенткой медицинского факультета, пришла она на молодежное собрание "новопоколенцев" - тогда Союз назывался Национально-Трудовой Союз (нового поколения). Да так и осталась с ними, связав с Союзом всю свою, без остатка, жизнь.

А. Е. прошла с Союзом весь его нелегкий путь: с довоенных времен; через войну, когда она в одной из первых групп союзников поехала в Россию, чтобы собирать российскую молодежь против Сталина и Гитлера, за свободную Россию; в трудное послевоенное время, когда Союз определялся в новой обстановке; через работу с моряками и вообще советскими гражданами; через переписку с людьми в самой России - она умела, как никто другой, находить простые, ясные, доходчивые слова, отдававшиеся в душах людей... А. Е. досталась "главная женская роль" во всех антиэнтезовских фильмах КГБ, эдакой авантюристки без страха и упрека. Знали бы эти "серые", о ком они так! (Хотя они-то как раз и знали, но тем гнуснее их роль.)

А. Е. прожила ту жизнь, какую она хотела прожить, и в этом смысле счастливую, но и нелегкую. Была она человеком глубоко религиозным и все свои и чужие поступки она, иной раз, может, слишком для нашего века прямолинейно, мерила десятью заповедями. Не каждому

такое дано и не каждому в наш расслабленный век по силам. И никогда не считала она, что чем-то пожертвовала, отказалась от каких-то жизненных благ, пусть даже и для святого дела. Союз был ее жизнью, ее братством. А. Е. могла сказать про себя: Союз - это я.

Мечтой всей ее жизни было вернуться в свободную, именно свободную Россию, и для того, чтобы Россия была свободной, она и жила.

Мир праху ее!

"Грани"

Прот. Кирилл ФОТИЕВ

В августе с. г. в Мюнхене после почти годичного сопротивления тяжелой болезни скончался известный церковный и культурный деятель прот. Кирилл Фотиев.

Прот. Кирилл родился в Москве в 1928 году. После ареста отца в середине 30-х годов смертельно в то время больная мать упросила свою сестру Наталью Сергеевну Рар (ур. Юдину), семья которой получила тогда разрешение на выезд в Латвию, забрать мальчика с собой и позаботиться о нем. Так он и вырос в этой семье, с ней же оказался после войны на Западе. Пройдя вместе со многими тяжелый беженский путь, - через лагеря Ди Пи, отъезд в Марокко, - он в середине 50-х годов вновь оказывается в Европе, сначала во Франкфурте, за тем в Париже, где в соответствии со своими склонностями поступает в Богословский Св. Сергиевский институт (о. Кирилл предпочитал говорить - Духовная Академия).

Среди своих учителей в Институте он всегда особо выделял проф. Антона Владимировича Карташева и о. Николая Афанасьева. Отец Кирилл писал: "Основные научные и духовные интуиции этих двух замечательных ученых, доведенные до своего логического предела, как бы исключают одна другую: истина, очевидно, в антиномическом сочетании, в трудной сопряженности тех основных прозрений, которыми были отмечены как они сами, так и их на-

учный подвиг". В этой оценке по сути заложено видение самого о. Кирилла, его несколько парадоксальный подход, умение соединять, казалось бы, вещи самые противоречивые.

После окончания Богословского института о. Кирилл служил в различных приходах Зап. Европы, США, окормлял приходы в Южной Америке. Он вообще очень много ездил, но любовью всей его жизни была, конечно, Италия. Там он, человек глубоко русский, чувствовал себя внутренне спокойно и освобожденно. Об Италии он мог рассказывать часами, никогда не повторяясь.

Отец Кирилл был человеком исключительной и разносторонней образованности (как в богословии, так и в вопросах культуры) и даже какой-то особой, только ему присущей утонченности. Сочетание этих трех редких качеств в определенной степени нередко "мешало" ему в общении с людьми, лишало его той внутренней простоты, какой при еще большей образованности и разносторонности отличался покойный о. Александр Шмеман, сыгравший огромную и благотворную роль в жизни о. Кирилла.

Прот. Кирилл Фотиев много писал по самым разным вопросам - для "Вестника РХД", для "Граней", для журнала "Посев", многолетним членом редколлегии которого он был до конца своих дней. Именно из-за статей о. Кирилла в "Гранях" в старую рубрику *"Философия. Религия"* было добавлено еще одно - *"Культура"*, так как его глубокие и всегда оригинальные статьи трудно было подвести под традиционные рубрики.

Когда-то русский философ Н. О. Лосский написал глубокую эпитафию в связи со смертью другого человека, но она удивительно подходит о. Кириллу: "Будем же молиться Всемилостивому Господу, да простит Он новопреставленному рабу Своему Кириллу все его прегрешения и сомнения, а по великому Своему милосердию да сподобит его услышать небесную гармонию и те звуки небес, которых не могут заменить никакие песни земли".

"Грани"

Памяти друга

Юлии Крамской, убитой коммунистами и
погибшей в автомобильной катастрофе

Летели хмельные предарестные дни. После первого обыска и "Заявления для печати" я передал все дела, успел уже передать, машины шли за мной вплотную, заезжали на тротуар. Было ясно, что вот-вот, и наконец-то можно будет отдохнуть, вздохнуть свободно.

Мы старались не терять друг друга из виду. Начать могли не одновременно, и оставшиеся пока на свободе должны были обо всем узнать и нанести последние удары.

Юля не позвонила мне в этот день, я решил, что начали с нее. Но надо еще было поприсутствовать на "банжете" в честь моего ареста (опять дела...), почтить прекрасный, специально выгнанный к случаю первач. Я быстро ушел. "Ну, что, как у тебя?" - ворвался я к ней в квартиру. Всё было пока в порядке, она просто мертвецки устала после смены. Пора было расставаться - надолго. "Ну что, Юленька? И восьми лет не пройдет". Шутка вышла натянутой и глупой. Что за цифра дурацкая - семь? Давали бы девять... "Что ж, пора. Автобусы..." - "Оставайся, Валерка".

Я не остался. У нас давно всё кончилось, а что началось заново, было как-то уж слишком всерьез. Ничего я не хотел оставлять по эту сторону провслоки.

В восемь утра меня разбудил резкий звонок в дверь. "Пришли, - сказал я маме. - Дверь не открываем. Пусть повыламывают, на то и бандиты". Я сосредоточился, помолвился, сжёг что-то совсем неважное. Так, в назидание потомкам. Дел больше не осталось. Я сел читать Набокова. В дверь ломились всё сильнее. "Не могу больше. Нервы шалют, как на войне. Линия уже выдержана: минут сорок прошло". Я не понял, для чего на войне нервы... но в конце концов действительно не важно. Будет еще время линию свою тянуть. "Хорошо. Открой".

Началось моё Лефортово. Я занимался, читал, гулял по часу в день... Когда я мог мечтать о таком житье? Да просто так - вспоминал, валяясь на кровати. Как полнокровно возвращалось теперь всё, пережитое наспех, в безумном верчении последних лет. "Ну что, Юленька? Вот и лето прошло..." - шептал я, гуляя по похолодавшим дворикам.

Она любила этот стих. Как-то мы встретились с ней в метро, она готовилась к экзаменам. Несколько задач не получались, ручки мы оба забыли, и я записывал решения её губной помадой. "Вот и эта гадость сгодилась", - пробормотал я, возвращая тюбик. "Молчал бы уж. Педагог". Вдруг она посерьезнела - очень, до конца как-то. "Вот и лето прошло,/ Словно и не бывало./ На пригреве тепло./ Только этого мало... Жизнь брала под крыло,/ Берегла и спасала,/ Мне и вправду везло./ Только этого мало". Мы тоже усвоили, на свой, эстетский лад, проклятую эту современную сдержанность и ироничность. И видно было, что это очень уж выросло в тебе, не смогло удержаться.

Наступил час пик, советский народ возвращался со службы. В давке вокруг жили какие-то жирные поцелуи, торты. А тонкая высокая девочка, забыв обо всем, читала Тарковского.

Как несказанно милостив будет ко мне Господь! В бесконечности уральских ночей ты всё время будешь рядом. Я буду слушать твои стихи, гладить волосы... А потом, очнувшись, мучительно гадать: сильно ли тебя изуродовало напоследок?

Но всё это будет потом. А сейчас я еще здесь, в своем Лефортово, безмятежно болтаю с тобой. И мне предстоит еще узнать о твоей гибели.

Я решил участвовать в закрытии дела. До этого я не разговаривал с ними ни о каких "делах", позицию мою подписание 201-й портит лишь формально. А больно уж много соблазнов сулило знакомство с толстыми папками!

К тебе они пришли в то же утро. Я читал протокол твоего первого допроса. Я ничего не понимал. Нет, тебе вполне можно выставить диссидентскую "четверку". Ты

никого не предала, у тебя сразухватило самообладания, чтобы не выдать людей - даже намеком. Но - не по этой бы шкале мерить тебя! "Добровольная выдача" каких-то пустяков. Зачем?! Пришли - грабьте. "Я с этим клеветническим утверждением не согласна" (это о чем-то в "Бюллетене"). Юля! Юля! Что они сделали с тобой? Кто просил твоей рецензии? Ведь ты же сама себе этого никогда не простишь!

Врезалась в память одна деталь. Распечатку "Бюллетеня" ты попыталась спрятать в постели. Наверняка решила, что красные джентльмены не станут, авось, рыться в женском белье...

Но эмоции потом. Надо было продолжать читать дело. Ксерокопия "Посева"! Сколько месяцев я наш журнал в руках не держал! Сообщение о наших арестах, об обысках. "Крамская после обыска исчезла. Место пребывания ее не известно". "Ну и как, - небрежно спросил я, переворачивая страницу, - отыскалась Крамская?" - "Она погибла, Валерий Анатольевич. Автомобильная катастрофа." - "Много она знала о Вас", - добавил следователь. Я посмотрел Попову прямо в глаза, и мерзавец осекся. Впервые он позволил себе такое! Я разглядывал особь. "Не очень, Владимир Павлович, - утешил я его. - Гораздо меньше, чем Вам кажется".

День кончился. Отбой. Электрички уже перестали ходить. Спящий сосед, прожекторы за окном... Лефортовское безмолвие. Дурак и подонок, как я гордился возвращенной мною железной сменой. Только теперь - ценой твоей жизни! - я начинал что-то понимать...

Вспоминал твой рассказ, - как классная руководительница просвещала вас насчет статьи 70-й. И при этом выразительно поглядывала на тебя. Мне ты рассказывала об этом со смехом.

Твоя мать - слабая, интеллигентная женщина. Читая "Хронику", она повторяла, что всё это грязь, а в грязи стоит ли и копать? Надо жить искусством. При помощи таких нехитрых софизмов она пыталась тебя уберечь...

Она знала о наших встречах. Но мы всё же как-то полускрывали их, чтобы не расстраивать ее зря. Однажды я принес твои любимые гвоздики. Ты поставила их в вазу и надежно засунула в шкаф. Виновато объяснила: "Скоро мама придет". - "Так... на них же не написано", - растерялся я. Ты грустно улыбнулась. "Валерка. Хорошо тебе. Ты всё-таки не понимаешь, где живешь. Да по цветам ты вычисляешься абсолютно однозначно".

Так она и жила - в городе, в котором исчезли цветы. Смех веселой когда-то семиклассницы звучал с каждым годом всё загробнее...

Нет, они не пускали на тебя грузовик. Это было уже не нужно. Они убивали тебя годами. И чекистский утренний звонок в дверь оказался просто - последней пулей.

И всё-таки они убили тебя. И физически - тоже. Ведь кроме причинной, есть глубинная, метафизическая предопределенность. Каждому - своё. Одним, нюхнув Лефортова, предав всё и всех, хвастать всю жизнь под бутылку революционным прошлым, повествовать о перенесенных мучениях.

Прости, что я вспомнил о них, говоря о тебе. Ты просто - опустила голову. И как же тебе было жить дальше? С покорно опущенной перед палачами? Или - поднять, как прежде, как ни в чем не бывало, наврать себе, обо всем забыть?

Не пройдет и пяти лет, как я снова буду в Москве. Я куплю гвоздики и отнесу их к твоему дому. Но дома уже не будет. Рассвет мира нового над нашей страной, и мощногрудые бульдозеры победно сносят с лица моей земли ненужную старозаветную рухлядь...

Я сожгу твои цветы. Хоть и буду, конечно, знать, что это по-детски и сентиментально. Как та клятва, которую мы даем, вступая в Союз. И тут же сжигаем, оставляя ее в сердце. Клятву обо всем помнить. И ничего не прощать. Вечно помнить о сотнях миллионов сожженных и сжигаемых человеческих душ.

Москва, 1990 г.

Валерий Сендеров

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Б е с к р о в н ы х Виктор Иванович. Биолог. Бывший политзаключенный. В настоящее время живет в Западной Германии.

Б е ш е н к о в с к а я Ольга (Кузнецова Ольга Юрьевна) – ленинградка, по образованию журналист, работает оператором газовой котельной. Редактор-издатель машинописного журнала "Топка". Стихи пишет с детства, публикуется с тринадцати лет. В 1987 году в ленинградском отделении издательства "Советский писатель" вышла ее первая книга "Переменчивый снег". Публикуемые в этом номере стихи взяты из книги "Соверенник", стихи 1985–86 гг.).

К р я ч к о Борис Юлианович. Род. в сентябре 1930 года. Русский писатель, живущий в Эстонии. Лет шесть назад на Запад попала довольно объемистая папка рукописей, на которой имя автора было обозначено: Андрес Койт. Балтийские имя и фамилия ("койт" по-эстонски, если не ошибаемся, означает "роса") в сочетании с удивительно русской фактурой сказа давала основания считать, что автор назвался псевдонимом.

Год с небольшим назад по обзорной статье литературного критика "Огонька" Татьяны Ивановой нам удалось однозначно "вычислить" автора. Т. Иванова пишет, что читать надо так много, что она не успевает следить за всем, а потому нередко полагается на отзывы-советы читателей в письмах к ней. И вот в одном из приведенных ею таких писем был восторженный отзыв о рассказе Б. Крячко "Журналист", напечатанном "где-то в Прибалтике". И больше ничего. Но рассказ с таким названием был и в нашей папке. К тому была упомянута Прибалтика. Так что, сомнений уже почти не было.

Лучше всего рассказал автор сам о себе в публикуемой в этом номере беседе с молодыми таллинскими журналистами Ириной и Виталием Белобровцевыми.

Редакция журнала "Грани" хочет воспользоваться одной биографической деталью из этой беседы и от всего сердца поздравить Бориса Крячко с шестидесятилетием, выразить ему нашу благодарность за наслаждение, доставленное его прозой и пожелать ему всего самого хорошего.

К у б л а н о в с к и й Юрий Михайлович, род. в 1947 году. Окончил искусствоведческое отделение Московского университета. В октябре 1982 года под давлением угрожавшего ему КГБ был вынужден эмигрировать. Автор трех поэтических сборников: "Избранное" (сост. И. Бродский, Ардис, 1981); "С последним солнцем" (La Press Libre, 1983); "Оттиск" (УМСА-Press, 1985). Автор очерков, эссе, критических статей и рецензий, регулярно публикующихся в периодике русского Зарубежья. В последние год-два его стихи стали возвращаться в Россию. Уже вышел один сборник стихов на родине.

Ф л о р е н с к и й Павел Васильевич. На полном отчестве или хотя бы первой его букве настаивает, во избежание путаницы и недоразумений из-за совпадения с именем и фамилией своего знаменитого деда, богослова и священника о. Павла Флоренского. П. В. родился в 1936 году в г. Сергиев Посад (Загорск). Доцент Московского института нефти и газа. Педагог, эколог, активист природоохранительных объединений, участник борьбы против проекта "перевоски рек", член Научной комиссии по охране Троице-Сергиевской Лавры.

Х р о м ч е н к о Яков. Многолетний узник сталинских лагерей. Кинорежиссер и сценарист. Пишет рассказы. С середины 70-х годов живет в Израиле.

Ч е м е с о в а А. Е. - псевдоним Ариадны Евгеньевны Ширинкиной (1917-1990). О ней самой см. переписку с О. А. Цадкиным в этом номере, а также некролог в разделе *СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ*, опубликованных в этом номере журнала.

Ц а д к и н Осип Алексеевич (1870-1967). Известный современный французский скульптор, родившийся в Смоленске. О нем написано множество монографий на разных языках, но на русском, кажется, ни одной нет.

СОДЕРЖАНИЕ С № 155 ПО № 158

ПРОЗА

- АЛЕШКИН** Петр
Свобода, равенство, братство. Главы из романа,
кн. I, 157
- БАТШЕВ** Владимир
Ничтожность. Начало романа, 156
- БОРОДИН** Леонид
Женщина и море. Повесть, 155
- КАРЛИН** Михаил
Смерть либерала. Маленькая повесть, 158
- МАЛЮГИН** Александр
Порода. Рассказ, 158
- ХРОМЧЕНКО** Яков
Дождь. Рассказ, 158
- ЭФРОИМСКИЙ** Михаил
Три рассказа: Порода. - Спасение. -
Однофамилец, 157

ПОЭЗИЯ

- БЕШЕНКОВСКАЯ** Ольга
Семь стихотворений: "Симпатия надежней, чем любовь..." - "Каменночешуйчатый дракон..."
и др., 158
- ВЛАДИМИРОВА** Лия
Встреча-прощание. 13 стихотворений: "Тянуло пряным ароматом..." - "А что привидится потом..."
и др., 155

ГРИГОРЬЯН Леонид

6 стихотворений: Звенья. - "Крепок сон всероссийских богов" и др., 156

КОЛКЕР Юрий

6 стихотворений: "За топкой, на Адмиралтейской шесть...". - "Мне чудилось: я Молоху служу..." и др., 157

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий

3 стихотворения: "В алом, готовом осыпаться вскорости..." и др., 155

Путешествие. 7 стихотворений: "Свет течет из зимнего окна...". - "В рассеянных поисках рая..." и др., 158

МАКСИМОВА Наталья

16 стихотворений: Слово. - Валаам. - "...Страна, граничащая с Богом..." и др., 156

МАРК Григорий

8 стихотворений: "Окошко в стене...". - Собор.- "Где-то в небе прозрачный рейсфедер..." и др., 158

ЧЕРТОВ Олег

10 стихотворений: Грузия. - Закон. - "Год к весне. Дым клубится..." и др., 157

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

КОЛКЕР Юрий

Изящные науки, 156

ЛАТЫНИНА Юлия

Два авангарда, 158

РЕДЛИХ Роман

Воскрешение языка, 158

РЖЕВСКИЙ Леонид

Встречи с русскими писателями, 156, 157

ШНЕЕРСОН Мария

Трагедия сына века, 157

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

ЦВЕТАЕВА Марина

Неопубликованные письма 1940 года (публ. и предисл. И. Шенфельда), 155

РЕПИН Илья

Два неопубликованных письма (публ. и предисл. В. Синкевич), 155

БАРАНСКАЯ Наталья

Автобиография без умолчаний, 156

СЕНДЕРОВ Валерий

Избранные места из переписки с волей, 156

КЛИМЕНКО Ольга

Десять лет. Воспоминания, 157, 158

ЧЕМЕСОВА А. Е. - ЦАДКИН О. А.

"Мы - птицы разного полета...", 158

ИСТОРИЯ

ГЕЛЬФЕРИХ Карл

Моя московская миссия (публ. и предисл. Ю. Фельштинского), 155

АНДРЕЕВ Герман

Причины поражения антибольшевистских сил, 156

ПУБЛИЦИСТИКА

НЕЗНАНСКИЙ Фридрих, ЮГОВ Александр

Девятый вал, 156

БЕСКРОВНЫХ Виктор

Экологический кризис в СССР, 158

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОСТИ

ЗАПЕЦКИЙ Владимир

Колпашевский яр, 155

ФЛОРЕНСКИЙ Павел В.

Против кого мы водимся?, 158

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

о. Вячеслав ПОЛОСИН

Размышления о теократии в России, 156, 157 (В № 156 начало статьи опубликовано под псевдонимом Сергей ВЕНЦЕЛЬ.)

БЫЧКОВ В. В.

Умозрения Павла Флоренского - венец православной этики, 157

ИСКУССТВО

ОРЛОВА Александра

П. И. Чайковский о музыке, 157

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

БОГОЛЮБСКИЙ Константин

"Память общей беды..." (о новых изданиях поэзии Лии Владимировой), 158

ГОЛИЦЫН В.

Генерал Власов, каким он был (Catherine Andreyev «Vlassov and the Russian Liberation Movement»), 155

ЗАВАЛИШИН Вячеслав

Пушкин и гравюры Ильи Шенкера ("Итак, я жил тогда в Одессе..."), 155

КРОХМАЛЬ Евгений

Приручение (А. Авдеенко. "Отлучение"), 156

Размышления у разбитого корыта... (о Л. Петрушевской и А. Кабакове), 157

Черная кошка в "темной комнате" (Людмила Петрушевская. "Песни XX века"), 158

РОЭ А.

Война и мир, который ее вел (В. Лемпорт. "Невидимый противник..."), 156

СИНКЕВИЧ Валентина

Петербургский период Георгия Иванова (новая книга Вадима Крейда), 157

"Нинино путешествие - воспоминания о сталинской России и Второй мировой войне", 158

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Отходная Тамиздату?, 156

БАТШЕВ Владимир

"Посев" в Москве, 156

СЕНДЕРОВ Валерий

Письмо организаторам вечера, 156

УТЕВСКИЙ Михаил

Одним январским вечером, 156

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ, 158

СОДЕРЖАНИЕ с № 155 по № 158 (за 1990 г.), 158

**Главный редактор
Е. А. Брейтбарт-Самсонова**

Адрес редакции журнала «Грани»:
Grani c/o Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D 6230 Frankfurt a. M. 80
Тел. (069) 34 46 71

Непринятые рукописи не возвращаются.

Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt am Main

ЖУРНАЛ "ПОСЕВ"

"Посев" - общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

"Посев" участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал "Посев" выходил также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. С 1990 года сливаются два издания - ежемесячный "Посев" и его квартальное издание. "Посев" в новой форме будет выходить каждый второй месяц на 160 страницах.

